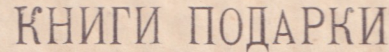

ВСЕМІРНЫЕ СВѢТОЧИ
ШЕКСПИРЪ И ЕГО ВРЕМЯ

Елена-Робинзонъ.

Приключенія дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Сост. по Де-Фоэ и Меллину Э. Гранстремъ. Съ 73 рис. 4-е изд. Цѣна въ перепл. съ зол обр. 2 р. 50 к.

Варѳоломеевская ночь.

Историч. разсказъ А. Генти, съ англ. М. Гранстремъ. Съ 63 рис. Изд. 2-е. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 р.

Живчикъ.

Разсказъ для дѣтей млад. и средн. возр. Г. Менвиль-Феннъ. Съ англ. М. Гранстремъ. 3-е изд. Съ 20 рис. Цѣна въ перепл. съ золот. обрѣз. 2 руб.

Маленькій милліонеръ.

Разсказъ для дѣтей младшаго возраста М. Ливингстонъ-Мооди. Съ англ. М. Гранстремъ. 3-е изд. Съ 45 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 руб.

Маленькія школьницы

пяти частей свѣта.

Разсказы для дѣтей средняго возраста Е. Бертье, одобр. Франц. Акад. Съ франц. М. Гранстремъ. 3-е изд. Съ 93 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 р.

Любочкины отчего и оттого!

Сост. по Дебо и другимъ Э. Гранстремъ. Съ 69 рис. Изд. 3-е, дополн. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 р. 50 к.

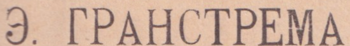
Сказки З. Топеліуса.

Съ шведскаго М. Гранстремъ, изд. 4-е, дополн., съ 2 раскр. карт. и 36 рис. Цѣна въ пер. съ зол обр. 2 р.

Забытые разсказы

пѣвца, шута и странника. А. Гоопъ, съ англ. М. Гранстремъ. Съ 100 рис. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 руб.

С.-Петербургъ, В. О., Волховской пер., 6.

Въ лѣсахъ Флориды.

Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Сост. по Бэрингъ-Гульду и Брюнэ М. Гранстремъ. Изд. 2-е. Съ 23 рис. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 руб.

Всемірные свѣточи.

Разсказы изъ жизни великихъ людей.

ШИЛЛЕРЪ и ГЁТЕ. Три разсказа изъ исторіи нѣм. литерат. Сост. по Огорну и Эрлиху М. Гранстремъ. Съ 75 рис. Цѣна въ перепл. 2 руб.

ШЕКСПИРЪ и ЕГО ВРЕМЯ. Разсказъ для сред. возр. Сост. по Тику и Геккеру М. Гранстремъ. Съ 60 рис. Цѣна въ перепл 2 руб.

Синее знамя.

Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимств. съ франц. М. Гранстремъ. Изд. 3-е. Съ 65 рис. и картой походовъ Чингисхана. Цѣна въ пер. 2 руб.

Исторія одного маленькаго человѣка.

Разсказъ для средн. возр. М. Р. Гальтъ, одобр. франц. акад. Перев. М. Гранстремъ. Изд. 3-е. Съ 4 раскр. картин. и 86 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 р. 25 к.

Снѣжный король.

Разсказъ изъ тридцатилѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Э. Гранстремъ. Изд. 3-е. Съ 45 рис. Цѣна въ перепл. 2 руб.

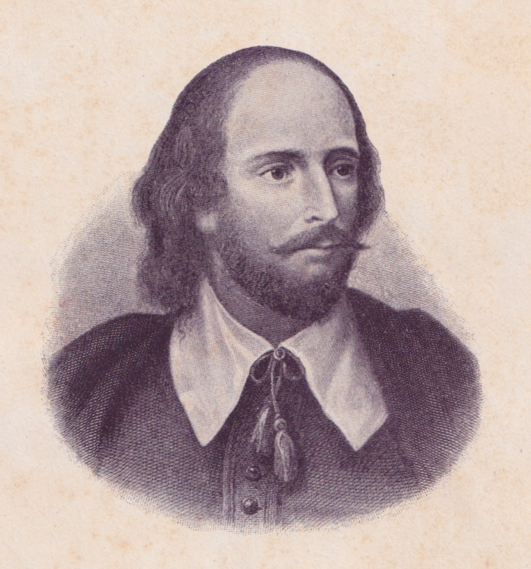
Пылающій островъ.

Разсказъ изъ послѣднихъ событій на Кубѣ Л. Буссенара. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 28 рис. Цѣна въ пер. съ зол, обр. 2 руб.

Крошка Ася.

Разсказъ для дѣтей младш возр., сост. Э. Гранстремъ. Съ 47 рис. Цѣна въ пер. съ зол. обр. 2 р. 50 к.

С.-Петербургъ, В. О., Волховской пер., 6.

Willm Shakspere.

ВСЕМІРНЫЕ СВѢТОЧИ
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ

ШЕКСПИРЪ и ЕГО ВРЕМЯ

составлено по Тику и Геккеру.

М. ГРАНСТРЕМЪ.

съ 68 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. П. Собко. Почтамтская, 13.

Дозволено цензурою. СПб. 15 ноября 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вилліамъ Шекспиръ.

Обстоятельной біографіи Шекспира не существуетъ. Приводимъ краткія свѣдѣнія изъ жизни великаго поэта, дошедшія до нашего времени.

Вилліамъ Шекспиръ—сынъ Джона Шекспира и жены его Маріи, урожденной Арденъ. Джонъ Шекспиръ принадлежалъ къ мелкопомѣстному дворянству графства Варвикъ. По смерти отца онъ переселился съ отцовской фермы въ сосѣдній городокъ Стратфордъ на Авонѣ, гдѣ, благодаря своей предпріимчивости и энергіи, съ успѣхомъ занялся разными промыслами: выдѣлывалъ кожи, перчатки, торговалъ шерстью, зерномъ, мясомъ, лѣсомъ и т. п. Матеріальное благосостояніе его росло, чему не мало способствовали средства жены, происходившей изъ состоятельной дворянской семьи графства, и вскорѣ Джонъ Шекспиръ сталъ занимать разныя почетныя должности въ общественномъ управленіи города и подъ конецъ состоялъ ольдерменомъ и высшимъ судьей. Въ это время Вилліаму шелъ уже четвертый годъ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ церковной метрической книгѣ Стратфордскаго прихода запись о днѣ крещенія поэта: «1564, April 26: Gulielmus filius Johannes Shakespeare». Семья Шекспира благоденствовала, и ее пощадила даже моровая язва, свирѣпствовавшая въ городѣ нѣсколько недѣль спустя послѣ рожденія

Вилліяма и унесшая особенно много дѣтей. Въ то время лишь на немногихъ домахъ города отсутствовалъ красный крестъ, предупреждавшій, что въ домѣ находится больной чумою.

Первое дѣтство Вилліяма прошло при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Живописныя окрестности Стратфорда, полныя воспоминаній о замѣчательныхъ историческихъ дѣятеляхъ и событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе также предки Шекспировъ и Арденовъ, сильно повліяли на художественную натуру мальчика. Замки Варвикъ, Кенильвортъ, Соутгэмптонъ, мѣстечко Ковентри, гдѣ по праздникамъ игрались мистеріи, — все это способствовало развитію въ мальчикѣ поэтическаго чутья и любви къ драматическому искусству, а затѣмъ блестящая эпоха царствованія Елизаветы породила въ немъ неистощимый запасъ образовъ и идей, послужившихъ ему впослѣдствіи богатымъ матеріаломъ для его великихъ твореній.

Когда Вилліяму исполнилось семь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ латинскую школу (free grammar school), желая дать сыну лучшее образованіе, нежели онъ получилъ самъ, — онъ былъ безграмотенъ, едва умѣлъ подписывать свое имя и предпочиталъ вмѣсто него ставить знакъ. Но въ этомъ отношеніи Джонъ Шекспиръ не былъ исключеніемъ: немногіе представители Стратфорда умѣли подписывать свое имя. Что касается матери Шекспира, то она, какъ почти всѣ женщины современной поэту Англіи, была совсѣмъ безграмотна.

Латинская школа, куда Джонъ Шекспиръ отдалъ сына, помѣщалась въ мрачномъ зданіи. Занятія происходили въ низкихъ комнатахъ и продолжались, за исключеніемъ рекреаціоннаго и обѣденнаго времени, съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, а зимою — съ утреннихъ до вечернихъ сумерекъ. Тамъ мальчикъ съ такимъ успѣхомъ изучалъ классическіе языки, что вскорѣ уже могъ читать въ подлинникѣ римскаго философа Сенеку и драматическихъ писателей Плавта и Теренція. Кромѣ того, онъ занимался французскимъ и итальянскимъ языками, которые въ то время въ Англіи были въ большомъ употребленіи. Но почти всѣ біографы Шекспира утверждаютъ, что онъ не кончилъ осьмилѣтняго курса грамматической школы.

Въ восьмидесятыхъ годахъ дѣла отца сильно пошатнулись, и въ 1586 г. онъ сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ, лишился званія ольдермена и не ходилъ даже въ церковь изъ опасенія быть арестованнымъ за долги. Стѣсненное положеніе Джона Шекспира вынудило его взять изъ школы сына, которому уже минуло четырнадцать лѣтъ. По всей вѣроятности, Вилліамъ помогалъ отцу въ его дѣлахъ, а одно время, какъ кажется, занимался у мѣстнаго адвоката, потому что впослѣдствіи выказалъ весьма основательныя познанія въ адвокатурѣ и торговлѣ.

Восемнадцати лѣтъ Вилліамъ женился на двадцатишести-лѣтней дочери сосѣда Аннѣ Хэсвей. Въ тѣ времена бракъ восемнадцати-лѣтняго юноши былъ такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и поступленіе тринадцати- и четырнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ въ Оксфордскій университетъ.

Юнаго супруга вскорѣ охватили житейскія заботы, и къ нимъ еще присоединилось горькое сознаніе, что жена его Анна не въ состояніи понять смѣлыхъ полетовъ его мысли. Все это удручало его, и онъ старался забыться въ веселой компаніи. И вотъ однажды онъ согласился принять участіе въ ночномъ браконьерствѣ своихъ товарищей во владѣніяхъ богатаго помѣщика сэра Томаса Люси, имѣвшаго въ Чарлекотѣ, по сосѣдству съ Стратфордомъ, обширное помѣстье. Въ тѣ времена были иные нравы, и любимой забавой Оксфордскихъ студентовъ было браконьерство, въ которомъ участвовали даже сыновья древней знати, и оно не считалось преступнымъ. Но судья сэръ Люси сталъ строго преслѣдовать Шекспира за этотъ проступокъ, тѣмъ болѣе, что молодой поэтъ въ сатирическомъ стихотвореніи осмѣялъ стараго чудака-помѣщика.

Эта ссора съ главнымъ судьей родного города, а также стѣсненныя обстоятельства Джона Шекспира и самого Вилліама, который на третій годъ супружества уже былъ отцомъ троихъ дѣтей, вынудили поэта переселиться въ Лондонъ, гдѣ онъ надѣялся найти поддержку среди проживавшихъ въ столицѣ многочисленныхъ уроженцевъ Стратфорда.

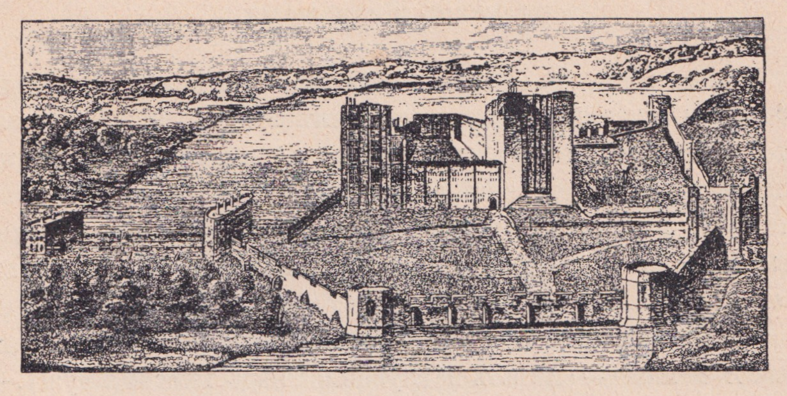
Ричардъ Бербэджъ, въ то время уже знаменитый актеръ и главный членъ труппы лорда-казначея, принялъ въ другѣ близкое

участіе, а такъ какъ Вилліямъ все болѣе увлекался театромъ, то Бербэджу стоило не много труда уговорить молодого поэта посвятить себя сценическому искусству, и Шекспиръ былъ принятъ актеромъ въ труппу лорда-казначея. Но вскорѣ онъ убѣдился, что не обладаетъ такимъ сильнымъ артистическимъ талантомъ, какъ Бербэджъ. Это сознаніе вызвало въ немъ мучительное чувство. Товарищи по сценѣ скоро замѣтили, что онъ хорошо владѣетъ перомъ, и посовѣтовали ему заняться передѣлкой старыхъ пьесъ. Шекспиръ взялся за эту трудную задачу и выполнилъ ее такъ геніально, что привелъ въ изумленіе своихъ товарищей-артистовъ. Ободренный успѣхомъ, онъ рѣшилъ написать самостоятельную пьесу. Такимъ образомъ были написаны нѣсколько пьесъ, и двѣ изъ нихъ заслужили всеобщее одобреніе, а именно: «Безплодныя усилія любви» и «Комедія ошибокъ».

Имя молодого стратфордскаго поэта сдѣлалось сразу извѣстнымъ и произносилось всѣми съ уваженіемъ. Исключительный успѣхъ пьесъ Шекспира давалъ ему значительный доходъ, и, благодаря практическому уму и бережливости, благосостояніе его возросло настолько, что онъ не только покрылъ долги отца, но уже весной 1597 г. пріобрѣлъ въ Стратфордѣ домъ, а вскорѣ затѣмъ и земли съ усадьбами. Къ этому же времени относится дарованіе Джону Шекспиру дворянскаго достоинства и герба.

Дальнѣйшая жизнь и дѣятельность Шекспира, а также современная поэту Англія представлены въ нашемъ разсказѣ, а въ видѣ пролога помѣщенъ прекрасный разсказъ Тика «Празднество въ Кенильвортѣ».

М. Г.

Замокъ Кенильвортъ временъ Шекспира (съ древней гравюры).

ГЛАВА I.

Празднество въ Кенильвортѣ.

Въ началѣ іюля, въ самые жаркіе дни его, всѣ города и деревни заволновались при вѣсти, что въ замокъ лорда Лестера, Кенильвортъ, прибудетъ королева Елизавета, и что въ честь ея готовятся великолѣпныя празднества.

И вотъ, къ замку потянулись пѣшкомъ, верхомъ и въ повозкахъ молодые и старые, чтобы взглянуть на предстоящія чудеса.

Только въ одномъ домѣ Стратфорда-на-Авонѣ, какъ всегда, царила тишина. Здѣсь никогда не нарушался разъ заведенный порядокъ. Одиннадцатилѣтній Вилліамъ, сынъ хозяина дома, сгоралъ желаніемъ также побывать въ Кенильвортѣ, но не рѣшался просить объ этомъ отца, который съ лѣтами сдѣлался неразговорчивымъ и угрюмымъ.

Отецъ, мужчина лѣтъ тридцати шести, поглощенный дѣлами и счетами, съ каждымъ днемъ все больше убѣждался, что у него не хватитъ средствъ на покрытіе предстоящихъ платежей. Жена его сидѣла съ работой у окна и привѣтливо отвѣчала на поклоны проходившихъ мимо знакомыхъ, которые большею частью направлялись съ веселыми пѣснями въ Кенильвортъ.

— Вотъ, торговля шерстью разрослась, а доходу стала давать меньше,—сказалъ нагнувшійся надъ книгами мужъ.— Я всегда все дѣлаю основательно, поэтому у меня на всякое дѣло уходитъ много времени, а тутъ еще городскія дѣла. Мнѣ это надоѣло; другіе члены городского управленія имѣютъ для этихъ дѣлъ больше свободнаго времени... Однако, кто это оретъ такъ на улицѣ?

— Кумъ Томасъ Хэсвей,—отвѣтила жена.—Вотъ весельчакъ!

— Глупецъ!—проворчалъ презрительно мужъ.—Орать онъ мастеръ, а спроси у него совѣта,—не скажетъ ни слова.

Вилліамъ робко вошелъ въ комнату и сѣлъ въ уголъ съ книжкой въ рукахъ.

— Чтò тебѣ надо?—спросилъ его отецъ.

— Дѣти шумятъ наверху,—отвѣтилъ мальчикъ,—я не могу собраться съ мыслями...

— Съ мыслями!—повторилъ отецъ.—Собирайся, собирайся съ мыслями, это тебѣ не лишнее. До сихъ поръ ты собралъ ихъ еще маловато, да и тѣ, я думаю, успѣли ужъ улетучиться.

Въ комнатѣ опять наступила тишина. Отецъ считалъ, Вилліамъ углубился въ книгу, а мать нѣжно смотрѣла на сына и хотя знала его желанія, но не рѣшалась сказать о нихъ отцу.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ сердито отецъ.—Кто это расшумѣлся тамъ у дверей?

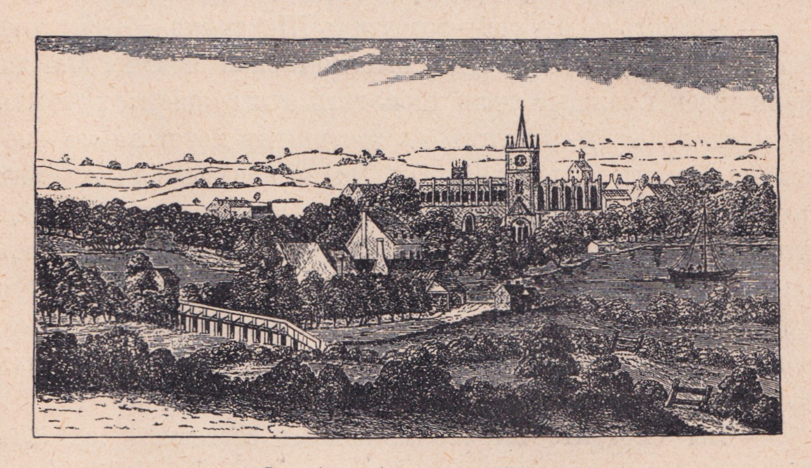
— Это я, достопочтенный мистеръ Шекспиръ,—отвѣтилъ

вошедшій молодой человѣкъ, Томасъ Хэсвей, только что прошедшій съ веселыми пѣснями мимо дома. Не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нѣтъ,—возразилъ угрюмо Шекспиръ вставая.—А я думалъ, что вы ужъ ушли.

— Сестра еще не кончила свой туалетъ. Ну, а вы?.. Впрочемъ, вы вѣдь никогда не принимаете участія въ такихъ дурацкихъ гуляньяхъ, какъ вы выражаетесь.

— Никогда!—подтвердилъ Шекспиръ.—Кромѣ того мнѣ

Стратфордъ (съ картины 1746 г.).

нужно ѣхать по дѣламъ въ Бристоль. Завтра я уѣзжаю и вернусь только черезъ нѣсколько дней.

— Это весьма кстати,—сказалъ весело молодой человѣкъ:—значитъ, вы не откажетесь отпустить съ нами вашего сына; мы будемъ смотрѣть за нимъ, какъ за роднымъ братомъ.

— Ни за что!—воскликнулъ угрюмый торговецъ.—Вотъ ужъ нѣсколько дней я отлично вижу, что всѣ вы, не исключая матери, хотите этого. Мальчикъ и такъ плохо учится въ школѣ, набивая себѣ голову романами и разными пустяками...

— Но школа закрыта на всю недѣлю,—возразилъ Хэсвей.

— Все равно!—горячился отецъ,—этому не бывать!

Мать встала, а Хэсвей взялъ Шекспира за руку и заискивающе сказалъ:

— Видите ли, многоуважаемый мистеръ Шекспиръ, такого праздника во всю нашу жизнь мы не увидимъ больше; мы и то ужъ многое прозѣвали. Нельзя описать всего, что̀ затѣваетъ лордъ! Какъ будто опять наступили времена Круглаго стола короля Артура; право, тамъ пировали не лучше.

— Въ томъ-то и дѣло!—возразилъ Шекспиръ.—Весь этотъ блескъ и роскошь—причуды высокомѣрной знати... Мы же принуждены каждый день хлопотать о насущномъ хлѣбѣ, и не намъ любоваться этимъ безразсуднымъ мотовствомъ—насмѣшкой надъ нашей нищетой! Все это вызываетъ во мнѣ только желчь, грусть, ненависть и отвращеніе, тѣмъ болѣе, что насъ, жителей этой мѣстности, принуждаютъ доставлять на эти празднества вьючный скотъ, телѣги, повозки и съѣстные припасы, а платятъ намъ за это гроши. А сколько обидъ и насилій приходится выносить отъ высокомѣрныхъ слугъ и смотрителей!..

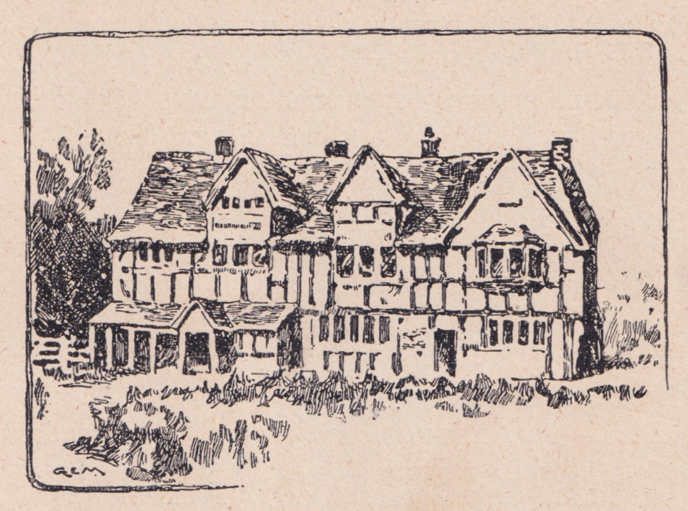
— Вы смотрите на все слишкомъ серьезно, — сказалъ Хэсвей.—Пусть все это происходитъ отъ высокомѣрія и тщеславія, но все это среди лѣтней зелени весело и поэтично, и никому въ голову не приходитъ доискиваться, откуда эта радость и веселье. Что дѣлать? таковъ міръ, таковы люди!

— Ну, да!—ворчалъ Шекспиръ.—Вы портите мнѣ малыша этими разговорами, вмѣстѣ съ моей женой. Вотъ вслѣдствіе этого безразсуднаго ликованья и происходятъ всѣ наши злополучія; жизнь—дѣло серьезное, въ ней лишь трудъ побѣждаетъ нужду, а добродѣтель — порокъ. Тамъ, гдѣ знать и глава государства предаются лишь веселью, являются безвѣріе, тиранія и всякіе пороки. Вспомните Францію во времена Варѳоломеевской ночи. Вѣдь тамъ тогда тоже все пи-

ровали и веселились. И чѣмъ все это кончилось! О, безуміе, свѣтское безуміе!

— Но такіе серьезные люди, какъ вы, составляютъ всему этому необходимый противовѣсъ! — замѣтилъ Хэсвей, желая польстить Шекспиру.

— А что выходитъ изъ всего этого?—продолжалъ сѣтовать Шекспиръ.—Вотъ года два тому назадъ въ Варвикѣ устроили этотъ глупый фейерверкъ, и что же?.. отъ него

Домъ Джона Шекспира на Генлэй-стритѣ (съ древней гравюры).

чуть не сгорѣлъ весь городъ, а два бѣдняка потеряли все свое имущество. Правда, имъ возмѣстили ихъ потери, но страхъ, безпокойство, которые они пережили! какъ вознаградить ихъ за все это? Да, они удостоились великой чести говорить съ королевой, которая сказала имъ нѣсколько словъ утѣшенія—вотъ и все.

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась высокая красивая дѣвушка, лѣтъ двадцати, и, весело улыбаясь, спросила:

— Можно войти?

— Входи, входи, Анна,—крикнулъ Томасъ,—помоги намъ

уговорить нашего строгаго друга отпустить съ нами мальчика.

Дѣвушка вошла и, положивъ руку на плечо Шекспира, сказала:

— Послушайте, угрюмый господинъ, когда же наконецъ я увижу васъ безъ этихъ морщинъ на лбу?

— Не думайте, что можете подкупить меня вашими любезностями. Мой мальчуганъ и безъ того не серьезенъ. Я всегда застаю его за заучиванiемъ стиховъ разныхъ поэтовъ, а повременамъ онъ кричитъ на чердакѣ во всю глотку. Не просите, не просите меня! Мнѣ страшно даже подумать, что кто-нибудь изъ моихъ дѣтей можетъ попасть въ придворную труппу и долженъ будетъ ломаться въ роляхъ сатировъ, лѣшихъ и тому подобныхъ. И безъ него найдется довольно глупцовъ на такое дѣло. Меня очень удивляетъ, какъ могутъ благоразумные родители отпускать своихъ дѣтей на такое глупое дѣло.

Мальчикъ сильно покраснѣлъ и, посмотрѣвъ на отца, откинулъ со лба свѣтлыя кудри.

— Нѣтъ,—продолжалъ отецъ,—я увѣренъ Вилліамъ, что ты не будешь такъ глупъ.

— Но позвольте мнѣ только посмотрѣть на придворный праздникъ, — сказалъ мальчикъ, подходя къ отцу. — Зато я буду прилежнѣе учиться потомъ.

— Нашъ дядя,—добавила Анна, — почтенный Стренджъ съ женой и сестрой тоже идетъ съ нами; они тоже присмотрятъ за Вилліамомъ.

— Вилліамъ слишкомъ слабъ, ему не дойти, — возразилъ Шекспиръ.

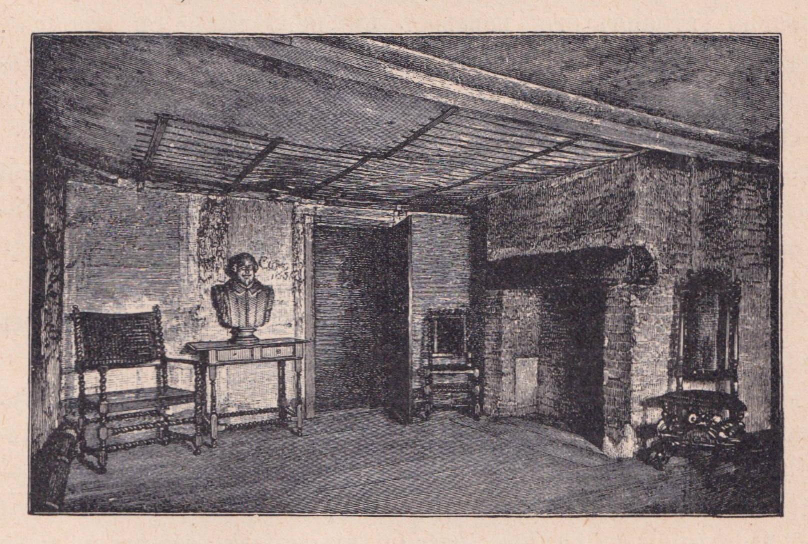
— Они пойдутъ тихо, — присоединила свою просьбу мать.—Онъ сильнѣе, чѣмъ кажется; когда онъ играетъ и бѣгаетъ, я не нарадуюсь на него. Къ сожалѣнiю, ему слишкомъ рѣдко приходится развлекаться.

Анна обняла красиваго мальчика и сказала со смѣхомъ:

— Дѣдушка Шекспиръ! Вы знаете, что Вилліамъ мой муженекъ, мой возлюбленный; онъ настолько же мой, насколько вашъ. Ужъ мы давно помолвлены, и если я иду въ Кенильвортъ, онъ тоже долженъ идти.

Смущенный Вилліамъ высвободился изъ рукъ дѣвушки и сказалъ съ досадой:

— Оставь, Анна, ты знаешь, я этого не люблю. Я слишкомъ молодъ для тебя; когда я выросту, у тебя будутъ уже взрослыя дѣти.

Комната, въ которой родился Шекспиръ.

— Ахъ, какой злой!—воскликнула какъ бы обидѣвшись дѣвушка, шутливо хлопнувъ его по спинѣ;—что ты тамъ болтаешь о дѣтяхъ?.. Я буду ждать и выйду замужъ только за тебя!

И, несмотря на сопротивленіе мальчика, она обняла и поцѣловала его.

— Да, да, другъ мой,—шутливо продолжала она,—уви-

дишь, что будешь моимъ муженькомъ. А знаете ли, — обратилась она къ отцу Вилліама,—какой странный сонъ видѣлъ Вилліамъ весной? Онъ разсказалъ его только мнѣ да матери.

— Сны—вздоръ!—сказалъ Шекспиръ. — Но разъ вы заговорили объ этомъ, такъ разскажите.

— Вилліамъ купилъ для себя и для меня въ нашемъ городѣ тотъ чудесный домъ на главной улицѣ противъ часовни, который всѣ называютъ «большимъ домомъ»; прекрасно устроилъ его, перевезъ въ него васъ съ матерью, утвердилъ васъ въ дворянствѣ и велѣлъ сдѣлать надъ воротами вашъ гербъ: золоченое поле пересѣкается наискось темною полосою съ серебрянымъ изображеніемъ копья, а на верхней части щита находится соколъ, держащій въ одной изъ лапъ своихъ также копье, только остріемъ вверхъ. Потомъ королева какъ-то посѣтила Стратфордъ и остановилась въ вашемъ домѣ, какъ самомъ лучшемъ въ городѣ.

— Вотъ какъ! Хорошій, разумный сонъ!—замѣтилъ отецъ улыбаясь и ласково сказалъ сыну:

— Ну, ужъ такъ и быть! Вилліамъ и вчера и сегодня такъ хорошо учился, что на этотъ разъ я исполню его желаніе. Вотъ и книга, по которой онъ учился такъ прилежно,— продолжалъ онъ, взявъ книгу въ руки.

Но открывъ ее, онъ вдругъ швырнулъ ее на полъ и началъ топтать ногами.

Вилліамъ заплакалъ.

— Нѣтъ, каковъ бездѣльникъ!—закричалъ Шекспиръ.— Я думалъ, что это грамматика или латинскій классикъ, а это стихотворенія этого глупаго шута-солдата Гасконя! Этотъ сумасбродъ сочинялъ сначала шутки, потомъ слонялся въ Нидерландахъ солдатомъ, а теперь вернулся героемъ и сдѣлался поэтомъ, т.-е. глупцомъ и нищимъ, подписывая свою глупость словами: «Tam arte, quam Marte». Сколько разъ я уже отнималъ у тебя эту проклятую книгу,

а ты опять за нее! Маршъ наверхъ, въ свою комнату! Я запру тебя, и ты просидишь въ ней, пока я не вернусь изъ Бристоля. Бери съ собой свои латинскія книги, мать будетъ тебѣ приносить туда ѣду, а съ братьями и сестрами ты не увидишься. Да смотри, чтобы всѣ твои латинскіе уроки были готовы къ моему пріѣзду, а не то я поговорю съ тобой иначе!

Всѣ просьбы отпустить мальчика были напрасны. Онъ схватилъ его за руку, самъ свелъ наверхъ и заперъ тамъ.

Еще задолго до вечера Шекспиръ выѣхалъ вмѣстѣ съ другимъ купцомъ изъ города, въ полной увѣренности, что оба Хэсвей, пристававшіе къ нему съ просьбой отпустить съ ними мальчика, уже на пути въ Кенильвортъ. Между тѣмъ друзья Вилліама были еще въ Стратфордѣ. Анна упросила старика Стренджа подождать, съ цѣлью поговорить еще разъ съ матерью Вилліама. А эта послѣдняя между тѣмъ безпокоилась не слишкомъ ли сильно повліяли на чуткую душу любимаго сына сначала радость, а потомъ испугъ и горе.

Сэръ Люси.

Она слышала, какъ сынъ рыдая валялся по полу, запертый въ комнатѣ, и, увидѣвъ входившую молодую дѣвушку, очень обрадовалась, догадавшись о цѣли ея прихода.

Томасъ Хэсвей совѣтовалъ на этотъ разъ не подчиняться распоряженіямъ мужа и отпустить съ ними сына; онъ говорилъ, что Шекспиръ ничего не узнаетъ, такъ какъ они навѣрное вернутся цѣлымъ днемъ ранѣе его.

Мать Вилліама была рада за сына, хотя ее очень безпокоило, что она поступаетъ вопреки волѣ мужа.

— Вы будете въ сторонѣ, а если мужъ и разсердится на васъ,—говорила она друзьямъ,—вы просто перестанете бы-

вать у насъ. А мнѣ придется вынести его гнѣвъ и упреки, и онъ никогда не будетъ вѣрить мнѣ.

— Нѣтъ, дорогая мистриссъ Шекспиръ! — воскликнулъ Томасъ,—молчать объ этомъ нужно будетъ только въ первый вечеръ, а на другое утро мы сведемъ вашего мужа подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ старому рыцарю Люси, котораго онъ очень уважаетъ, какъ дворянина древняго знаменитаго рода, и этотъ добрый человѣкъ убѣдитъ и успокоитъ его. Этимъ дѣло и кончится, и вашъ бѣдный сынишка не лишится удовольствія. Вѣдь вы, какъ мать, имѣли бы право позволить ему пойти, еслибъ отецъ не былъ черезчуръ самовластенъ.

Когда они вошли къ Вилліяму, онъ сидѣлъ надъ своими книгами, блѣдный и заплаканный.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросила его мать.

— Я виноватъ, но отецъ также не правъ, — отвѣчалъ мальчикъ.—Правда, я могъ бы быть прилежнѣе, но ему всетаки не слѣдовало такъ сердиться. Вотъ посмотрите сами на надпись книги, которую онъ топталъ ногами: «tam Marte, quam Mercurio»—вотъ какъ подписывается поэтъ, а не «tam Arte, quam Marte», какъ говорилъ отецъ, а это не совсѣмъ одно и то же, хотя и похоже. Вѣдь читаемъ же мы въ школѣ поэтовъ, знакомящихъ насъ съ древней Греціей. А отецъ требуетъ, чтобы я учился только грамматикѣ, ариѳметикѣ да законамъ, и хочетъ, чтобы я потомъ сдѣлался писцомъ у адвоката или торговцемъ шерстью! Мнѣ запрещаютъ стоять на мосту, любоваться видомъ и ходить въ деревню. Я даже ни разу не былъ въ лѣсу, а вѣдь я ужъ не маленькій, да и въ школѣ не изъ послѣднихъ учениковъ. Отецъ хочетъ, чтобы всѣ люди походили на него! И хоть бы онъ былъ поласковѣе со мной! Этимъ онъ скорѣй можетъ подѣйствовать на меня. Когда онъ ласковъ, даетъ мнѣ руку, сердце мое бьется сильнѣе отъ радости...

— Успокойся, милый!—прервала его Анна;—мы возьмемъ тебя съ собой. Мать отпускаетъ тебя, а передъ отцомъ я и Томасъ беремъ отвѣтственность на себя.

Мальчикъ испуганно взглянулъ на нихъ и поблѣднѣлъ

Аллея вдоль берега Авона.

еще больше, но потомъ кровь бросилась ему въ лицо, и онъ заплакалъ отъ радости.

— Еще никогда ты мнѣ не казалась такой красивой!— серьезно сказалъ онъ Аннѣ, утирая слезы.—Я позволяю тебѣ называть меня эти дни своимъ мужемъ и не буду на это

сердиться. Ну, милая жена, поцѣлуй меня; сегодня меня къ этому не нужно принуждать.

Анна взяла его голову и, играя его свѣтлорусыми, слегка вьющимися волосами, шутливо со смѣхомъ поцѣловала его.

— А что, какъ отецъ будетъ очень сердиться на тебя, когда мы вернемся?—спросила она.

— Онъ часто сердится безъ всякой причины, и мнѣ приходится сносить это,—возразилъ мальчикъ.—А тутъ по крайней мѣрѣ мы проведемъ чудные дни, и его гнѣвъ будетъ вродѣ грозы послѣ прекрасной весны.

Въ этотъ же день Томасъ, Анна и Вилліамъ отправились въ путь. Томасъ, очень любившій мальчика, несъ его узелокъ. Они направились къ ближайшей деревнѣ, гдѣ дядя Стренджъ съ своей женой и сестрой уже давно поджидали ихъ, чтобы съ ними вмѣстѣ идти въ Кенильвортъ.

Путники наши дошли въ этотъ день до одной изъ деревень, лежащихъ между Стратфордомъ и Варвикомъ, и въ ней заночевали. Утромъ они осмотрѣли мѣстный замокъ и церковь. Вилліамъ былъ въ восторгѣ.

— Доволенъ ли ты?—спрашивала его Анна.

— О, очень!—отвѣчалъ мальчикъ.—Я никогда не думалъ, что мнѣ удастся побывать такъ далеко отъ дома, увидѣть другіе города и замки. А замѣтили вы изъ оконъ замка нашу прелестную рѣчку Авонъ? узнали ее? на ней шумитъ одинокая мельница... Здѣсь жили нѣкогда могущественные Варвики; они возводили на престолъ и низвергали королей и потомъ сами погибли ужасною смертью!

— Да ты у насъ ученый!.. Откуда только ты знаешь все это?—спросила Анна.

— Каждый англичанинъ обязанъ знать исторію своей родины, а особенно исторію войнъ Бѣлой и Алой Розы?—возразилъ Вилліамъ.—Вѣдь у насъ есть лѣтописи... Я съ большимъ интересомъ осмотрѣлъ оружіе стараго великана Гюи.

родоначальника знаменитыхъ графовъ... А вотъ мѣсто, гдѣ онъ долго жилъ отшельникомъ.

Вилліамъ свернулъ съ дороги направо къ причудливымъ скаламъ. Старый Стренджъ, покачавъ головой, медленно продолжалъ путь, а Анна и Томасъ со смѣхомъ побѣжали за мечтательнымъ мальчикомъ. Догнавъ его, они вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣли всѣ гроты и разныя зданія. Вилліамъ внимательно присматривался ко всему, и повременамъ на глазахъ его сверкали слезы.

— Не будемъ спѣшить, дружокъ, — сказалъ ему Томасъ, когда они снова вышли на большую дорогу,—а то ты устанешь. Мы догонимъ нашихъ спутниковъ въ обѣдъ, когда они будутъ отдыхать. Сегодня мы довольно рано придемъ въ Кенильвортъ.

— Какъ я счастливъ! — восклицалъ Вилліамъ.—Я вижу мѣста, которыя такъ хорошо зналъ уже по разсказамъ. Я сейчасъ же догадался, что эти скалы — то самое мѣсто. Ахъ, этотъ страшный великанъ Гюи—храбрый рыцарь! Онъ, бѣдный незнатный оруженосецъ, убилъ чудовище и сдѣлался мужемъ дочери знатнаго, богатаго графа! Но тутъ, когда онъ достигъ вершины счастья, у него просыпается совѣсть. Онъ отправляется въ Святую землю и многіе годы сражается противъ враговъ христіанства. Наконецъ онъ возвращается домой, исхудалый, неузнаваемый. Онъ видитъ уже свой замокъ. Но вдругъ онъ замѣчаетъ эти скалы съ пещерами и поселяется въ нихъ. Ежедневно ходитъ онъ въ свой замокъ и принимаетъ милостыню изъ рукъ своей прекрасной, милосердной супруги. Она разговариваетъ съ нимъ, и ее глубоко трогаютъ его разсказы. Снова проходятъ многіе годы, и настаетъ его конецъ. Тогда онъ посылаетъ за женой, вручая посланному свое обручальное кольцо, чтобы онъ показалъ его милосердной графинѣ. Она спѣшитъ къ нему и застаетъ его умирающимъ. Какъ это трогательно, какъ жалко его!

Разговаривая, они остановились подъ деревомъ; Анна посмотрѣла своими большими ясными глазами на мальчика и вдругъ расхохоталась.

— Какой ты простофиля!—сказала она.—Неужели ты вѣришь всему этому? Вѣдь все это сказки! Развѣ возможенъ такой великанъ, и развѣ могъ онъ совершить всѣ эти чудеса? Не можетъ быть, чтобы ты считалъ все это правдой?

Мальчикъ обиженно помолчалъ, но потомъ сказалъ:

— Ты бранишься совсѣмъ какъ отецъ, потому что не вѣришь. Но это такъ же вѣрно, какъ и все другое на свѣтѣ. Иначе, откуда бы взялась эта чудесная исторія?

— Да вѣдь ихъ выдумываютъ поэты и писатели!—возразилъ Томасъ.

— Ну, а они откуда берутъ все это?—спросилъ Вилліамъ.— Въ моемъ разсказѣ есть доля правды, и если не все было именно такъ, мнѣ все-таки хочется вѣрить, что все было такъ. Помнишь, недавно вы за радостнымъ разговоромъ о купленномъ клочкѣ земли совсѣмъ не обращали вниманія на журчанье ручейка, а мнѣ слышался въ этомъ журчаньи цѣлый разговоръ, и я записалъ его. И вы были правы, и я былъ правъ, а ручеекъ, можетъ быть, смѣялся потомъ надъ всѣми нами. Скалы еще стоятъ, въ замкѣ сохранилось оружіе, и многія тысячи людей до насъ вѣрили этому разсказу. Первая чудесная исторія, которую мнѣ разсказала мама, было сказаніе про Гюи Варвика; я тогда былъ еще очень маленькій, мнѣ было всего два года. Какъ я плакалъ! Она тоже плакала отъ этого разсказа, когда была ребенкомъ. Позже она съ благоговѣніемъ посѣтила эту мѣстность. Она не критиковала и не сомнѣвалась, она только радовалась. Теперь и я увидѣлъ эти мѣста, которыя такъ часто рисовались мнѣ въ разсказахъ моей матери. Я тоже вѣрю. И развѣ великій Генрихъ V, герой Азенкура, не приходилъ сюда, къ этимъ скалистымъ пещерамъ, смиреннымъ странникомъ? Зачѣмъ

онъ сдѣлалъ бы это, если бы не вѣрилъ разсказу? Развѣ мы умнѣе этого великаго англійскаго героя?

— Ты пустяки болтаешь, муженекъ!—сказала Анна.

— Оставь его въ покоѣ, сестра,—прервалъ ее Томасъ, глубоко тронутый,—ты его не понимаешь. Дай Богъ тебѣ здоровья, дорогой мой, чтобы на тебѣ не оправдалась пословица о черезчуръ умныхъ дѣтяхъ. Ты правъ, все основано на вѣрѣ: безъ вѣры мы не могли бы наслаждаться жизнью и восхищаться поэзіей и древними романсами. Я люблю говорить съ тобой, отъ тебя всегда услышишь что-нибудь новое.

Чѣмъ ближе подходили они къ Кенильворту, тѣмъ больше встрѣчали народа. Многимъ не хватило мѣста для ночлега, и тѣ расположились въ эту прекрасную теплую ночь на открытомъ воздухѣ. Всѣ комнаты, чердаки, подвалы и сараи были заняты народомъ, собравшимся на празднества въ Кенильвортъ. Но предусмотрительный старикъ Стренджъ за цѣлый мѣсяцъ впередъ заказалъ для себя и своихъ спутниковъ двѣ комнаты у лѣсничаго.

Семья лѣсничаго и другіе путники съ восторгомъ разсказали имъ о чудесахъ, происходившихъ наканунѣ. Среди сказочной обстановки были представлены разныя аллегоріи, въ которыхъ боги и богини являлись съ дарами къ королевѣ; во всѣхъ этихъ представленіяхъ пѣли и говорили стихами. Королева очень милостиво отнеслась ко всему и, сообразно случаю, отвѣчала то шутливо, то серьезно.

На другое утро, въ понедѣльникъ, всѣ въ домѣ лѣсничаго поднялись очень рано. Ночь была очень душная, и хотя небо было покрыто грозовыми тучами, въ воздухѣ не чувствовалось прохлады. Около полудня разнесся слухъ, что, вслѣдствіе сильнаго зноя, лордъ Лестеръ отмѣнилъ празднества на этотъ день. Только на вечеръ назначена была травля оленя и должна была повториться на слѣдующій день, а въ концѣ недѣли предполагалось устроить травлю

медвѣдей, представленія акробатовъ и клоуновъ, комедіи и аллегорическій маскарадъ.

Старикъ Стренджъ съ женой и сестрой и Томасъ съ Анной и Вилліамомъ отправились осматривать красивую мѣстность. Во многихъ мѣстахъ было трудно пробраться впередъ, въ особенности на большихъ дорогахъ. Повозки съ машинами, фейерверкомъ, съѣстными припасами, путешественники въ каретахъ и верхомъ, слуги лордовъ и другихъ господъ— всѣ тѣснились на дорогѣ съ бранью, крикомъ или громкимъ смѣхомъ, такъ что казалось, что находишься въ одной изъ самыхъ узкихъ улицъ Лондона, запруженной большой толпой народа.

На одномъ изъ поворотовъ дороги Вилліамъ вдругъ исчезъ. Спутники громко звали его, искали, но напрасно. Среди огромной шумной толпы не было никакой возможности разыскать его. Томасъ встревожился, Анна перепугалась; они не хотѣли идти дальше безъ него, но въ то же время не знали, гдѣ искать мальчика.

— Мнѣ давно надоѣло это безпокойство изъ-за вашего Вилліама,—сказалъ Стренджъ;—онъ уже разъ улизнулъ отъ насъ, а теперь опять удралъ или заблудился. Самъ виноватъ, зачѣмъ зѣваетъ. Жена, сестра, идемте! Къ обѣду и ужину мы снова соберемся у лѣсничаго. Предоставляю вамъ, Томасъ, гоняться за этимъ вѣтрогономъ. А вашъ муженекъ, Анна, рано далъ тягу отъ супружеской жизни,—пошутилъ Стренджъ уходя.

Анна и Томасъ были очень недовольны своимъ маленькимъ другомъ и принялись искать его. Искали они его всюду и, завидѣвъ среди толпы ребенка, спѣшили туда въ надеждѣ, что это Вилліамъ; однако, всѣ поиски ихъ были напрасны.

Но Вилліамъ не случайно отсталъ отъ нихъ. Ему надоѣлъ строгій надзоръ Томаса и Анны. Онъ былъ въ восторгѣ отъ

этой первой въ его жизни экскурсіи. Эти лѣса и горы, древніе замки съ ихъ памятниками, роскошь Кенильворта, блескъ яркаго солнца, всадники и разряженныя дамы вскружили мальчику голову. Онъ хотѣлъ остаться одинъ, потолкаться въ толпѣ.

Но главное, онъ замѣтилъ на опушкѣ лѣса нѣчто необычайное. Ему показалось, что онъ видѣлъ въ лѣсу дикаго, полунагого человѣка, обвитаго плющомъ и мхомъ, съ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ и съ громадной булавой въ рукахъ, совсѣмъ такого лѣшаго, какого онъ видѣлъ на картинкахъ, и о которомъ читалъ въ разныхъ стихотвореніяхъ. Улучивъ удобную минуту, онъ незамѣтно отсталъ и убѣжалъ отъ своихъ спутниковъ, зазѣвавшихся на разряженныхъ дамъ и всадниковъ. Скрывшись отъ своихъ друзей, онъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ лѣшаго. Народъ уже разошелся, направившись къ замку, и въ лѣсу царила таинственная тишина. Вилліяму стало жутко, когда онъ вошелъ въ лѣсъ, но любопытство влекло его дальше. Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ чей-то голосъ; онъ сталъ прислушиваться: кто-то читалъ громко и внятно, сопровождая чтеніе бранью. Онъ пошелъ на этотъ голосъ и вскорѣ очутился передъ дикаремъ, сидѣвшимъ передъ маленькой хижиной, сдѣланной изъ сучьевъ, досокъ и ковровъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ мальчикъ, больной съ виду и чѣмъ-то недовольный. Вилліямъ и дикарь съ изумленіемъ уставились другъ на друга. Дикарь былъ сильный, рослый мужчина; его темные, вьющіеся волосы были покрыты вѣнкомъ и мхомъ, бедра и плечи обвиты плющомъ, на ногахъ сандаліи, а все тѣло одѣто въ трико, придававшее ему видъ нагого.

— Кто ты? Что тебѣ надо?—крикнулъ онъ поднимаясь пораженному отъ изумленія мальчику.

— А ты кто, дикарь?—крикнулъ пріободряясь Вилліямъ.

Дикарь громко засмѣялся.

— Ты, малышъ, кажется, принимаешь меня за настоящаго дикаря?—сказалъ онъ.—Нѣтъ, милый, это только маскарадъ въ честь нашей королевы, и ты долженъ быть со мною повѣжливѣе и не говорить мнѣ *ты*, а называть мистеромъ Гасконь, какъ это всѣ дѣлаютъ. Здѣсь меня всѣ знаютъ какъ поэта, а заграницей меня знали какъ солдата.

— Что!—вскричалъ Вилліамъ.—Значитъ вы тотъ знаменитый Tam Marte, quam Mercurio?

— Да, мой милый! — воскликнулъ дикарь, польщенный словами мальчика;—а ты, малышъ, развѣ слышалъ что-нибудь обо мнѣ? Ты читалъ мои стихи?

— Какъ же! Мнѣ не разъ доставалось отъ отца за ваши стихи. Онъ говоритъ, что я только напрасно теряю время.

— У тебя звонкій голосъ, но слабый,—сказалъ дикарь.— Крикни-ка пару словъ какъ можно громче и внятнѣе.

Вилліамъ исполнилъ его желаніе. Услыхавъ его голосъ, дикарь весело закружился, помахивая тяжелой дубиной.

— Нашелъ! нашелъ!—кричалъ онъ, — парки сжалились надо мной и прислали мнѣ, бѣдному поэту, тебя, милый мальчикъ, чтобъ спасти меня отъ отчаянія и стыда. Дай обнять тебя, малышъ. Только осторожнѣе, не сотри у меня румянъ и не сомни моихъ фальшивыхъ локоновъ.

И онъ крѣпко обнялъ Вилліама, сказавъ другому мальчику:

— Эй, червь земной! Ступай въ хижину, поѣшь и напейся, закутайся въ одѣяло и согрѣйся, а потомъ твои родные отвезутъ тебя домой!

Мальчикъ повиновался.

— Дѣло вотъ въ чемъ, сынъ мой,—сказалъ Гасконь Вилліаму.—Сегодня раннимъ утромъ Робертъ Дедлей, нашъ великій Лестеръ, прислалъ мнѣ приказъ тотчасъ сочинить въ честь королевы стихи для сатира. Королева отмѣнила всѣ

празднества на сегодня и только поохотится вечеромъ въ этомъ лѣсу. Вотъ я поспѣшно и сочинилъ стихи, которымъ должно вторить эхо. Въ нихъ я упоминаю о вчерашнихъ празднествахъ и объясняю кое-что; все это, мнѣ кажется, понравится лорду и королевѣ. Для эхо я добылъ себѣ того мальчугана, а онъ утромъ объѣлся вишнями, заболѣлъ и

Шекспиръ-мальчикъ.

совсѣмъ охрипъ. Къ счастью, Юпитеръ или Панъ прислали тебя, чтобы выручить меня изъ бѣды.

— Но вѣдь я никогда не участвовалъ ни въ чемъ подобномъ,—возразилъ Вилліамъ,—у меня нѣтъ навыка, и я не успѣю настолько хорошо заучить эти стихи, чтобъ предстать предъ нашей всемилостивѣйшей королевой!

— Не разсуждай!—возразилъ Гасконь,—главное, у тебя звучный голосъ, ты уменъ и перенесъ ради моихъ стиховъ

не мало колотушекъ отъ отца; этимъ отецъ твой самъ произвелъ тебя въ моего оруженосца. Тебѣ не надо будетъ даже показываться королевѣ; ты долженъ только повторять двадцать пять разъ, какъ эхо, послѣднее слово послѣ каждаго двустишія, но повторять ты долженъ внятно, потому что въ этомъ вся суть моего сочиненія... Въ немъ я обращаюсь къ Юпитеру и другимъ богамъ и прошу объяснить мнѣ причину происходящей вокругъ меня давки и суматохи. Но никто мнѣ не отвѣчаетъ; тогда я обращаюсь къ эхо и прошу его отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ:

Ау, ау! откликнись, Эхо, куда дѣвалось ты?
Всегда ты, Эхо, жило здѣсь! Гдѣ-жъ ты теперь, скажи?

Эхо отвѣчаетъ: «скажи!» и такъ дальше, двадцать пять разъ, послѣднее слово послѣ каждаго двустишія. Но, голубчикъ, можешь ли ты остаться у меня? Можешь ли осчастливить меня? Позволятъ ли тебѣ твои родные?

— Я такъ счастливъ, мистеръ Гасконь, что такъ неожиданно, такъ чудесно встрѣтилъ васъ, что готовъ всѣмъ пожертвовать для васъ,—возразилъ Вилліамъ.—Друзья мои, съ которыми я пришелъ изъ Стратфорда, обойдутся сегодня безъ меня. Гдѣ же мнѣ лучше быть, какъ не у знаменитаго, несравненнаго поэта?

— Такъ начнемъ репетицію,—сказалъ Гасконь.—Но, ради Бога, не потеряй листка, когда я дамъ тебѣ его вечеромъ; это мой оригиналъ,—я не успѣлъ переписать его; если онъ затеряется, мнѣ нельзя будетъ отпечатать этихъ стиховъ.

— Не безпокойтесь, я не ребенокъ! Вы останетесь мною довольны.

Они тотчасъ приступили къ репетиціи. Гасконь декламировалъ стихи, а Вилліамъ исполнялъ роль эхо внятно и звучно. Поэтъ былъ въ восторгѣ и утверждалъ, что никогда еще не слышалъ такого звучнаго даже настоящаго эхо.

Все утро до полудня ушло на повторенія. Гасконь иногда

поправлялъ Вилліяма, особенно при словахъ «королева» и «вы», которыя Вилліямъ долженъ былъ произносить съ большимъ чувствомъ, а въ полдень они вошли въ хижину, чтобы подкрѣпить свои силы.

— Будемъ умѣренны,—сказалъ Гасконь Вилліяму,—чтобы голоса наши были вечеромъ звучны. Смотри, не смущайся, голубчикъ, присутствіемъ королевы и не осрамись!

Отдохнувъ послѣ завтрака, они снова принялись за репетиціи.

— Довольно!—сказалъ наконецъ Гасконь,—не слѣдуетъ повторять много, иначе это сдѣлается слишкомъ привычнымъ, и мы можемъ невольно упустить поэтическую сторону.

Около четырехъ часовъ пополудни къ одинокой хижинѣ начали собираться люди съ факелами и костюмами; нѣкоторые также переодѣлись въ дикарей, другіе нарядились поселянами, чтобы вечеромъ своими факелами освѣщать поляну передъ лѣсомъ.

Гасконь и Вилліямъ направились къ опушкѣ лѣса и выбрали просторную лужайку близъ большой дороги, гдѣ королева со своей свитой могла бы свободно размѣститься. Здѣсь Вилліямъ снова повторилъ свою роль, обернувшись къ большой скалѣ. Въ этомъ мѣстѣ эхо звучало еще лучше и громче. Понемногу собрались слуги и расположились вдоль опушки лѣса, чтобы не допустить народъ къ мѣсту, назначенному для королевы и ея свиты.

Послѣ знойнаго дня наступилъ прохладный вечеръ, тихій вѣтерокъ зашелестилъ въ густой листвѣ лѣса, и всѣ вздохнули свободнѣе.

Народъ давно уже занялъ мѣста на пригоркахъ и въ долинѣ, когда наконецъ послышалось приближеніе охотниковъ. За оленемъ гнались королева, лорды, вельможи и дамы. Когда оленя застрѣлили, вдали раздались громкія ликованія

охотниковъ. Главный егермейстеръ графа отличился своей распорядительностью. Кромѣ борзыхъ на холмахъ и въ лѣсу были размѣщены другія собаки, которыя громкимъ лаемъ отвѣчали сигналамъ вальдгорновъ, сливавшихся съ криками охотниковъ. Одновременно съ прекрасными звуками вальдгорновъ раздались рѣзкіе короткіе сигналы охотничьихъ рожковъ, вызвавшихъ въ лѣсу и въ замкѣ многократное эхо.

Почти стемнѣло, когда наконецъ въ лѣсу замолкли охотничьи сигналы и лай собакъ. Отъ восторга у Вилліама на глазахъ блестѣли слезы.

— Что съ тобой?—окликнулъ его Гасконь.—Ради Бога, не раскисни!

— Слышали, какое было прекрасное эхо? — сказалъ Вилліамъ.—Въ сравненіи съ нимъ наше произведетъ очень жалкое впечатлѣніе!

— Молчи, товарищъ,—сказалъ Гасконь. — То было безсмысленное эхо, наше же будетъ поэтично и со смысломъ. Посмотримъ, которое изъ нихъ понравится больше нашей королевѣ: эхо собакъ или эхо двухъ поэтовъ. Тише! Они идутъ! Приготовься, мой дорогой.

На королевѣ была длинная зеленая бархатная амазонка, вышитая жемчугомъ. Зеленая шляпа съ большими отогнутыми спереди полями была отдѣлана красными и бѣлыми перьями. Въ свѣтлыхъ кудряхъ королевы блестѣло брилліантовое полуруніе. Лошадь была покрыта тоже зеленой бархатной попоной; рядомъ съ Елизаветой въ полномъ блескѣ мужественной красоты ѣхалъ Лестеръ, въ роскошномъ костюмѣ начальника егерей. При свѣтѣ факеловъ золото и драгоцѣнные каменья королевы и ея свиты сверкали еще ослѣпительнѣе.

Среди торжественной тишины, смѣнившей шумъ охоты, изъ чащи вдругъ выскочилъ лѣсной духъ и, размахивая булавой, заговорилъ: все молчитъ, ни боги, ни люди не гово-

рятъ ему, что означаетъ этотъ блескъ, это сборище высокихъ гостей; и вотъ онъ обращается къ своему Эхо, и оно отвѣчаетъ ему, повторяя послѣдніе слоги его словъ, что въ честь великой обожаемой королевы здѣсь собрались и знатные и незнатные люди.

Королева и Лестеръ были, повидимому, довольны лестью поэта и его эхо. Но въ концѣ діалога произошелъ маленькій эпизодъ, насмѣшившій всѣхъ. Бряцаніе оружія и ржанье коней заглушили рѣчь лѣсного духа, и Вилліямъ крикнулъ слово «королева» раньше, чѣмъ лѣсной духъ выговорилъ его. Лестеръ громко разсмѣялся, и королева также не могла удержаться отъ смѣха; но вскорѣ снова наступила тишина, и поэтъ продолжалъ свой діалогъ.

Въ концѣ поэмы лѣсной духъ узнаетъ королеву и, преклонивъ передъ нею колѣни, съ шумною радостью ломаетъ надломленную уже для сего случая булаву; отбрасывая сломанную пополамъ дубину назадъ, онъ нечаянно задѣлъ ею лошадь королевы по головѣ. Лошадь въ испугѣ шарахнулась въ сторону. У Гасконя отъ страха замерли послѣднія слова поэмы. Разгнѣванный Лестеръ хотѣлъ-было накинуться на поэта, но королева остановила его.

— Оставьте,—милостиво сказала она,—вѣдь никто не пострадалъ!

Половина дубинки отлетѣла въ толпу народа, и ее поймалъ молодой человѣкъ, сказавъ, что оставитъ ее себѣ на память.

Гасконь стоялъ еще на колѣняхъ передъ королевой, сказавшей ему нѣсколько милостивыхъ словъ, какъ вдругъ неожиданное зрѣлище привлекло вниманіе всѣхъ къ лѣсу... Окончивъ свою роль, Вилліямъ засмотрѣлся на королеву и ея блестящую свиту и выронилъ изъ рукъ листокъ со стихами, а вечерній вѣтерокъ подхватилъ его, и листокъ запорхалъ надъ его головой. Замѣтивъ это, мальчикъ испугался

и, подпрыгивая, стараясь схватить листокъ, выбѣжалъ изъ лѣса. Увидѣвъ мальчика, изумленные зрители въ недоумѣніи спрашивали себя, не входитъ ли и это въ программу спектакля? Но больше всѣхъ удивился молодой человѣкъ, поймавшій сломанную дубину; онъ тотчасъ узналъ въ мальчикѣ затерявшагося Вилліяма. Анна, стоявшая рядомъ съ нимъ, даже вскрикнула отъ радости.

Наконецъ листокъ сталъ спускаться, и Вилліямъ, сосредоточившій все свое вниманіе на немъ, хотѣлъ-было схватить его, какъ вдругъ листокъ подлетѣлъ близко къ факелу. Опасаясь, чтобы онъ не сгорѣлъ, Вилліямъ бросился впередъ и поймалъ его, но при этомъ толкнулъ факелъ въ лицо слугѣ, вслѣдствіе чего у послѣдняго вспыхнули яркимъ пламенемъ льняные и пеньковые волосы. Факельщикъ съ крикомъ бросился въ лѣсъ, а Лестеръ и одинъ изъ лордовъ хотѣлъ съ гнѣвомъ наброситься на мальчика, но королева остановила ихъ:

— Остановитесь, Дедлей! Это милый мальчикъ. Факельщикъ навѣрное уже потушилъ огонь.

Вилліямъ опомнился и хотѣлъ-было передать листокъ озадаченному поэту, но королева подозвала его.

— Кто ты, дитя мое?—спросила она.

Вилліямъ въ смущеніи молчалъ; за него отвѣтилъ Гасконь:

— Это, милостивѣйшая государыня, мое Эхо, забѣжавшее ко мнѣ въ лѣсъ. Онъ умный мальчикъ, исполнилъ все хорошо, за исключеніемъ одной ошибки.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила королева мальчика, который также преклонилъ колѣна.

— Вилліямъ, я старшій сынъ Джона Шекспира изъ Стратфорда, гдѣ мой отецъ, вѣрнѣйшій слуга всемилостивѣйшей государыни, занимаетъ должность ольдермена.

По приказанію Елизаветы одинъ изъ рыцарей вручилъ мальчику золотую медаль съ ея портретомъ.

— Возьми это на память объ этомъ днѣ, милое поэтическое эхо!—ласково сказала она.—Не желаешь ли ты еще чего-нибудь?

— Позвольте мнѣ, пока я здѣсь пробуду съ моей женой, — она стоитъ тамъ,—посмотрѣть спектакли, которые устраиваетъ знатный лордъ?

— Съ женой!?. Развѣ ты женатъ?—удивилась Елизавета.

— Простите, ваше величество,—сказалъ смутившись мальчикъ,—это шутка: Анна Хэсвей сама всегда называетъ себя моей женой.

Все это очень забавляло Лестера, и онъ приказалъ допускать мальчика и спутниковъ его ко всѣмъ спектаклямъ и празднествамъ.

Сказавъ Гасконю еще нѣсколько милостивыхъ словъ, Елизавета удалилась въ сопровожденіи своей свиты.

Поэтъ еще разъ съ благодарностью обнялъ своего юнаго помощника, а Анна и братъ ея не рѣшились даже упрекнуть его за его бѣгство, послѣ того, какъ онъ такъ смѣло говорилъ съ обожаемой королевой и удостоился награды изъ ея рукъ.

Между тѣмъ отецъ Вилліама неожиданно вернулся уже на слѣдующій день.

Онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, и мать очень встревожилась. Поздоровавшись съ дѣтьми, Джонъ Шекспиръ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Ну, ужъ и времена и люди нынче! Даже солидные и набожные люди не могутъ удержаться отъ соблазна и, несмотря на дальній путь, бѣгутъ въ Кенильвортъ смотрѣть эти дурачества. Это я узналъ на полдорогѣ отъ Бристоля. А мы даже не идемъ туда, хотя все это творится у насъ подъ-бокомъ. Ужъ если пожилые люди, которымъ слѣдовало бы думать о торговлѣ, да, пожалуй, еще о смерти, увлекаются этой мишурой, то дѣтямъ это и подавно простительно. У

нашего бѣднаго карапузика, дѣйствительно, мало радостей; сначала всѣ эти дѣтскія болѣзни, отсутствіе товарищей, свободы... правда, онъ мыслитъ своеобразно, но это ужъ его дѣло... Если бы только тѣ другіе глупцы еще не ушли туда!.. Хотя я этого не понимаю, но, должно быть, въ этой забавѣ есть что-то особенное, разъ всѣ бѣгутъ туда, забывая все на свѣтѣ... Позови-ка сверху Вилліяма, я хочу сказать ему разумное слово. Вчера я его напрасно обидѣлъ.

Мать дрожала, не рѣшаясь взглянуть въ глаза стоявшему передъ нею мужу, который теперь говорилъ съ ней такъ разумно и ласково. Отецъ поблѣднѣлъ, объясняя себѣ молчаніе смущенной матери болѣзнью или даже смертью сына.

— Ну, все равно, — начала она наконецъ, преодолѣвъ свой страхъ,—рано или поздно ты это все-таки узнаешь. Жена Вилліяма и Томасъ... уговорили меня... склонили..., и онъ ушелъ съ ними въ Кенильвортъ. Не сердись на меня и ребенка, Джонъ, будь хоть разъ снисходителенъ, вѣдь въ первый разъ мы ослушались тебя!

— Вотъ какъ!—вскричалъ отецъ, внѣ себя отъ гнѣва,— такъ-то вы уважаете и слушаетесь меня! Вотъ съ какимъ презрѣніемъ вы относитесь къ моимъ приказаніямъ!

Молча, не удостоивъ жены даже взгляда, онъ ушелъ изъ дому. Къ обѣду и къ ужину онъ не вернулся, а поздно вечеромъ жена узнала, что онъ уѣхалъ въ ближній городокъ по торговому дѣлу, которое онъ, однако, отложилъ бы еще на нѣсколько недѣль, если бы дома не случилась эта непріятность.

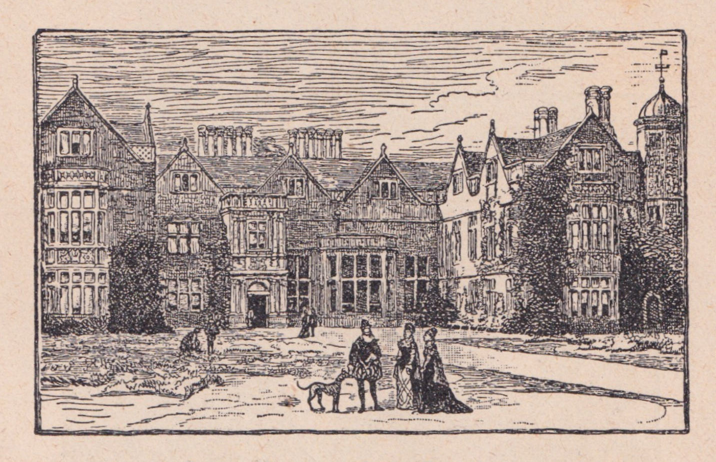
Между тѣмъ Вилліямъ и его спутники находились уже на обратномъ пути. Анна и Томасъ устали отъ всѣхъ этихъ безпрерывныхъ зрѣлищъ, и даже старикъ Стренджъ, находившій, что празднества были великолѣпны, радъ былъ вернуться домой.

Наконецъ они подошли къ родному городу. Джонъ Шек-

спиръ также только-что вернулся домой. Со страхомъ ожидала мать встрѣчи отца съ сыномъ; но отецъ сверхъ ожиданія подалъ Вилліяму руку и почти ласково сказалъ:

— На этотъ разъ я тебя прощаю, потому что даже ханжа Бенсонъ отправился изъ Бристоля въ Кенильвортъ.

Мать нѣжно обняла сына. Стренджъ и его спутницы ушли, а Томасъ и Анна остались, чтобы извиниться передъ отцомъ, что противъ его воли увели съ собой мальчика.

Замокъ Чарлекотъ близъ Стратфорда.

Когда Анна разсказала, какъ Вилліямъ заблудился, и какъ королева милостиво говорила съ нимъ и удостоила его подарка въ память того дня, мать расплакалась, а глаза отца заблестѣли отъ радости.

— Дорогой отецъ,—сказалъ Вилліямъ, подходя къ отцу,—я знаю, какъ вы любите и почитаете нашу королеву; примите эту медаль въ память той минуты, когда я удостоился счастья увидѣть королеву и говорить съ ней.

Дрожащими руками принялъ отецъ золотую медаль. Онъ долго смотрѣлъ на нее, затѣмъ поцѣловалъ ее и, обнимая сына, сказалъ:

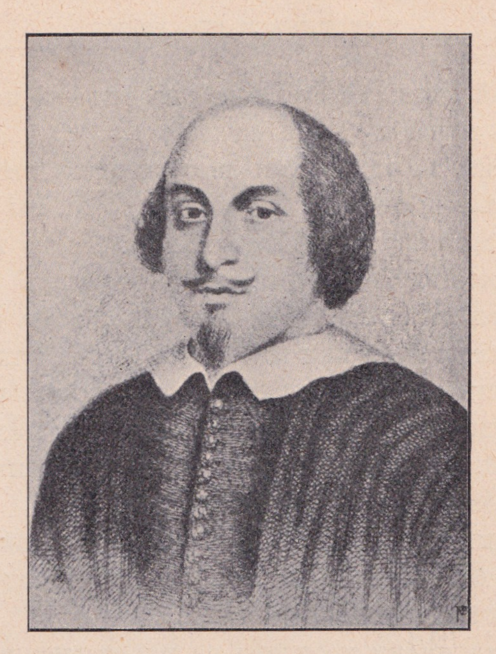
— Благословляю тебя, Вилліамъ, за то, что ты принесъ въ мой скромный домъ такое сокровище! Я сохраню его тебѣ до твоего совершеннолѣтія.

И Джонъ Шекспиръ поспѣшилъ изъ комнаты, чтобы скрыть свое волненіе.

Мать была очень счастлива: отецъ не только простилъ сына, но, благодаря милости и подарку королевы, сталъ небывало ласковъ съ нимъ.

Королева Елизавета на соколиной охотѣ (съ древней гравюры).

Стратфордскій портретъ Шекспира.

ГЛАВА II.

Девятнадцать лѣтъ спустя.

Здравствуйте, дѣдушка Тимоти. Пойдемте въ садъ Париса смотрѣть фокусы медвѣдей?

Красивому стройному пятнадцатилѣтнему юношѣ пришлось долго ждать отвѣта.

Наконецъ изъ темнаго чулана вышелъ бодрый старикъ; его длинные сѣдые волосы придавали ему почтенный видъ, а привѣтливыя черты лица и большіе свѣтлые голубые глаза говорили о его душевной добротѣ.

— Ступай одинъ, Дикъ,—сказалъ онъ,—я не люблю смотрѣть, какъ мучаютъ животныхъ.

— Берегитесь, чтобы васъ не услышалъ кто-нибудь изъ придворныхъ,—прервалъ его Дикъ. — Развѣ вы забыли, что наша премудрая королева Елизавета одобряетъ такія забавы.

— Да хранитъ Господь королеву!—сказалъ старикъ, — я одинъ изъ ея вѣрнѣйшихъ подданныхъ, хотя и не раздѣляю ея взглядовъ. Скажи мнѣ, Дикъ,— продолжалъ уже съ раздраженіемъ старикъ, усердно чистя старую броню;—развѣ можно находить удовольствіе въ такихъ забавахъ? Это истязаніе звѣрей! И развѣ это подвигъ, раздразнить лежащаго на цѣпи медвѣдя, а потомъ бить его?

Дикъ прищурилъ глаза съ лукавой улыбкой.

— Если бы ваша Люси была здѣсь и поддержала мою просьбу, вы бы не говорили такъ.

При этомъ имени морщины на лбу старика разгладились, и недовольство исчезло съ его лица.

— Да, да, Люси,—сказалъ онъ, кивая головой.—Она волшебница. Да хранитъ ее Господь!

И старикъ такъ нѣжно провелъ тряпкой по бронѣ, какъ будто то была цвѣтущая щечка его внучки.

— Итакъ, мнѣ придется идти одному въ садъ Париса?— спросилъ Дикъ послѣ короткаго молчанія.

— Пожалуй, что такъ, Дикъ. Но я провожу тебя немного. Мнѣ надо зайти въ типографію Джона Чорлевудъ взять театральныя афиши на сегодняшнее представленіе и прибить ихъ къ столбамъ на главныхъ улицахъ Блэкфрайра.

— Ахъ, какой вы счастливецъ, дѣдушка! — воскликнулъ Дикъ съ комическимъ паѳосомъ. — Вы, какъ смотритель театра, посвящены во всѣ тайны театральнаго міра и ежедневно видите такихъ людей, какъ Бербэджъ и Шекспиръ.

— Ты большой мечтатель,—замѣтилъ съ грустной улыб-

кой старикъ,—и видишь только свѣтлыя стороны моей службы, темныхъ же не замѣчаешь.

— Какъ можете вы говорить о темныхъ сторонахъ?—съ живостью возразилъ Дикъ:—развѣ онѣ не освѣщаются сіяющими какъ солнце глазами Люси?

— Ея не бываетъ тамъ. Но довольно объ этомъ,—сказалъ старикъ, проводя рукой по лицу.—Старость и молодость такъ же различны, какъ горы и долины.

— О, какой вы прозаикъ!—замѣтилъ Дикъ, качая головой.—Согласитесь, дѣдушка, что искусство—прекрасный божественный даръ.

Тимоти кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— И развѣ одаренные небеснымъ даромъ артисты не достойны поклоненія?—восторженно продолжалъ юноша.— Ахъ, дѣдушка Тимоти! Какъ мнѣ хотѣлось бы быть на вашемъ мѣстѣ, а не убивать свою молодость въ темной, сырой книжной лавкѣ мистера Формана. Представьте, онъ все еще строго запрещаетъ мнѣ ходить въ театръ. Я увѣренъ, что онъ тайный пуританинъ.

— А на травлю медвѣдей онъ отпускаетъ тебя!—съ усмѣшкой сказалъ старикъ.—Да, да, эти господа всегда таковы. Въ своемъ благочестивомъ усердіи они забываютъ, что театральныя представленія возникли изъ церковныхъ мистерій, и что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится нашъ театръ, прежде былъ монастырь доминиканцевъ, по имени которыхъ театръ и теперь еще называется «Блэкфрайръ». Монахи эти, конечно, были благочестивые люди, но тѣмъ не менѣе они часто давали представленія въ своемъ монастырѣ, зная, что наглядное изображеніе людскихъ страстей и слабостей гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на зрителей, чѣмъ сказанное съ каѳедры слово.

— Вы правы, дѣдушка. Сначала въ Блэкфрайрѣ играли доминиканцы, затѣмъ тутъ разыгралась сцена развода Ген-

риха VIII съ Екатериной Аррагонской, способствовавшей введенію реформаціи въ Англіи, а теперь на томъ же мѣстѣ играютъ настоящіе артисты! Это знаменательныя перемѣны, дѣдушка Тимоти!

Старикъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Что идетъ сегодня?—спросилъ Дикъ старика, когда тотъ вышелъ изъ-за перегородки, куда относилъ вычищенное вооруженіе.

— Эдуардъ II, трагедія магистра Марло, — отвѣтилъ старикъ. — Въ этомъ произведеніи очень много ужасныхъ сценъ, и нашъ великій актеръ Ричардъ Бербэджъ пользуется въ немъ блестящимъ успѣхомъ.

— Марло,—задумчиво повторилъ Дикъ, — а, вспомнилъ! Это тотъ самый поэтъ, произведенія котораго мой хозяинъ изгналъ изъ своей лавки!

— Почему же?!

— По мнѣнію мистера Формана произведенія Марло отзываютъ чертовщиной.

— Строгій пуританинъ отчасти правъ, — улыбаясь сказалъ Тимоти.—Въ стихахъ Марло клокочетъ такая же дикая страсть, какъ и въ той средѣ, куда онъ попалъ, переселившись изъ Кэмбриджа въ Лондонъ. Но у него все-таки большой талантъ, и мы можемъ только гордиться тѣмъ, что имѣемъ такихъ поэтовъ, какъ Марло и Шекспиръ.

— Я не могъ бы писать пьесы,—задумчиво сказалъ Дикъ,—но я хотѣлъ бы сдѣлаться великимъ артистомъ. Я думаю, какое наслажденіе неистовствовать на сценѣ съ блестящимъ мечомъ, впадать въ безуміе или представлять что-нибудь ужасное! Мнѣ кажется, у меня есть талантъ, потому что, когда я намедни громко декламировалъ въ моей комнатѣ одно мѣсто изъ драмы Шекспира «Король Генрихъ IV», мистеръ Форманъ въ испугѣ вбѣжалъ ко мнѣ, думая, что меня рѣжутъ или я съ ума схожу.

— Должно быть, ты оралъ во всю глотку, мой милый!— засмѣялся Тимоти.

— Что-жъ, Ричардъ Бербэджъ тоже оретъ!

— Но не такъ; онъ изображаетъ людей съ здравымъ умомъ.

— Великіе люди тоже сначала учились, — возразилъ Дикъ.—Я увѣренъ, что скоро пріобрѣлъ бы извѣстность, если бы имѣлъ счастье учиться въ одномъ изъ лондонскихъ соборныхъ училищъ.

По обычаю того времени ученики латинскихъ школъ участвовали въ представленіяхъ. Этотъ обычай перешелъ отъ тѣхъ временъ, когда въ монастыряхъ давались мистеріи на латинскомъ языкѣ. Когда для представленія не хватало монаховъ, то брали изъ монастырской школы мальчиковъ, въ особенности для женскихъ ролей. Такимъ образомъ возникло множество дѣтскихъ театровъ; особеннымъ же вниманіемъ королевы Елизаветы пользовалась труппа учениковъ монастырскихъ школъ Св. Павла, Вестминстера и Виндзора, а также мальчики королевской капеллы и такъ называемые «Children of the Revels». Послѣдніе назывались такъ потому, что находились въ вѣдѣніи «Master of the Revels» (устроитель развлеченій).

Тѣмъ временемъ Тимоти накинулъ на плечи короткій плащъ и, надѣвъ сѣрую шапку, направился въ типографію. Дикъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ты смышленый мальчикъ, и тебѣ не трудно будетъ поступить въ число учениковъ придворной капеллы. Но я думаю, тебѣ лучше остаться при книжномъ дѣлѣ; нынче весь свѣтъ читаетъ книги, и дѣятельный книгопродавецъ можетъ не мало заработать.

— Можетъ быть, дѣдушка, но мнѣ это дѣло не по душѣ, и я давно убѣжалъ бы отъ мистера Формана, если бы не былъ такъ много обязанъ ему за то, что онъ пріютилъ меня,

сироту, у себя. Но это еще можетъ случиться!—закончилъ Дикъ, тихо засмѣявшись.

Хотя Лондонъ того времени не былъ еще такъ великъ и въ концѣ шестнадцатаго столѣтія насчитывалъ всего 250.000 жителей, по улицамъ и площадямъ его всегда сновало такъ много народа, что шумъ толпы заглушалъ всякій разговоръ. Поэтому Тимоти и его юному другу пришлось идти молча. Старикъ шелъ задумавшись, а Дикъ шагалъ рядомъ съ нимъ, высоко поднявъ голову и отвѣчая снисходительно на поклоны знакомыхъ ему учениковъ, которые стояли передъ лавками и зазывали покупателей.

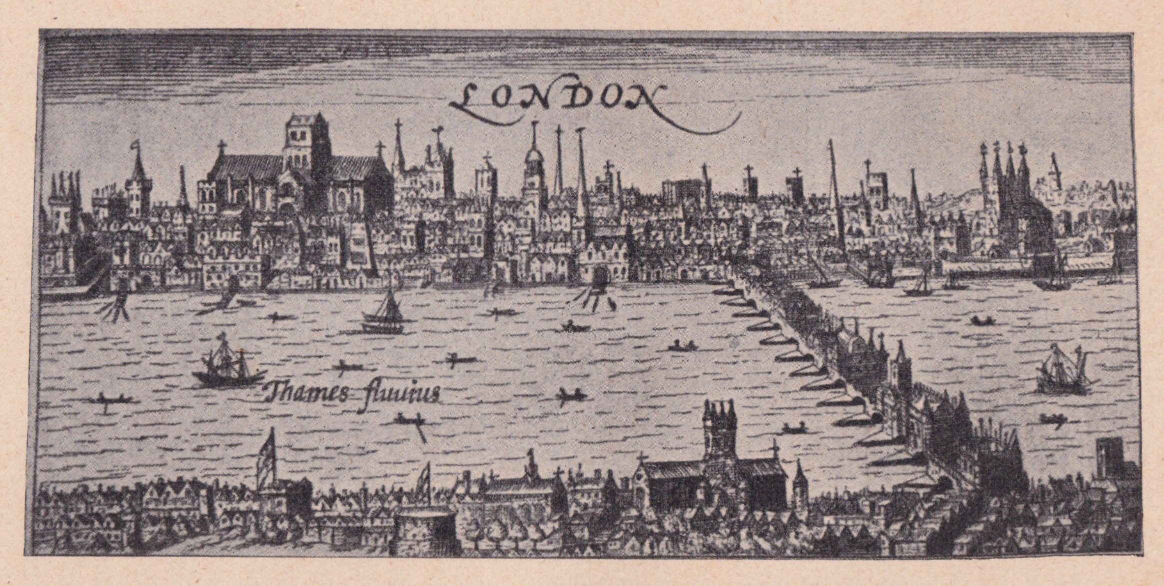
— Здѣсь мы разойдемся, — сказалъ Тимоти, когда они дошли до угла улицы, ведущей къ Темзѣ.

— Нѣтъ, дѣдушка Тимоти, ужъ у меня прошла охота идти въ Соусуоркъ смотрѣть, какъ кривляется медвѣдь Сакерсонъ. Я провожу васъ въ типографію.

Старикъ привѣтливо кивнулъ ему, и они направились къ Темзѣ, имѣвшей въ то время только одинъ мостъ. На чистыхъ водахъ рѣки плавали лебеди, а на обоихъ берегахъ, на мѣстѣ нынѣшнихъ грязныхъ верфей и амбаровъ, зеленѣли сады и луга. По рѣкѣ сновали сотни лодокъ, и ежеминутно раздавались крики лодочниковъ, предостерегавшіе встрѣчныхъ. Широкая рѣка была въ то время главной артеріей англійской столицы и прокармливала многихъ моряковъ, лодочниковъ и рыбаковъ.

Среди лодокъ и барокъ встрѣчалось множество красивыхъ парусныхъ лодокъ съ флагами, принадлежавшихъ знатнымъ лицамъ. Въ то время знатные люди пользовались большею частью воднымъ путемъ сообщенія по Темзѣ и тратили большія суммы на украшеніе своихъ лодокъ и судовъ.

— Кажется, ожидаютъ королеву, — замѣтилъ Тимоти;— вѣроятно, она поѣдетъ внизъ, въ Гринвичъ. Я вижу тамъ суда графовъ Пемброка и Соутгэмптона и блестящую свиту

Лондонъ въ 1610 году.

королевы. Они не стояли бы на якорѣ такъ спокойно, если бы королева уже проѣхала.

Дикъ почти не слышалъ словъ старика; вниманіе его было обращено на стоявшій у самаго берега старинный домъ съ большой пестрой вывѣской «Мореплаватель». То была гостинница, находившаяся у главной пристани, у которой въ этотъ день столпилось множество судовъ. Многія изъ нихъ только-что вернулись изъ Остъ-Индіи съ богатымъ грузомъ.

Послѣ открытія Васко-де-Гамой морского пути въ Индію, въ эту благодатную страну отправлялись многочисленныя экспедиціи, возвращавшіяся всегда съ очень цѣнными грузами.

Дикъ очень заинтересовался видомъ оживленной толпы, собравшейся на пристани глазѣть на прибывшія изъ далекой Остъ-Индіи суда.

— Дѣдушка Тимоти, прощайте! — сказалъ онъ. — Я не пойду дальше! Кланяйтесь отъ меня Люси.

И онъ поспѣшно удалился, не замѣтивъ, что старикъ, почтительно снявъ шапку, робко указалъ ему на рѣку. Старикъ Тимоти кланялся раззолоченной королевской галерѣ съ поднятымъ англійскимъ флагомъ, плывшей въ Гринвичъ. Королева Елизавета сидѣла подъ роскошнымъ балдахиномъ, окруженная своими придворными дамами и кавалерами. За королевской галерой слѣдовали двѣ другія со свитой королевы. Съ обоихъ береговъ Темзы раздавались восторженные крики, привѣтствовавшіе Елизавету, усилившіеся еще больше при появленіи богато разукрашенной галеры графа Эссекса, любимца королевы и всего народа. Привѣтливо кланяясь на всѣ стороны, графъ приказалъ гребцамъ причалить слѣва къ королевской галерѣ и, поровнявшись съ ней, почтительно привѣтствовалъ королеву. Елизавета привѣтливо кивнула ему, и графъ, перейдя на королевскую галеру, занялъ мѣсто рядомъ съ королевой, почтительно поцѣловавъ ея руку. Теперь

и суда графовъ Пемброка и Соутгэмптона присоединились къ флотиліи, поплывшей внизъ по Темзѣ.

Тѣмъ временемъ у пристани началась выгрузка богатаго груза, привезеннаго изъ Остъ-Индіи, который частью былъ добытъ мирнымъ обмѣномъ съ туземцами, частью взятъ въ бою у португальцевъ.

Дикъ не могъ надивиться, глядя на темнокожихъ рабовъ, на причудливыя растенія и диковинныхъ звѣрей, переправлявшихся на берегъ; но больше всего его интересовали индійскія художественныя произведенія.

Чтобы удержаться въ первомъ ряду, Дику то и дѣло приходилось пускать въ ходъ локти, потому что любопытная толпа съ каждой минутой разрасталась.

Матросовъ шумно встрѣчали друзья и знакомые. Вокругъ нихъ собрались толпы слушателей, которые съ изумленіемъ прислушивались къ разсказамъ о приключеніяхъ и чудесахъ, пережитыхъ моряками въ далекихъ странахъ; при этомъ послѣдніе не скупились приплетать въ свои описанія разныя небылицы.

Наконецъ моряки со своими слушателями отправились въ гостинницу «Мореплаватель», чтобы тамъ за кружкою вина продолжать свои разсказы. Дикъ пошелъ также туда, но, за неимѣніемъ мѣста, вынужденъ былъ сѣсть за столъ, занятый уже какими-то оборванцами.

— Эти оборванцы,—объяснилъ ему слуга, — матросы съ эскадры Вальтера Ралея, которая готовится отплыть къ берегамъ Гвіаны. Говорятъ, тамъ есть городъ Эльдорадо, и всѣ они надѣются тамъ озолотиться и прилетѣть обратно золотыми жуками!—и, презрительно засмѣявшись, слуга побѣжалъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ гостинницы.

Зало во второмъ этажѣ назначалось для чистой публики, которой въ этотъ день тамъ набралось особенно много. Одни явились сюда посмотрѣть на интересную выгрузку,

другіе собирались купить нѣкоторыя заморскія рѣдкости. Высокія дубовыя стѣны зала были украшены богатой рѣзьбой, изящными орнаментами и картинами. Прекрасно обставленному залу соотвѣтствовало и все остальное, начиная съ роскошнаго буфета и кончая накрытыми столиками, занятыми посѣтителями.

Мистеръ Блоунтъ, хозяинъ гостинницы, переходилъ съ привѣтливой улыбкой отъ одного стола къ другому, любезно разговаривая съ посѣтителями. Онъ никого не обошелъ и обратился также къ незнакомому молодому человѣку въ потертомъ камзолѣ и полинявшихъ ботфортахъ.

— Вы, кажется, пріѣзжій?—спросилъ его хозяинъ.—Чѣмъ могу служить вамъ? Не нужны ли вамъ какія-нибудь свѣдѣнія?

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Хотя я здѣсь чужой, но хорошо знаю Лондонъ.

— Простите за навязчивость,—извинился хозяинъ и обратился къ сидѣвшему противъ незнакомца изящно одѣтому сѣдому господину.—Вы сегодня свободны, сэръ? Королева вернется только поздно вечеромъ изъ Гринвича?

— Да, свободенъ, мистеръ Блоунтъ. Но сегодня я и такъ пришелъ бы сюда; государственный казначей Томасъ Геннэджъ поручилъ мнѣ купить для его маленькаго музея нѣкоторыя индійскія рѣдкости. Но до сихъ поръ мнѣ удалось пріобрѣсти только одну пагоду.

— Тише ѣдешь, дальше будешь!—улыбнулся хозяинъ.— Самыя драгоцѣнныя вещи еще не выгружены; хитрые моряки хотятъ сначала сбыть менѣе цѣнныя. Хотите, я наведу справки?

Предложеніе это было принято съ удовольствіемъ, и любезный хозяинъ удалился. Сѣдой господинъ могъ теперь свободно наблюдать за заинтересовавшимъ его молодымъ человѣкомъ.

Ему было лѣтъ двадцать съ лишнимъ; его нельзя было назвать красивымъ, но его выразительное лицо съ правильными чертами было очень симпатично. Вниманіе же сѣдого господина привлекали болѣе всего темные, задумчивые глаза незнакомца: онъ уже видѣлъ гдѣ-то и когда-то эти глаза и эти густые вьющіеся упрямо торчащіе волосы, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда именно.

— Ваше здоровье, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, поднимая стоявшій передъ нимъ бокалъ.

— Съ какихъ это поръ лондонцы стали такими любезными?—спросилъ съ улыбкой незнакомецъ, также поднимая бокалъ.—Можетъ быть, вы думаете, что я состою при остъ-индской эскадрѣ и могу вамъ помочь подешевле пріобрѣсти разныя драгоцѣнности?

— Вы слышали мой разговоръ съ мистеромъ Блоунтомъ! Нѣтъ, молодой человѣкъ, вы ошиблись. Ваши волосы, глаза и даже черты лица напоминаютъ мнѣ кого-то, кого я зналъ много лѣтъ тому назадъ, но кого?.. я никакъ не могу припомнить.

— Можетъ быть, вы знали моего отца,—сказалъ вздохнувъ незнакомецъ.—Говорятъ, я очень похожъ на него.

— Какъ васъ зовутъ?

— Къ сожалѣнію, я не могу вамъ этого сказать и хочу пока остаться неизвѣстнымъ.

— Это не мѣшаетъ мнѣ представиться вамъ, чтобы вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло, — шутливо возразилъ сѣдой господинъ, — Джемсъ Ральфъ, камердинеръ ея величества королевы.

По лицу молодого человѣка скользнуло выраженіе радости. Онъ протянулъ старому господину руку и сказалъ съ жаромъ:

— Мой бѣдный отецъ всегда произносилъ ваше имя съ уваженіемъ.

— Значитъ, онъ меня зналъ?

— Да, Артуръ Лонгсуордъ зналъ васъ, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Боже мой, теперь я все припоминаю! — воскликнулъ Ральфъ.—Да, у него были такіе же глаза, такіе же упрямо торчащіе волосы. О, скажите, гдѣ онъ, какъ поживаетъ?

Робертъ Лонгсуордъ закрылъ руками лицо и глухо отвѣтилъ:

— Онъ палъ жертвой Звѣздной Палаты и умеръ въ Флитской темницѣ.

Наступило молчаніе.

Ральфъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ и не рѣшался прервать грустныя мысли молодого человѣка.

— Я многимъ обязанъ вашему отцу,—сказалъ онъ наконецъ.—Онъ принялъ во мнѣ горячее участіе, когда я былъ совсѣмъ безпомощенъ, гостепріимно пріютилъ въ своемъ замкѣ въ Бэдфордѣ и помогъ мнѣ словомъ и дѣломъ. Только благодаря его рекомендаціямъ моя будущность въ Лондонѣ была обезпечена; я никогда не забуду этого, и такъ какъ я уже не могу отблагодарить этого благороднаго человѣка, то пусть сынъ его найдетъ во мнѣ вѣрнаго друга.

— Мой отецъ такъ много сдѣлалъ для васъ,—возразилъ Робертъ съ оттѣнкомъ презрѣнія, — и все-таки вы настолько забыли его, что даже, увидѣвъ меня, не вспомнили его.

— Не судите меня такъ строго,—просилъ Ральфъ; — подумайте, вѣдь съ тѣхъ поръ прошло почти сорокъ лѣтъ. Но имени вашего добраго отца я не забылъ.

— Тѣмъ болѣе меня удивляетъ, — рѣзко возразилъ Робертъ,—что вы не употребили своего вліянія при королевѣ для спасенія моего отца. Его процессъ въ Звѣздной Палатѣ былъ одно время злобой дня и не могъ остаться для васъ тайной.

— Однако, я о немъ ничего не зналъ, сэръ Лонгсуордъ, — увѣрялъ Ральфъ.—Кромѣ Тайнаго Совѣта только немногіе знаютъ, что творится въ Звѣздной Палатѣ. Приговоры ея исполняются втайнѣ. Случалось, что внезапно исчезали даже знатные люди, и никто не зналъ, что это дѣлалось по приказанію Звѣздной Палаты. Клянусь честью, я ничего не зналъ о несчастьи вашего отца!

— Ваша искренность убѣждаетъ меня въ вашей правдивости, — сказалъ Робертъ, протягивая своему собесѣднику руку.

— А теперь,—съ оживленіемъ началъ Ральфъ, — чѣмъ могу я служить вамъ? Что намѣрены вы дѣлать въ Лондонѣ, и какіе у васъ планы?

Въ это время сосѣдній столъ заняли нѣсколько посѣтителей; поклонившись Ральфу, они обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами.

— Вы любитель поэзіи и драматическаго искусства?— спросилъ Ральфъ шопотомъ Роберта.

— Почему вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Эти господа—знаменитые поэты и актеры Лондона. Вотъ тотъ тридцатилѣтній господинъ съ взъерошенными волосами и рѣзкими чертами лица—поэтъ Марло, о которомъ вы, конечно, уже слыхали.

— Судьба не баловала меня,—сказалъ Робертъ,—и потому я имѣлъ мало общаго съ поэзіей; но я слышалъ, что Марло пользуется уваженіемъ. Мнѣ говорили, что онъ переработалъ въ драму нѣмецкую легенду «Докторъ Фаустъ». Но больше всего говорятъ о другомъ поэтѣ, Вилліамѣ Шекспирѣ.

— Къ сожалѣнію, его здѣсь нѣтъ,—сказалъ Ральфъ,—но вы будете имѣть случай познакомиться съ нимъ. Видите того добродушнаго плотнаго старика, слѣва отъ Марло? Это арендаторъ театра, Генслоу, а красивый молодой чело-

вѣкъ рядомъ съ нимъ — его зять, трагикъ Эдуардъ Аллейнъ. Соперничать съ нимъ можетъ только одинъ Ричардъ Бёрбэджъ, сидящій на другомъ концѣ стола. Но они чужды зависти и находятся между собою въ хорошихъ отношеніяхъ.

— А кто этотъ маленькій толстый господинъ съ краснымъ, смѣшнымъ лицомъ?—спросилъ Робертъ, указывая на сосѣда Бёрбэджа.

— Это извѣстный клоунъ-комикъ, Вилліамъ Кемпе; онъ своими остроумными шутками и выходками смѣшитъ весь Лондонъ; его сосѣдъ слѣва, мистеръ Джонъ Геминджъ, кассиръ и режиссеръ театра; онъ раздаетъ актерамъ милостиво пожертвованные дворомъ деньги и подарки. Хотите, я васъ представлю этому обществу?

— Нѣтъ,—поспѣшно отвѣтилъ Робертъ,—мое серьезное лицо не подходитъ къ этому веселому обществу. Кромѣ того у меня есть важное дѣло.

— Какое?

— Я долженъ отомстить за позоръ несчастнаго отца и потребовать, чтобы мнѣ возвратили мое законное наслѣдство.

Въ эту минуту къ столу подошелъ хозяинъ гостинницы, дрожа отъ негодованія.

— Я только - что былъ на остъ-индскихъ корабляхъ,— сказалъ онъ,—гдѣ сторговалъ для лорда-казначея вызолоченный тронъ, на которомъ, какъ говорятъ, сидѣлъ Акбаръ, знаменитый властелинъ Могольскаго царства. Это, дѣйствительно, рѣдкая вещь, и мнѣ отдавали ее сравнительно дешево. Но вдругъ явился ненавистный Гриди и перекупилъ у меня изъ-подъ носа эту рѣдкостную вещь. Что скажете вы о такой наглости?

— Отъ сэра Гриди всего можно ожидать!—отвѣтилъ Ральфъ, слегка пожимая плечами.

— Вы назвали имя, отъ котораго у меня кровь бросилась въ голову!—вмѣшался Робертъ.—Кто этотъ наглецъ?

— Высокочтимый джентльменъ,—съ ироніей объяснилъ Ральфъ;—онъ всегда охотно помогаетъ всѣмъ, но затѣмъ обираетъ своихъ жертвъ.

— Корыстолюбивый человѣкъ! Къ тому же онъ тайный агентъ Звѣздной Палаты, которая по его милости осудила не мало невинныхъ.

— Значитъ, это тотъ негодяй, котораго я ищу!—воскликнулъ въ сильномъ волненіи Робертъ.

— Тише, тише!—остановилъ его Ральфъ.—Гриди здѣсь!

Комикъ Вилліамъ Кемпе.

Робертъ взглянулъ въ указанную сторону. На порогѣ стоялъ высокій, мрачный мужчина съ самоувѣренной осанкой, испытующе оглядывавшій зало безпокойными глазами. Рѣзкія черты его оливковаго цвѣта лица выражали сильную волю, тонкія губы кривились въ презрительную усмѣшку, а густыя брови и закрученные кверху усы придавали ему наглое, отталкивающее выраженіе.

Гриди не торопясь снялъ свои черныя съ отворотами перчатки, гордо прошелъ черезъ все зало и остановился у стола Ральфа. Поклонившись ему свысока, онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на артистовъ, сидѣвшихъ за сосѣднимъ

столомъ, и наконецъ взглядъ его остановился на Робертѣ. Сверкавшіе гнѣвомъ глаза молодого человѣка не смутили Гриди — онъ привыкъ къ такимъ взглядамъ.

— Ну, сэръ Ральфъ, были вы на остъ-индскихъ корабляхъ?—спросилъ онъ равнодушно.

Ральфъ отрицательно покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Гриди, небрежно садясь на одинъ изъ стульевъ, — вамъ не удастся пріобрѣсти для лорда-казначея достойныхъ вниманія рѣдкостей.

— Почему вы знаете, что лордъ Геннэджъ мнѣ это поручилъ?—спросилъ съ досадой Ральфъ.

— Гм...—возразилъ Гриди, закручивая свои усы, — спросите лучше, чего я не знаю?!

— Въ такомъ случаѣ,—вмѣшался въ разговоръ Робертъ,— мнѣ незачѣмъ вамъ представляться.

— Что вы хотите сказать? — спросилъ съ презрительной усмѣшкой Гриди.—Судя по вашему старомодному костюму, вы изъ провинціи. Я не интересуюсь такими ничтожными людьми.

— Вы клевещете на себя!—воскликнулъ, все болѣе волнуясь, Робертъ.—Я думаю, что въ провинціи были и еще есть люди, которыми вы очень интересуетесь.

— Напримѣръ?

— Сэръ Артуръ Лонгсуордъ!

На мгновеніе на лицѣ Гриди показалось выраженіе изумленія, но въ слѣдующую минуту онъ съ пренебреженіемъ отвѣтилъ:

— Этотъ Лонгсуордъ умеръ.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Робертъ, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ,—имя это продолжаетъ жить въ его сынѣ.

— А, значитъ, вы его сынъ?—спросилъ Гриди, пристально вглядываясь въ молодого незнакомца.

— Вы не ошиблись: я Робертъ Лонгсуордъ и пришелъ...

— Не за наслѣдствомъ ли?—насмѣшливо прервалъ его Гриди.

— Могу ли я получить его, когда имъ завладѣлъ знатный мошенникъ!—крикнулъ Робертъ.—Нѣтъ, благородный сэръ, я пришелъ отомстить за моего бѣднаго отца!

— Развѣ вы готовитесь въ актеры, что такъ кричите?—засмѣялся Гриди.—Въ такомъ случаѣ, садитесь за сосѣднiй столъ.

— Если бы у меня была на то охота, — еще громче крикнулъ Робертъ, не обращая вниманiя на дѣлаемые ему Ральфомъ знаки,—мнѣ слѣдовало бы у васъ поучиться, потому что вы мастеръ притворяться и разыгрывать комедiю!

Гриди вскочилъ, но Робертъ продолжалъ:

— Вы мнѣ не страшны! Но раньше, чѣмъ я мечомъ сдѣлаю вамъ отмѣтку на лицѣ, всѣ здѣсь должны узнать, какой вы мерзавецъ!

Гриди схватился за мечъ.

— Смирно, господа!—послышались голоса посѣтителей, привлеченныхъ громкой перебранкой.

— Пожалуйста, не ссорьтесь,—просилъ хозяинъ,—не то гости-драчуны нижняго этажа сейчасъ будутъ здѣсь наверху, и тогда пропадай мои стаканы, бутылки и тарелки.

— А наши головы вы ни во что не ставите?—спросилъ смѣясь комикъ Кемпе.

— Успокойтесь, — сказалъ Робертъ,—я одинъ покончу свое дѣло съ этимъ мерзавцемъ, но не здѣсь.

— Что онъ вамъ сдѣлалъ?—спрашивали посѣтители.

— А вотъ послушайте,—началъ Робертъ, снова впадая въ бѣшенство отъ иронической улыбки Гриди, скрестившаго на груди руки.—Мой отецъ владѣлъ въ Бэдфордѣ большимъ имѣнiемъ; но оно было значительно задолжено. Когда, шесть лѣтъ тому назадъ, въ Ламаншѣ появилась армада Филиппа Испанскаго, кредиторы стали сильно тѣснить мо-

его отца, опасаясь, что непобѣдимый испанскій флотъ одержитъ побѣду и завладѣетъ нашимъ отечествомъ, уже подареннымъ папой Сикстомъ испанскому королю. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ мой отецъ обратился къ извѣстному ростовщику Гриди, у котораго по сосѣдству съ нами было имѣніе. Благородный сэръ запросилъ большіе проценты, и мой отецъ вынужденъ былъ согласиться, не имѣя другого исхода. Едва успѣлъ Гриди получить свидѣтельство о закладѣ имѣнія, какъ Звѣздная Палата привлекла къ суду моего отца, обвиняя его въ измѣнѣ и тайныхъ сношеніяхъ съ испанскими шпіонами. Главнымъ свидѣтелемъ явился этотъ Гриди, и никакія доказательства и оправданія не помогли моему отцу; онъ былъ заключенъ въ Флитскую тюрьму, а кредиторъ его присвоилъ себѣ со всѣми землями замокъ его въ Бэдфордѣ. Такимъ образомъ Гриди, подъ охраной Звѣздной Палаты, обдѣлалъ выгодное для себя мошенническое дѣло, а мой бѣдный отецъ умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ въ темницѣ. Мошенничество ясно какъ день, и я не успокоюсь, пока не отомщу за отца и за наше опозоренное имя.

Среди посѣтителей послышался одобрительный говоръ и гнѣвныя восклицанія по адресу Гриди. Вспыльчивый поэтъ Марло увлекся до того, что бросилъ къ ногамъ поблѣднѣвшаго Гриди свою перчатку.

— Я не принимаю вызова отъ комедіанта!—прѣзрительно воскликнулъ Гриди.

Только съ трудомъ удалось удержать Марло, бросившагося было на Гриди. Но хотя всеобщее озлобленіе противъ Гриди возрастало, онъ не испугался устремленныхъ на него угрожающихъ взглядовъ.

— У меня нѣтъ до васъ всѣхъ никакого дѣла! — крикнулъ онъ.—Я смѣюсь надъ обвиненіями Лонгсуорда; они такъ глупы, что сами опровергаютъ себя. Но я привлеку его къ

отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и за недостойные отзывы о Звѣздной Палатѣ. Онъ оскорбилъ высшее судебное учрежденіе, состоящее подъ покровительствомъ нашей королевы, и это требуетъ наказанія!

— Ради Бога, молчите,—шепнулъ Ральфъ Роберту.—Онъ хочетъ раздражить васъ и вызвать на необдуманную рѣчь.

Не обращая вниманія на это предостереженіе, Робертъ съ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Не толкуйте вкривь моихъ словъ, сэръ Гриди. Я далекъ отъ того, чтобы оскорблять высшее судебное учрежденіе Англіи; но, какъ свободный гражданинъ моей родины, я имѣю право сказать, что Звѣздная Палата осудила моего отца лишь на основаніи вашего обвиненія.

— Значитъ, вы обвиняете Звѣздную Палату въ несправедливомъ приговорѣ! — воскликнулъ Гриди торжествуя.— Этого достаточно, чтобы привлечь васъ къ отвѣтственности. Господа, призываю васъ въ свидѣтели!—обратился онъ къ посѣтителямъ.

— Мы ничего не слыхали!—раздались со всѣхъ сторонъ голоса.

Большая часть посѣтителей поспѣшила удалиться. Одни актеры остались сидѣть на своихъ мѣстахъ, и Ричардъ Бёрбэджъ даже вступился за Роберта.

— Очень хорошо продекламировано,—воскликнулъ Гриди, иронически апплодируя знаменитому трагику,—можетъ быть, это вамъ пригодится для сцены въ Блэкфрайрѣ, если Марло напишетъ подходящую пьесу.

— Главнаго же негодяя въ пьесѣ должны играть вы!— крикнулъ поэтъ, набрасываясь на Гриди.

— Разнимите ихъ,—послышались со всѣхъ сторонъ голоса.

— Изъ-за меня кровь здѣсь не будетъ пролита!—вскричалъ Робертъ, ловко протискиваясь между противниками.

Хозяинъ гостинницы съ воплями бѣгалъ взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ Ральфъ старался примирить противниковъ. Но возбужденіе съ каждой минутой все усиливалось: на шумъ сбѣжались гости нижняго этажа, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, здѣсь тотчасъ образовались двѣ партіи: матросы Вальтера Ралея искали случая подраться съ остъ-индскими матросами, и какъ только выяснилось, что остъ-индскіе моряки приняли сторону Роберта и актеровъ, матросы Ралея тотчасъ вступились за Гриди.

Тѣмъ временемъ хозяинъ гостинницы со своими слугами поспѣшно убиралъ посуду, при чемъ едва не опрокинулъ Дика, изъ любопытства также прибѣжавшаго въ верхнее зало.

— Ну, а ты за кого, малышъ?—тихо спросилъ его одинъ старый морякъ, разсказы котораго объ Индіи онъ только что слушалъ.

— Конечно, за молодого дворянина, — отвѣтилъ Дикъ. — Онъ правъ, и я ради него охотно отобью себѣ руки объ этого негодяя.

— Лучше приведи намъ на помощь своихъ товарищей. Опасаюсь, что оборванцы Ралея сильнѣе насъ.

Дикъ кивнулъ головой и исчезъ изъ зала, а вслѣдъ затѣмъ на улицѣ раздался крикъ: «эй, ученики, на помощь!».

Враждующія стороны не слышали этихъ криковъ; вниманіе ихъ было поглощено борьбой. Гриди приказалъ своимъ клевретамъ схватить Роберта и вытѣснить артистовъ изъ зала.

Этимъ былъ данъ сигналъ для начала схватки.

Въ слѣдующую минуту Роберта схватили чьи-то грубыя руки и стали увлекать къ выходу, но вскорѣ его сторонникамъ удалось отбить его.

Въ этой ожесточенной кулачной схваткѣ оружіемъ служили стулья; столы нагромождались въ баррикады для отраженія нападенія многочисленныхъ противниковъ. Марло рвался къ ненавистному Гриди, но тотъ отступалъ, охра-

няемый своими сторонниками. Изъ артистовъ одинъ Марло участвовалъ въ схваткѣ; другіе не хотѣли подвергать себя кулакамъ грубыхъ матросовъ и поспѣшили удалиться черезъ потайную дверь въ концѣ зала. Ральфъ послѣдовалъ за ними, пообѣщавъ Роберту заступиться за него предъ королевой.

Схватка между тѣмъ продолжалась, и Робертъ оказывался попеременно то въ рукахъ своихъ противниковъ, то среди своихъ заступниковъ, остъ-индскихъ моряковъ. Вдругъ Гриди протѣснился къ нему, его сторонники дружно двинулись за нимъ, и Робертъ снова очутился во власти противниковъ.

— Тащите его скорѣе къ потайной двери,—шепнулъ Гриди своимъ людямъ.

Приказаніе было быстро исполнено, и въ то время какъ обѣ стороны продолжали сражаться, Роберта насильно провели въ потайную дверь, оставленную актерами отворенной.

Въ ту же минуту передъ гостинницей раздались оглушительные крики: то былъ Дикъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ товарищей-учениковъ, пытавшихся ворваться въ гостинницу.

Въ тѣ времена лондонскіе ученики составляли весьма внушительную силу; они всегда принимали сторону обиженныхъ и быстро собирались, когда надо было заступиться за кого-нибудь. Тогда они тотчасъ выбѣгали, заслышавъ сигнальные свистки и крикъ: «эй, ученики, на помощь!», раздававшіеся на всѣхъ улицахъ, и ни одинъ хозяинъ не рѣшался удерживать учениковъ.

Дикъ былъ однимъ изъ предводителей. Подбѣжавъ со своими товарищами къ гостинницѣ, онъ встрѣтилъ выходившаго оттуда стараго моряка.

— Ты опоздалъ, — сказалъ онъ Дику, — матросы Ралея перехитрили насъ и увели молодого дворянина.

— Этимъ выходомъ?—спросилъ Дикъ, указывая на входъ въ гостинницу.

— Нѣтъ, черезъ потайную дверь въ концѣ зала.

Дикъ топнулъ съ досады ногой и крикнулъ:

— А! негодяи хотятъ улизнуть отъ насъ со стороны рѣки! Но мы еще посмотримъ, чья возьметъ!

И, обернувшись къ ученикамъ, онъ тихо отдалъ имъ приказанія. Они тотчасъ раздѣлились, и старый морякъ къ удовольствію своему увидѣлъ, что часть учениковъ поспѣшно направилась къ берегу, размѣстилась тамъ на лодкахъ и быстро направилась къ гостинницѣ, выходившей на Темзу.

Дикъ приказалъ остановиться у маленькихъ воротъ съ желѣзной калиткой, отъ которой спускались къ Темзѣ каменныя ступени.

— Ворота заперты,—замѣтили нѣкоторые изъ учениковъ,—поѣдемъ лучше обратно, чтобы они тамъ отъ насъ не улизнули.

— Нѣтъ, они выйдутъ отсюда,—сказалъ Дикъ.—Только не шумѣть!

Прошло минуты двѣ; изнутри осторожно стали отодвигать засовы, и въ пріотворенной двери показалась рыжая голова матроса, позвавшаго лодочника. Но въ ту же минуту ученики оттиснули его, и узкій проходъ за воротами быстро наполнился отважной толпой, которая устремилась къ лѣстницѣ, ведущей въ верхнее зало, откуда слышались крики Роберта, звавшаго на помощь.

Увидѣвъ учениковъ, Гриди тотчасъ приказалъ своимъ людямъ скрыться съ плѣнникомъ. Въ верхнемъ залѣ еще находились матросы Ралея; увидѣвъ нападавшихъ учениковъ, они двинулись имъ навстрѣчу. Въ узкомъ проходѣ молодымъ борцамъ было трудно развернуть всѣ свои силы, тѣмъ болѣе, что они не могли пустить въ дѣло свои дубинки. Поэтому приказанія Дика ни къ чему не приводили.

— Заткните глотку этому крикуну,—приказалъ Гриди.

Приказаніе было тотчасъ исполнено двумя матросами.

— А, попался! — торжествовалъ Гриди. — Кажется, ты ученикъ мистера Формана? Вотъ обрадуется твой хозяинъ, когда узнаетъ, что ты сидишь подъ замкомъ и засовомъ. Погоди, мы охладимъ тебя, сорванецъ!

— Смотрите, чтобы вамъ самимъ не пришлось охладиться!—возразилъ Дикъ.

Дикъ сталъ прислушиваться и вдругъ громко скомандовалъ:

— Эй, ученики, впередъ!

Всѣ ученики засвистали, а вслѣдъ затѣмъ изъ верхняго зала послышались отвѣтные свистки.

— Чортъ возьми, что это?!—вскричалъ Гриди оглядываясь.

— Это охлажденіе для васъ,—засмѣялся Дикъ, ловко уклоняясь отъ удара Гриди.

Тѣмъ временемъ шумъ усиливался. Матросы Ралея тотчасъ замѣтили, что имъ грозитъ опасность съ тыла; они бросились къ рѣкѣ, но занявшіе проходъ ученики дружно оттѣснили ихъ назадъ.

Между тѣмъ въ верхнемъ залѣ партія Роберта одержала полную побѣду. Противники были отбиты, и Робертъ освобожденъ.

Гриди растерялся, не зная, что дѣлать, и уже хотѣлъ-было вступить въ переговоры, какъ Дикъ крикнулъ ученикамъ:

— Очистите проходъ, дайте благородному сэру воспользоваться обѣщаннымъ охлажденіемъ!

Со свистомъ и криками исполнили ученики приказаніе и, отворивъ желѣзную калитку, быстро прыгнули въ свои лодки.

Большая же часть учениковъ, проникшихъ въ верхнее

зало черезъ главный входъ, достигла теперь лѣстницы, ведущей къ рѣкѣ. Ихъ побѣдные крики обратили Гриди и его толпу въ поспѣшное бѣгство. Тѣснившимся къ воротамъ матросамъ пришлось спасаться по узкой, въ футъ шириною, дамбѣ, тянувшейся по обѣ стороны лѣстницы.

Спустившись послѣднимъ, Гриди также хотѣлъ пройти по дамбѣ, но Дикъ, котораго онъ держалъ за руку, ухватился свободной рукой за желѣзную дверь и, съ силою оттолкнувъ Гриди, вырвался отъ него. Гриди потерялъ равновѣсіе и, скатившись по ступенямъ, упалъ въ воду.

— Охлаждайтесь на здоровье, сэръ! — крикнулъ ему вслѣдъ Дикъ, при громкомъ хохотѣ учениковъ, злорадно смотрѣвшихъ, какъ въ водѣ барахтается и отдувается джентльменъ.

— Я тебѣ это припомню!—крикнулъ въ бѣшенствѣ Гриди стоявшему на дамбѣ Дику, который смѣясь указывалъ на него пришедшимъ сверху товарищамъ.

— Долгъ платежомъ красенъ, сэръ!—отвѣтилъ Дикъ.—Я давно готовилъ вамъ такой сюрпризъ: если бы вы не отнеслись такъ жестоко къ моей матери, она, быть можетъ, была бы жива, и мнѣ не пришлось бы лазать по полкамъ въ лавкѣ мистера Формана доставать книги такимъ людямъ, какъ вы! Пейте, пейте на здоровье Темзскую воду!

Задыхавшійся Гриди напрягалъ всѣ силы, чтобы взобраться на дамбу, но стоявшіе на ней ученики сталкивали его обратно въ воду. Когда же онъ обращался къ сидѣвшимъ въ лодкахъ, тѣ также лишь смѣялись надъ нимъ.

Напрасны были его отчаянные крики о помощи; клевреты его вѣроломно покинули его и издали смотрѣли на эту комедію.

Гриди прибѣгнулъ къ обѣщаніямъ.

— Двѣнадцать пенсовъ тому, кто вытащитъ меня!—кричалъ онъ.

— Маловато!—хоромъ отвѣчали ученики.

— Двѣнадцать шиллинговъ!—крикнулъ онъ, выбиваясь изъ силъ.

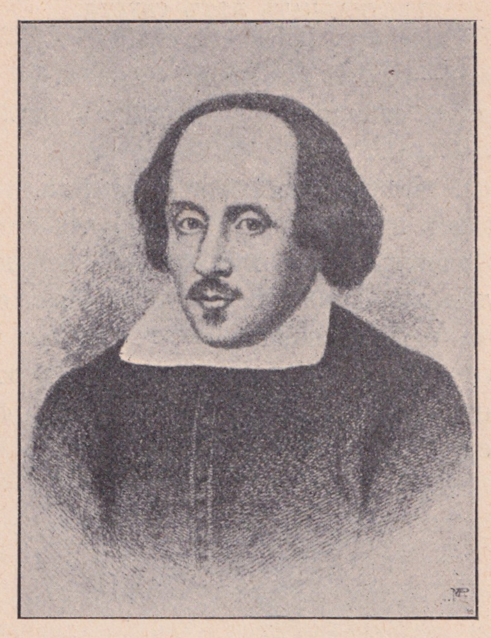
— Подымай выше!—насмѣхались ученики.

Наконецъ онъ предложилъ цѣлый фунтъ стерлинговъ, и тогда только ученики дозволили одному изъ лодочниковъ подъѣхать къ нему. Гриди поспѣшно взобрался въ лодку; вода лилась съ него ручьями.

Съ дамбы и съ лодокъ снова раздался громкій хохотъ, среди котораго онъ услышалъ крикъ Дика: «Хорошо ли охладились, сэръ?»

Башня, въ которой содержались медвѣди.

Фельтонскій портретъ Шекспира.

ГЛАВА III.

Поэтъ и вельможа.

Вилліамъ Шекспиръ сидѣлъ въ своей комнатѣ, углубившись въ чтеніе. Комната была обставлена скудной мебелью, на бѣлыхъ крашеныхъ стѣнахъ висѣли картины, а на дубовомъ письменномъ столѣ лежали книги, въ томъ числѣ сочиненія Плутарха на греческомъ языкѣ — признакъ учености обитателя комнаты.

Увлекшись чтеніемъ, Вилліамъ не слышалъ, какъ къ нему дважды постучались въ дверь.

— Отвѣчай же, дома ли ты?—спросилъ сильный мужской голосъ, и на порогѣ показалась статная фигура Ричарда Бербэджа.

Шекспиръ провелъ рукой по глазамъ. какъ бы только-что очнувшись отъ сна, и взглянулъ на друга.

— Меня здѣсь не было, Ричардъ,—сказалъ онъ съ улыбкой,—я былъ въ странѣ чудесъ.

— Мечтатель!—сказалъ Бербэджъ, пожимая протянутую ему руку,—о чемъ ты мечталъ?

Вмѣсто отвѣта Шекспиръ подалъ ему книгу, которую читалъ.

— А!—съ оживленіемъ воскликнулъ Бербэджъ,—это разсказы о проказахъ лѣсного духа Робина Гудфеллоу и его феяхъ и эльфахъ. Я не читалъ этой книги; должно быть, это забавные разсказы о томъ, какъ домовые безпокоятъ дѣвушекъ, которыя не вымели домъ, и какъ лѣшіе сбиваютъ съ пути путниковъ.

— Но я вычиталъ изъ этой книги больше, чѣмъ въ ней написано,—замѣтилъ Шекспиръ, мечтательно взглянувъ на друга.— Читая ее, я перенесся въ чудесный сказочный міръ.

— Было бы хорошо, еслибъ ты перенесъ этотъ сказочный міръ на сцену,—сказалъ Бербэджъ,—это было бы нѣчто новое, и намъ не пришлось бы изображать эту вѣчную рѣзню и убійства.

— Не говори этого,—возразилъ Шекспиръ, покачавъ головой.—Такія кровавыя драмы имѣютъ свое оправданіе, если въ нихъ отражаются людскія страсти и онѣ исторически вѣрны.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Я еще не умѣю тебѣ это объяснить,—возразилъ Шекспиръ, обнявъ одной рукой друга и шагая съ нимъ по комнатѣ. — Воображеніе мое дѣлаетъ иногда огромные скачки, и теперь сказочный міръ, только что окружавшій меня, сливается съ воспоминаніями дѣтства. Я вижу передъ собой дворъ Варвикскаго замка, и передо мной разыгрывается эпизодъ изъ исторіи моей родины. Мнѣ хотѣлось бы схва-

тить всѣ эти сцены и вложить въ мое перо, и если бы мнѣ это удалось, я обогатилъ бы нашу сцену новой рѣзней и убійствомъ.

— Никакъ, ты обидѣлся!—засмѣялся Бербэджъ,—но довольно объ этомъ. Пиши все, пиши по вдохновенію. Но что касается сказочнаго міра, то я совѣтую тебѣ прочесть книгу, переведенную съ французскаго, гдѣ описываются приключенія рыцаря Гюйона изъ Бордо. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой книгѣ, король эльфовъ Оберонъ—замѣчательный сказочный образъ... А теперь вернемся въ міръ прозы. Сегодня нашъ Геминджъ долженъ былъ идти къ лорду Геннэджу получить плату за послѣднія представленія при дворѣ. Но онъ повредилъ себѣ ногу, спасаясь съ нами изъ трактира «Мореплаватель», гдѣ вчера произошла свалка. Ты замѣститель нашего казначея, и я прошу тебя сходить къ лорду за деньгами.

— О, какая проза!—вздохнулъ поэтъ.—Изъ сказочнаго міра перейти въ...

— Міръ золота,—засмѣялся Бербэджъ.—И въ этомъ мірѣ есть поэзія, дружище; спроси-ка объ этомъ босоногую команду Вальтера Ралея, которая отплыла сегодня въ Индію.

Одѣвъ свой кафтанъ, отороченный мѣхомъ, и бархатный беретъ, Шекспиръ выходя сказалъ другу:

— Мнѣ непріятно идти къ лорду Геннэджу. Правда, онъ всегда любезенъ, и графъ Соутгэмптонъ, его пасынокъ, очень благоволитъ ко мнѣ, но лордъ всегда даетъ мнѣ какое-нибудь порученіе къ покровителю нашей труппы, лорду камергеру Гэнсдону.

— Это, дѣйствительно, непріятно,—согласился Бербэджъ,—тѣмъ болѣе, что странности стараго Гэнсдона усиливаются съ каждымъ днемъ.

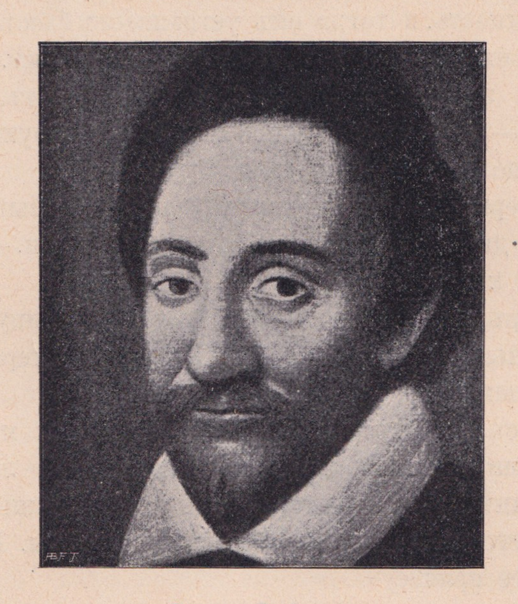
— И это потому, что лордъ-казначей не хочетъ лично имѣть съ нимъ дѣло. Замокъ же Гэнсдона производитъ на меня

всегда впечатлѣніе большой могилы, и я вздыхаю съ облегченіемъ, когда ухожу оттуда... Что удручаетъ этого чудака?

— Гм... можетъ быть, угрызенія совѣсти, — возразилъ Бербэджъ, пожимая плечами.

— Угрызенія совѣсти?—удивился Шекспиръ.

— Да. Прежде лордъ Гэнсдонъ былъ веселъ и добродушенъ, но всегда очень гордился своимъ древнимъ родомъ.

Ричардъ Бербэджъ.

Путешествуя по Франціи, его сынъ Эдгаръ влюбился въ дѣвушку буржуазнаго происхожденія и женился на ней. Это глубоко оскорбило лорда. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить сына развестись съ женой, а такъ какъ тотъ на это не соглашался, онъ продержалъ его у себя въ замкѣ въ заключеніи и вернулъ ему свободу лишь тогда, когда узналъ, что жена сына умерла съ тоски. Вскорѣ послѣ этого сынъ помѣшался и въ припадкѣ бѣшенства покончилъ съ собою.

Съ того дня съ Гэнсдономъ внезапно произошла какая-то перемѣна, и онъ сдѣлался такимъ чудакомъ.

— Но какъ же согласовать это съ его положеніемъ при дворѣ?

— Онъ очень преданъ королевѣ и съ прежнимъ рвеніемъ исполняетъ свои обязанности. Къ тому же онъ не всегда мрачно настроенъ. Нерѣдко въ немъ пробуждается прежняя жизнерадостность, и тогда онъ устраиваетъ блестящіе вечера и удостоиваетъ насъ чести играть въ его замкѣ.

— Меня эта честь совсѣмъ не прельщаетъ, — сказалъ Шекспиръ, — и я радъ, что при мнѣ наша труппа не удостоилась еще этой чести.

— Мистеръ Шекспиръ!—крикнулъ худощавый человѣкъ, стоявшій у дверей невзрачной книжной лавки. — Не откажите зайти ко мнѣ.

Шекспиръ оглянулся и перешелъ черезъ улицу. Бербэджъ пошелъ дальше, сказавъ, что въ лавкѣ мистера Формана слишкомъ пахнетъ пуританизмомъ.

— У васъ есть что-нибудь интересное для меня?—спросилъ Шекспиръ, входя согнувшись въ низкую лавку.

— Да, мнѣ попалась старая рѣдкостная книга; въ ней разсказывается чудесная, трогательная исторія. Прикажете, я сейчасъ ее принесу?

— Зачѣмъ вамъ самимъ безпокоиться! — сказалъ Шекспиръ,—пошлите Дика.

— Я обманулся въ этомъ мальчикѣ!—жаловался книгопродавецъ.

— Почему? Да гдѣ онъ?

— Чортъ знаетъ гдѣ,—отвѣтилъ книгопродавецъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,—онъ попалъ въ дурную компанію и воспользовался своимъ вліяніемъ надъ учениками, чтобы заступиться за какого-то проходимца, котораго хотѣлъ арестовать высоковельможный сэръ Гриди.

— Гриди никѣмъ не любимъ,—замѣтилъ Шекспиръ.

— О, нѣтъ, онъ очень почтенный джентльменъ — возразилъ Форманъ, — и настоящій англичанинъ! Его возмутило, что тотъ проходимецъ поносилъ Звѣздную Палату и даже оскорбилъ королеву.

Послѣднія слова слышалъ Бербэджъ, подошедшій къ лавкѣ.

— Не лгите такъ нагло, мистеръ Форманъ! — крикнулъ онъ.—Я самъ былъ тамъ и видѣлъ и слышалъ все. Всѣ здравомыслящіе люди очень хвалятъ вашего Дика за то, что онъ съ товарищами вступился за того молодого джентльмена. Всѣ знаютъ, каковъ вашъ хваленый Гриди.

— Я не намѣренъ спорить съ вами, мы слишкомъ расходимся въ убѣжденіяхъ!—замѣтилъ съ презрѣніемъ книгопродавецъ.

— Разумѣется, — разсмѣялся Бербэджъ, — я, какъ комедіантъ, попаду прямо въ адъ, а васъ, кроткаго агнца, ангелы вознесутъ на небеса. Но еще вопросъ, впустятъ ли туда такихъ пуританскихъ овечекъ!

Мистеръ Форманъ хотѣлъ вспылить, но Бербэджъ уже отошелъ отъ дверей съ громкимъ смѣхомъ.

— Мистеръ Шекспиръ,—сказалъ съ негодованіемъ книгопродавецъ,—какъ можете вы знаться съ такими людьми? Вы хорошій человѣкъ и, хотя только поэтъ, похожи немного на ученаго. Я надѣюсь со-временемъ продать много вашихъ книгъ; вашъ землякъ, типографъ Фильдъ, говорилъ мнѣ, что скоро выйдетъ изъ печати сборникъ вашихъ сонетовъ...

— Вы совсѣмъ забыли, зачѣмъ позвали меня,—прервалъ Шекспиръ болтливаго книгопродавца.

— Правда! — и, поспѣшно удалившись, онъ вернулся нѣсколько минутъ спустя съ книгой.

— Это трогательный разсказъ,—сказалъ онъ, передавая книгу Шекспиру.

Шекспиръ открылъ заглавный листъ и прочелъ: «Ромео и Юлія», трагическій разсказъ Луиджи да-Порта и Банделло, передалъ съ итальянскаго стихами Артуръ Брукъ».

Шекспиръ перелисталъ книгу и замѣтилъ:

— Я уже слышалъ объ этой книгѣ. Въ ней разсказывается событіе, происшедшее въ Сіенѣ. Кажется, тутъ идетъ дѣло о двухъ враждующихъ семьяхъ, дѣти которыхъ полюбили другъ друга. Я покупаю книгу.

Мистеръ Форманъ обрадовался и, зная, что молодой поэтъ не торгуется, запросилъ большую цѣну. Шекспиръ заплатилъ и вышелъ изъ лавки, сопровождаемый поклонами мистера Формана.

— Мнѣ жаль ученика этого ханжи!—сказалъ Бербэджъ, ожидавшій Шекспира.—Надѣюсь, онъ не вернется къ Форману. Я слышалъ, что онъ бѣжалъ съ молодымъ джентльменомъ отъ преслѣдованій Гриди.

— Я люблю этого смѣлаго, веселаго мальчика, — замѣтилъ Шекспиръ.—Кажется, у него есть драматическій талантъ.

— Если такъ, я возьму его подъ свое покровительство! — сказалъ съ живостью Бербэджъ. — Наша сцена очень нуждается въ талантливыхъ исполнителяхъ женскихъ ролей.

— Боюсь только, что героини въ исполненіи Дика будутъ очень рѣзвы!—замѣтилъ смѣясь Шекспиръ.

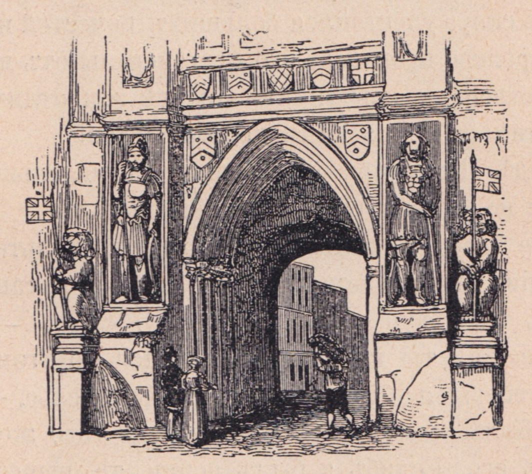
— Онъ выровняется! — возразилъ Бербэджъ. — Но вотъ Соутгэмптонскій замокъ.

Друзья разстались, и Шекспиръ подошелъ къ замку, имѣвшему видъ крѣпости. Замокъ былъ обведенъ высокими стѣнами, на четырехъ углахъ которыхъ возвышались высокія башни съ развѣвающимся графскимъ флагомъ. Пройдя сводчатыя ворота, снабженныя опускной рѣшеткой, Шекспиръ вступилъ на обширный дворъ, вокругъ котораго возвышались

каменныя многоэтажныя зданія, соединенныя между собою открытыми галлереями на колоннахъ, съ перилами, украшенными родовыми графскими гербами.

Слуга сказалъ Шекспиру, что лордъ-казначей находится въ библіотекѣ, помѣщавшейся въ одной изъ башенъ.

Поэтъ поднялся по узкой витой лѣстницѣ и, войдя въ прихожую, велѣлъ лакею доложить о себѣ. Его провели въ полукруглую комнату съ роскошной обстановкой. Покрытый зеленымъ сукномъ столъ былъ заваленъ книгами и глобусами,

Ворота Соутгэмптонскаго замка.

а въ простѣнкахъ между книжными шкафами висѣло разное оружіе. Съ потолка спускались огромные оленьи рога, служившіе люстрой. Вдоль стѣнъ были разставлены чудныя майолики и цѣнные древніе металлическіе сосуды, а полъ былъ устланъ толстымъ ковромъ, подареннымъ лорду-казначею королевой.

На мягкомъ коврѣ лежалъ большой черный догъ; онъ яростно залаялъ на вошедшаго Шекспира, но его господинъ тотчасъ унялъ его.

Лордъ Геннэджъ былъ не одинъ. Противъ него сидѣлъ его

пасынокъ, молодой графъ Соутгэмптонъ, съ мечтательнымъ лицомъ. Неподалеку отъ него у открытаго окна стоялъ Робертъ Деверэ, графъ Эссексъ, лѣтъ двадцати семи. Его прекрасное лицо выражало отвагу и силу воли. Онъ былъ пасынокъ скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ графа Лестера и въ 1584 г. явился ко двору, гдѣ сталъ пользоваться особенною благосклонностью королевы. Благодаря своему рыцарскому нраву и храбрости, выказанной имъ въ походѣ въ Голландію, а въ особенности въ битвѣ подъ Цютфеномъ, онъ скоро удостоился большихъ почестей и высокихъ чиновъ. Королева произвела его въ генералы-отъ-кавалеріи и въ государственные совѣтники. Но всѣ эти отличія гордый графъ принималъ лишь какъ должную дань.

При входѣ Шекспира онъ положилъ маленькую глиняную трубку на окно и откашливаясь сказалъ:

— Какое негодное зелье привезъ намъ Вальтеръ Ралей изъ Виргиніи! Оно кусаетъ и жжетъ языкъ и такъ же коварно, какъ тотъ, кто его привезъ.

— И все-таки ты куришь!—засмѣялся Соутгэмптонъ.

— Но теперь я брошу это негодное зелье, — сказалъ Эссексъ.—Жаль, что я не могу сдѣлать того же съ тѣмъ кто привезъ его. Еслибъ я былъ поэтъ, то вывелъ бы его на сценѣ въ смѣшномъ видѣ.

— Можетъ быть, мистеръ Шекспиръ поможетъ вамъ,— замѣтилъ Геннэджъ, указывая на поэта, скромно стоявшаго у дверей.

Соутгэмптонъ тотчасъ подошелъ къ Шекспиру и, протянувъ ему руку, благосклонно сказалъ:

— Наконецъ-то я васъ вижу; вы показываетесь рѣже, чѣмъ бы слѣдовало!

— Я знаю свое мѣсто,—отвѣтилъ Шекспиръ,—мы, люди сцены, должны держаться поодаль отъ высшаго общества.

— Къ сожалѣнію, вы правы,—согласился Соутгэмптонъ,—

театръ—народное развлеченіе, и его служители не въ почетѣ у знатныхъ людей. Вамъ слѣдовало бы заняться исключительно лирикой или эпической поэзіей, тогда бы вы скоро пріобрѣли друзей въ высшемъ обществѣ. Вспомните Спенсера, знаменитаго автора «Царицы фей».

Графъ Соутгэмптонъ.

— Ты хочешь сказать, что Спенсеръ сумѣлъ польстить нашей королевѣ?—замѣтилъ графъ Эссексъ.

— У нашей королевы мужской складъ ума,—возразилъ Соутгэмптонъ,—и если Спенсеръ одобрительно упоминаетъ объ этомъ въ своей поэмѣ, то это не плоская лесть.

— Согласенъ,—сказалъ графъ,—и за это она назначила ему пенсію въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

— Но награда его не ограничилась этимъ,—возразилъ Соутгэмптонъ.—По рекомендаціи твоего вотчима, графа Лестера, его допустили ко двору.

— Да,—сказалъ протяжно Эссексъ,—но Спенсеръ чувствовалъ себя тамъ не совсѣмъ хорошо. Я прочелъ его письмо, написанное имъ одному изъ его покровителей. Онъ рисуетъ въ немъ мрачную картину зависти придворныхъ... Не смѣшно ли, мистеръ Шекспиръ,—обратился онъ съ задорной веселостью къ поэту,—что такъ говоритъ баловень королевы?

Шекспиръ хотѣлъ возразить, но графъ продолжалъ:

— Надо занимать видное положеніе, любезный Шекспиръ, чтобы чувствовать себя счастливымъ при дворѣ. Мѣщанину-поэту никогда не простятъ его мѣщанскаго происхожденія, хотя бы онъ создалъ что-либо геніальное. Поэтому я вамъ ставлю въ заслугу, что вы, по скромности, отдаляетесь отъ этого круга.

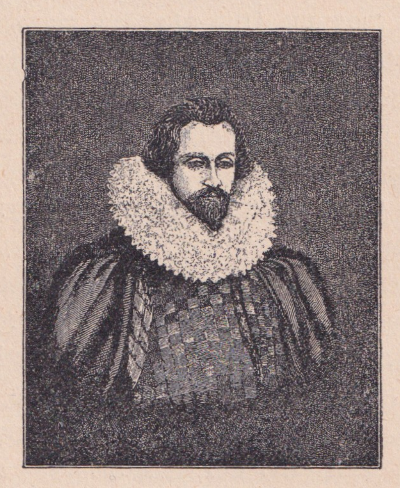
— Не пугайтесь, мистеръ Шекспиръ, — заговорилъ Геннэджъ, — шутникъ графъ Эссексъ выставляетъ насъ, придворныхъ, въ слишкомъ худомъ свѣтѣ. Спенсеръ обязанъ своимъ успѣхомъ только своему доступу ко двору; тамъ онъ познакомился съ лордомъ Греемъ, а когда того назначили намѣстникомъ Ирландіи, онъ сопровождалъ его туда въ качествѣ секретаря. Теперь положеніе Спенсера упрочено и онъ пользуется всеобщимъ почетомъ. Поэтому совѣтую вамъ тоже сочинить «Царицу фей», а графъ Эссексъ при удобномъ случаѣ вручитъ ее королевѣ,—закончилъ Геннэджъ съ многозначительной улыбкой.

— Если ея величество будетъ воспѣта въ ней, я охотно сдѣлаю это,—сказалъ, слегка краснѣя, Эссексъ; — я выберу время, когда королева будетъ мною недовольна, и риѳмован-

ная хвала мистера Шекспира снова вернетъ мнѣ ея благосклонность. Вотъ видите, любезный мистеръ Шекспиръ, какъ аристократы нуждаются въ поэтахъ.

Шекспиръ скромно отклонилъ комплиментъ, но Эссексъ продолжалъ:

— Я говорю правду, мистеръ Шекспиръ, и теперь дѣйствительно нуждаюсь въ васъ. Но сначала скажите мнѣ: вы сплетникъ или нѣтъ? Можно ли вамъ довѣриться?

Графъ Эссексъ.

— Все мое богатство состоитъ въ моей чести, — возразилъ Шекспиръ,—я утратилъ бы ее, еслибъ не оправдалъ вашего довѣрія.

— Я вамъ вѣрю, мистеръ Шекспиръ!—воскликнулъ Эссексъ,—у васъ такой открытый взглядъ—онъ чуждъ обмана. Такъ слушайте: мнѣ нужно для одного свадебнаго празднества поэтическое сочиненіе; оно должно быть такъ же поэтично и воздушно, какъ лѣтняя лунная ночь. Смѣхъ, шутки и серьезный элементъ должны переплетаться въ немъ благоухающими цвѣтами. Можете ли вы сочинить нѣчто въ этомъ родѣ?

— Я счастливъ, что могу исполнить желаніе вашей свѣтлости,—отвѣтилъ поэтъ.—Но можетъ ли произведеніе быть фантастическимъ, сказочнымъ?

— Конечно, любезный мистеръ Шекспиръ, именно этого я и желаю.

Глаза Шекспира заискрились вдохновеніемъ.

— Въ душѣ моей встаютъ видѣнія, вызванныя чтеніемъ одной книги. Феи и лѣсные духи потѣшаются другъ надъ другомъ и надъ людьми. Они творятъ всевозможныя сумасбродства, которыя кончаются, однако, благополучно; а царица фей, повздорившая съ своимъ супругомъ, должна...

— Погодите, погодите, мистеръ Шекспиръ,—прервалъ его Эссексъ съ лукавой улыбкой, приложивъ руку ко лбу, и, обратившись къ Соутгэмптону, шепнулъ ему:—я хочу отомстить ея величеству за ту благосклонность, которую она оказываетъ нашему общему противнику Ралею,—и, не дожидаясь отвѣта друга, онъ сказалъ Шекспиру:

— Пусть царица фей въ вашемъ сочиненіи будетъ наказана за то, что поссорилась съ мужемъ. Это не трудно сдѣлать, такъ какъ въ царство фей введены люди. Одинъ изъ лѣсныхъ духовъ долженъ, по приказанію своего повелителя, обратить одного придурковатаго человѣка въ осла, а царицу фей отуманить чарами, чтобы она полюбила этого осла. Но пусть она во-время освободится отъ чаръ и увидитъ, какъ смѣшна она была. Это разсмѣшитъ зрителей... и меня,—закончилъ онъ шопотомъ, обращаясь къ Соутгэмптону,—особенно, если вислоухій Ралей будетъ среди зрителей.

Соутгэмптонъ шутя погрозилъ ему.

— Значитъ, рѣшено, мистеръ Шекспиръ!—сказалъ онъ весело,—вы напишете мнѣ эту пьесу и по возможности скорѣй, не такъ ли?

— Я исполню желаніе вашей свѣтлости, и, если позволите, мы назовемъ пьесу: «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

— Превосходно! — въ одинъ голосъ воскликнули оба графа.—Я замолвлю о васъ слово королевѣ,—добавилъ Эссексъ съ добродушной усмѣшкой, — и вы удостоитесь великаго счастья познакомиться съ знатнѣйшими людьми ея царства.

Онъ привѣтливо кивнулъ поэту и вмѣстѣ съ Соутгэмптономъ вышелъ изъ библіотеки.

Дѣло, по которому Шекспиръ явился къ лорду-казначею, скоро было кончено, и онъ хотѣлъ уже откланяться лорду Геннэджу, но тутъ лордъ попросилъ его возможно скорѣе доставить счета лорду-контролеру Гэнсдону.

Шекспиръ былъ не радъ этому порученію, но не могъ отказать лорду Геннэджу изъ опасенія утратить его благосклонность. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго порученія, онъ тотчасъ пошелъ къ лорду Гэнсдону.

Замокъ лорда Гэнсдона былъ построенъ въ изящномъ стилѣ ренессансъ. Но внѣшнее пріятное впечатлѣніе уничтожалось мрачнымъ видомъ внутреннихъ покоевъ. Тамъ всюду изгонялся свѣтъ, и на лѣстницахъ и коридорахъ царилъ холодный полумракъ. Шекспиръ поднялся по знакомой ему широкой лѣстницѣ, ведущей въ обширный покой, гдѣ обыкновенно находился лордъ-контролеръ. Передъ дверьми на низкой скамейкѣ сидѣлъ скорчившись пожилой человѣкъ съ рѣзкими чертами лица. Его колпакъ съ красными и зелеными полосками, а также его шутовская одежда были сильно поношены. Онъ сидѣлъ закинувъ ногу на ногу и подпиралъ правой рукой подбородокъ; въ этомъ положеніи онъ походилъ на статую и не пошевельнулся даже тогда, когда Шекспиръ подошелъ къ дверямъ. Когда же послѣдній протянулъ руку, чтобы отворить дверь, странный человѣкъ быстро вскочилъ, и бубенчики зазвенѣли на его одеждѣ.

— Стой, незнакомецъ!—крикнулъ онъ сиплымъ голосомъ.—Кого тебѣ надо? Моего господина, этого несчастнаго шута, или шута моего господина?

— Трудно выбирать между двумя шутами,—возразилъ Шекспиръ; — но, кажется, твой господинъ не настолько шутъ, какъ ты, и потому я предпочитаю его общество.

— Не говори этого, незнакомецъ,—захныкалъ шутъ,—я думаю, что мой господинъ больше меня похожъ на шута. Было время, когда я былъ настоящимъ шутомъ, мои остроты и выходки всѣхъ забавляли. Но тогда и здѣсь было не то, что̀ теперь; тогда солнце заглядывало во всѣ окна, и здѣсь царили веселье и радость. Но все это прошло, и радость поблекла, какъ моя одежда. Веселая пора шутовъ миновала, и теперь немногіе изъ нихъ влачатъ, какъ я, свое жалкое существованіе. Но все-таки шуты не вымираютъ, и мой бѣдный господинъ теперь вмѣсто меня разыгрываетъ шута. Какъ о васъ доложить?

— Ты всегда задаешь мнѣ этотъ вопросъ, когда я прихожу,—сказалъ Шекспиръ;—неужели у тебя такая короткая память, что ты не узнаешь меня?

— Тутъ такъ темно, и глаза мои помутились, какъ и мои остроты,—извинился шутъ.—Но теперь я узнаю тебя,—продолжалъ онъ, подходя къ Шекспиру,—ты тоже шутъ.

— Благодарю за комплиментъ,—засмѣялся Шекспиръ;—но я не могу принять его,—я поэтъ.

— Значитъ все-таки шутъ!—воскликнулъ старикъ.—Развѣ это не шутовство выражать свои чувства въ стихахъ и запрягать ихъ въ метрическія формы, какъ коня въ повозку. Вы называете его Пегасомъ и скачете на немъ, какъ шуты.

— Я въ другой разъ послушаю твои мудрыя рѣчи, когда у меня будетъ больше времени. Доложи теперь обо мнѣ твоему господину,—сказалъ Шекспиръ.

— Этого я не сдѣлаю!—воскликнулъ шутъ.

— Почему?

— Потому что я берегу свою спину. Ступай самъ!

— Безъ доклада?

— Такъ что-жъ!—захихикалъ шутъ.—У моего господина сегодня опять припадокъ, и тогда онъ бродитъ какъ во снѣ. Скажи ему, кто ты, и черезъ минуту онъ уже забудетъ твое имя. Настоящему шуту приходится оплакивать такое печальное шутовство.

И, опустившись на скамейку, шутъ принялъ прежнюю позу.

Шекспиръ пошелъ отыскивать лакея. Всѣ слуги собрались въ людской, зная, что въ такіе дни лордъ допускаетъ къ себѣ только стараго шута. Поэтому слуга неохотно пошелъ за Шекспиромъ и, входя въ комнату лорда, обругалъ неподвижно сидѣвшаго шута лѣнтяемъ.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ Шекспиру, выходя отъ лорда.

Шекспиръ вошелъ въ комнату; тамъ было темнѣе, чѣмъ въ коридорѣ, и только спустя нѣкоторое время онъ сталъ различать находившіеся тамъ предметы. Окна были плотно завѣшаны, а въ нишѣ тускло горѣла лампада. Тамъ, передъ распятіемъ, стоялъ на колѣняхъ высокій худощавый старикъ; онъ поднялся, грустно кивнувъ двумъ затянутымъ чернымъ флёромъ портретамъ, висѣвшимъ повыше распятія, и, волоча ноги, вышелъ въ сосѣднюю комнату. Взглянувъ съ удивленіемъ на ожидавшаго его тутъ Шекспира, онъ съ глубокимъ вздохомъ сѣлъ за массивный столъ изъ чернаго дерева.

Шекспиръ не рѣшался заговорить, зная странности лорда.

— Вы—мой слуга, не такъ ли?—спросилъ онъ наконецъ тихо.

— Я пользуюсь этой честью, ваша свѣтлость,—отвѣтилъ Шекспиръ, назвавъ себя.

— Правда,—медленно продолжалъ Гэнсдонъ;—но вы не только актеръ, вы сочиняете и... какъ это... комедіи, не такъ ли?

Поэтъ отвѣтилъ утвердительно, глядя съ улыбкой на

старца, который съ досады щелкалъ пальцами, когда не могъ припомнить подходящаго слова.

— На сцену попадаетъ всякая чушь,—продолжалъ задумчиво лордъ,—но это не то...

И, не кончивъ фразы, онъ впалъ въ мрачное раздумье. Но вдругъ онъ какъ бы вспомнилъ о поэтѣ и, поднявъ сѣдую голову, спросилъ:

— Вы еще тутъ? Что вамъ нужно?

— Я имѣю честь доставить вашей свѣтлости законченный счетъ отъ лорда-казначея,—сказалъ Шекспиръ, кладя на столъ бумагу.

— Гм...—снова началъ Гэнсдонъ;—цифры... и цифры. Прибавьте къ тысячѣ тысячи, и онѣ все-таки не оживутъ... О!—вскрикнулъ онъ съ болью,—дайте мнѣ хоть одинъ локонъ съ его головы, покажите мнѣ этотъ кроткій, умоляющій взглядъ, устремленный на меня, и я готовъ отдать вамъ... какъ это... все... что имѣю... но...

Рука его безсильно опустилась на столъ, а голова склонилась на грудь. Минуту спустя онъ снова заговорилъ:

— Не правда ли, я говорю странныя вещи, непонятныя для васъ, хотя вы, какъ поэтъ, должны умѣть читать въ сердцахъ людей. Я могъ бы вамъ дать потрясающій сюжетъ для драмы... ха, ха, ха... однако... какъ это... всѣ зрители разбѣжались бы, потому что...

Онъ снова впалъ въ раздумье. Вдругъ онъ поднялъ какъ бы для клятвы правую руку и крикнулъ:

— Слушайте, все это кратко, какъ весна, какъ свѣтъ солнца. Жилъ-былъ старикъ-король...

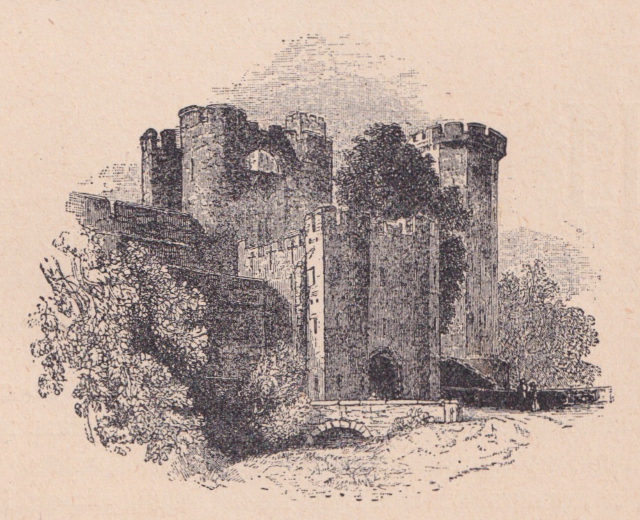
Онъ хотѣлъ продолжать, но его охватила глубокая печаль. Наконецъ онъ съ большими усиліями овладѣлъ собой и продолжалъ разсказъ, прерывая его то смѣхомъ, то слезами:

— Жилъ-былъ старикъ-король, большой чудакъ. Онъ хотѣлъ быть мудрымъ, а поступилъ какъ ребенокъ; онъ отвергъ

тѣхъ, которые любили его и были преданы ему всѣмъ сердцемъ, и сохранилъ свои богатства для недостойныхъ его любви наслѣдниковъ. Вскорѣ старикъ-король... помѣшался и... ха, ха, ха!.. это было счастье для него... Когда же онъ очнулся отъ лихорадочнаго бреда, онъ снова увидѣлъ предъ собою на колѣняхъ тѣхъ преданныхъ, но отверженныхъ имъ... да, да,— вскричалъ сѣдой лордъ, вставая и закрывъ глаза руками,— о, если бы это могло такъ случиться!.. Но это лишь сонъ, мечта эффектное заключенiе драмы. Самая же жизнь жестока, въ ней нѣтъ пробужденiя отъ долгой духовной тьмы, но есть лишь сознанiе вины. Будьте спокойны... я иду... иду.

Съ этими словами лордъ медленно направился въ сосѣднюю комнату и, прислонясь головой къ задернутымъ флёромъ портретамъ, горько зарыдалъ.

Шекспиръ былъ глубоко потрясенъ. Впослѣдствiи, когда онъ писалъ свою безсмертную трагедiю «Король Лиръ», онъ не разъ вспоминалъ эту потрясающую сцену и невольную исповѣдь души, подавленной сознанiемъ своей вины.

Варвикскiй замокъ.

Клоптонъ-гоузъ близъ Стратфорда.

ГЛАВА IV.

Убѣжище.

Царствованіе королевы Елизаветы относится къ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ въ англійской исторіи. Ужасы войнъ Алой и Бѣлой Розы окончились, и нація могла теперь развиваться свободно. Это возрожденіе было слѣдствіемъ политическихъ и культурно-историческихъ событій и особенно сильно сказалось въ столицѣ.

Въ націи заговорило сознаніе могущества и силы, и потому реформація въ Англіи приняла главнымъ образомъ политическій характеръ, въ особенности по отношенію къ Испаніи, какъ главной католической державѣ. Эта религіозная вражда,

а также торговые интересы и опасность, грозившая незадолго передъ тѣмъ Англіи отъ испанской Армады, вызвали въ націи необычайно сильный подъемъ чувства патріотизма, единства и самоотверженія.

Никогда еще Англія не ликовала такъ, какъ при уничтоженіи непобѣдимой испанской Армады. Съ гибелью этого флота закатилась счастливая звѣзда Испаніи, и могущество Англіи стало возрастать съ необычайной быстротой.

Англія пыталась сломить могущество Испаніи не только путемъ развитія своей военной силы, но и путемъ открытій и завоеваній заокеанскихъ земель. Центромъ кровавой борьбы обѣихъ враждующихъ державъ сдѣлалась Америка. Но Англія не ограничилась завоеваніями на западѣ,— она устремилась также на востокъ, гдѣ впослѣдствіи основала остъ-индскую компанію. Важнѣйшія услуги въ этомъ дѣлѣ оказали государству Фрэнсисъ Дрэкъ, первый англійскій кругосвѣтный мореплаватель, и Вальтеръ Ралей, основавшій колонію Виргинію.

Съ судномъ «Золотая Лань», какъ назывался корабль, на которомъ Дрэкъ совершилъ свое кругосвѣтное плаваніе, связано было много историческихъ воспоминаній. Королева Елизавета посѣтила знаменитаго мореплавателя на этомъ суднѣ и тамъ посвятила его въ рыцари.

По ея приказанію судно стало на якорь у Дептфорда,— такъ и теперь еще называется предмѣстье, лежащее на правомъ берегу Темзы, ниже Гринвича, гдѣ находились обширныя королевскія верфи.

Въ то время, въ особенности по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, предмѣстье Дептфордъ было любимымъ мѣстомъ развлеченій жителей столицы, которые усердно посѣщали знаменитое судно «Золотая лань» съ устроеннымъ на немъ буфетомъ; въ будни же на «Золотой лани» такъ же, какъ и въ сегодняшнее утро, было мало посѣти-

телей. Въ офицерской каютѣ сидѣло только двое посѣтителей. Они, очевидно, переночевали здѣсь, потому что на одной изъ коекъ лежало ихъ платье.

— Я не хочу здѣсь болѣе оставаться, — сказалъ старшій, — время уходитъ, а я ни на шагъ не подвинулся къ моей цѣли.

— Если вы, сэръ Лонгсуордъ, покажетесь въ городѣ, то попадете въ Флитскую тюрьму. Повѣрьте, у мерзавца Гриди сыщики подъ рукой.

— Можетъ быть, ты и правъ, Дикъ,—согласился Робертъ Лонгсуордъ,—но не вѣчно же намъ сидѣть здѣсь. Хорошо, что ты выбралъ это безопасное мѣсто, гдѣ насъ никто не вздумаетъ искать. Но я долженъ извѣстить сэра Ральфа. Онъ употребитъ все свое вліяніе, чтобы защитить меня отъ Гриди.

— А если вы попадете въ его лапы?

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ!—воскликнулъ Робертъ. — Я вооруженъ и не боюсь встрѣчи съ нимъ.

Посмотрѣвъ съ усмѣшкой на изящную шпагу Роберта, Дикъ замѣтилъ:

— Шпага ваша сломается при первомъ ударѣ!

— Въ такомъ случаѣ, у меня есть еще пара здоровыхъ кулаковъ.

— Свора собакъ затравитъ любого зайца!—сказалъ Дикъ, почесывая подбородокъ.—Гриди нападетъ на васъ не одинъ.

— А съ его клевретами мы легко справимся съ помощью твоихъ товарищей, которыхъ можно найти на всѣхъ улицахъ Лондона.

— Что касается этого, вы правы, — согласился Дикъ.— Но, чтобы добраться до дворца Уайтголль, намъ нужно пройти черезъ Соусуоркъ и Лондонскій мостъ, самыя оживленныя части города, гдѣ мы, безъ сомнѣнія, встрѣтимъ сыщиковъ Гриди.

Но Робертъ остался глухъ ко всѣмъ этимъ доводамъ. Подозвавъ завѣдующаго каютами, онъ заплатилъ за ночлегъ,

набросилъ на плечи испанскій плащъ и, надѣвъ беретъ, ушелъ съ Дикомъ.

Въ тѣ времена Лондонъ былъ окруженъ стѣнами, за которыми находились предмѣстья съ различными увеселительными заведеніями. Народъ охотно посѣщалъ ярмарки въ Смитфильдѣ съ ихъ кукольными театрами и лавками рѣдкостей. Соусуоркъ привлекалъ жителей своимъ садомъ, гдѣ ученый медвѣдь Сакерсонъ потѣшалъ зрителей своими фокусами. Въ Кокпитѣ и въ Тилтъярдѣ также собиралось много народа смотрѣть на пѣтушиный бой и другія зрѣлища.

Было прекрасное лѣтнее утро. Легкій свѣжій вѣтерокъ дулъ съ моря.

Въ этотъ день также повсюду толпился народъ въ живописныхъ костюмахъ.

Робертъ и Дикъ подходили уже къ Лондонскому мосту, какъ вдругъ мальчикъ вскрикнулъ:

— Назадъ, назадъ, сэръ, если вамъ дорога свобода!

Робертъ въ испугѣ взглянулъ на Дика, а затѣмъ на мостъ, на которомъ увидѣлъ Гриди въ сопровожденіи отряда красныхъ всадниковъ.

— Я знаю этихъ красныхъ раковъ,—прибавилъ Дикъ,—это солдаты Вальтера Ралея; онъ охотно даетъ ихъ своимъ друзьямъ, когда предстоитъ поохотиться за кѣмъ-нибудь. Чортъ возьми, негодяй Гриди узналъ насъ! Надо удирать! Скорѣй, скорѣй!

И, схвативъ Роберта за руку, онъ потащилъ его за собой. Мальчикъ былъ правъ. Замѣтивъ Роберта, Гриди бросился въ погоню за ними.

— Мы спасемся,—крикнулъ Дикъ на бѣгу своему спутнику,—если успѣемъ скрыться въ переулкахъ Блэкфрайра.

— Далеко это?—спросилъ Робертъ.

— Мы добѣжимъ въ четверть часа!

— Ну, такъ они не догонятъ насъ.

— Это еще вопросъ. Оглянитесь-ка!

Робертъ оглянулся и поблѣднѣлъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за ними слѣдовалъ галопомъ Гриди съ своими всадниками. Прохожіе начали обращать вниманіе на нихъ и на крики Гриди: «держите, держите ихъ!», и нѣкоторые хотѣли-было преградить дорогу бѣглецамъ; но, узнавъ ненавистнаго Гриди, тотчасъ пропускали ихъ.

— Мы пропали, — стоналъ Дикъ, — дальше бѣжать не стоитъ; они сейчасъ догонятъ насъ!

— Скорѣй въ лодку!—крикнулъ Робертъ.

Минуту спустя они уже подбѣжали къ Темзѣ и прыгнули въ одну изъ стоявшихъ у берега лодокъ.

— Два шиллинга, — крикнулъ Робертъ изумленному лодочнику, — если быстро свезете насъ къ Блэкфрайру!

Лодочникъ поспѣшно схватилъ весла, и лодка быстро понеслась по рѣкѣ. Вслѣдъ затѣмъ къ берегу подскакалъ Гриди со своимъ отрядомъ. Погрозивъ кулакомъ вслѣдъ удаляющейся лодкѣ, онъ соскочилъ съ коня и спросилъ лодочниковъ, кто изъ нихъ возьмется догнать ту лодку.

— Если вы хорошо заплатите, я догоню,—сказалъ одинъ изъ лодочниковъ.

Гриди бросилъ лодочнику горсть мелкихъ монетъ и вскочилъ въ лодку съ тремя солдатами, приказавъ другимъ слѣдовать берегомъ.

Вскорѣ Гриди очутился на серединѣ рѣки; но среди множества сновавшихъ по рѣкѣ лодокъ трудно было слѣдить за лодкою бѣглецовъ.

Замѣтивъ, что ихъ преслѣдуютъ, бѣглецы направились къ большимъ судамъ, чтобы скрыться за ними.

— Теперь главная опасность миновала. Гриди останется съ носомъ,—сказалъ Дикъ.

— Все-таки будьте осторожны,—замѣтилъ лодочникъ,— видите по берегу ѣдутъ за нами другіе солдаты.

— Нельзя ли ихъ обогнать?—спросилъ Робертъ.

— Противъ теченія трудно ѣхать скоро! — возразилъ лодочникъ.—Вотъ если бы вы помогли мнѣ!.. Къ несчастью, я забылъ захватить лишнюю пару веселъ.

— Я думаю, вы справитесь одни, если сэръ прибавитъ вамъ еще шиллингъ,—замѣтилъ Дикъ.

Робертъ подалъ лодочнику шиллингъ, и лодка еще быстрѣе понеслась впередъ. Нѣсколько минутъ спустя они поровнялись съ Блэкфрайромъ, оставивъ ѣхавшій вдоль берега отрядъ значительно позади себя.

— Теперь скорѣй къ берегу! — приказалъ Робертъ.

Но едва успѣли Робертъ и Дикъ выскочить на берегъ, какъ тотчасъ за ними примчалась лодка Гриди, и въ то же время солдаты пустили своихъ коней вскачь.

— Впередъ!—крикнулъ Дикъ Роберту,—здѣсь я знаю всѣ ходы и выходы. Они не поймаютъ насъ!

И, вбѣжавъ въ узкую улицу, они скрылись изъ глазъ Гриди раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ выскочить на берегъ.

Въ тѣ времена кварталъ Блэкфрайръ представлялъ изъ себя лабиринтъ улицъ и переулковъ, такъ что бѣглецамъ нетрудно было скрытся отъ своихъ преслѣдователей. Миновавъ пять-шесть улицъ, они побѣжали тише, чувствуя себя почти внѣ опасности.

Но вдругъ съ другого конца улицы послышался конскій топотъ, и они къ немалому изумленію своему увидѣли трехъ красныхъ всадниковъ, ѣхавшихъ имъ навстрѣчу.

— Мы все-таки утремъ имъ носъ!—вскричалъ Дикъ.

И, повернувъ за уголъ переулка, они вбѣжали въ ворота одного дома.

— Это проходной домъ,—сказалъ Дикъ.

Пробѣжавъ дворъ, они очутились на другой улицѣ. Но каковъ былъ ихъ ужасъ, когда они и тутъ услышали конскій топотъ и увидѣли мрачную фигуру Гриди.

— Чтобъ имъ пусто было!—вскричалъ въ отчаяніи Дикъ.

— Должно быть, они раздѣлились и направились по всѣмъ улицамъ! Теперь мы попались,—замѣтилъ со вздохомъ Робертъ.

Замѣтивъ бѣглецовъ, Гриди пришпорилъ коня.

— Сюда! сюда!—крикнулъ Дикъ, бросаясь черезъ улицу къ мрачному зданію, походившему на монастырь, и въ слѣдующую минуту онъ исчезъ съ Робертомъ въ темномъ досчатомъ проходѣ.

Гриди зорко слѣдилъ за ними и минуту спустя вмѣстѣ съ тремя всадниками подскакалъ къ проходу.

— Теперь они отъ насъ не уйдутъ!—сказалъ онъ торжествующимъ голосомъ, соскакивая съ коня.

Два всадника послѣдовали его примѣру и вмѣстѣ съ нимъ бросились вслѣдъ за бѣглецами. Ощупью пробирались они по темному проходу, пока не наткнулись на толстый занавѣсъ, за которымъ увидѣли дверь. Отворивъ ее, Гриди вошелъ въ продолговатую комнату, гдѣ суетились какіе-то странно одѣтые люди.

Нѣкоторые изъ нихъ были въ роскошной одеждѣ, обшитой золотомъ и серебромъ, другіе, повидимому, еще только собирались одѣваться.

Дорогу Гриди преградилъ толстый мужчина съ краснымъ лицомъ въ костюмѣ шута.

— Эй! сюда входъ посторонним воспрещенъ!—крикнулъ онъ.

— Вонъ отсюда!—вскрикнули всѣ въ одинъ голосъ.

Но Гриди не трогался съ мѣста и, окинувъ всѣхъ презрительнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Кажется, я попалъ къ комедіантамъ!

— Вы не ошиблись, благородный сэръ,—кивнулъ ему комикъ Кемпе,—и если вы пришли сюда за мной, то можете сейчасъ занять мѣсто моего друга Томаса Попъ.

При этомъ онъ указалъ на одного актера, который одѣвалъ костюмъ чорта съ лошадиными копытами, хвостомъ и рогами.

Аллегорія играла въ то время на англійской сценѣ большую роль, и чортъ и порокъ изображались почти въ каждой пьесѣ на потѣху зрителей. Порокъ всегда былъ въ костюмѣ шута и съ длинной палкой, которой онъ нещадно колотилъ чорта, а зато послѣдній въ концѣ пьесы уводилъ его въ адъ.

Гриди понялъ грубый намекъ комика Кемпе и вспыхнулъ отъ гнѣва, но тотчасъ овладѣлъ собою.

— Вы спрятали тутъ двухъ молодыхъ людей, — рѣзко сказалъ онъ, глядя съ презрѣніемъ на актеровъ, — выдайте ихъ мнѣ сію минуту!

— Кто этотъ нахалъ?—раздался изъ угла голосъ Ричарда Бербэджа въ костюмѣ короля.—Кто вы? Какъ смѣете вы безпокоить труппу Блэкфрайрскаго театра, которая находится подъ покровительствомъ королевы?

— Выдайте мнѣ тѣхъ лицъ, которыхъ вы скрыли здѣсь, и я уйду!—возразилъ Гриди.

— Совѣтую вамъ сдѣлать это сейчасъ! — сказалъ Бербэджъ. — Мы здѣсь не въ тавернѣ «Мореплаватель», а дома и легко можемъ избавиться отъ нахальнаго гостя.

— Вонъ отсюда!—вскричали актеры,—вы не имѣете права входить сюда!

При видѣ поднятыхъ съ угрозой кулаковъ актеровъ Гриди поспѣшилъ вынуть изъ кармана бумагу и, снявъ шляпу, торжественно сказалъ:

— У меня приказъ отъ Звѣздной Палаты арестовать Роберта Лонгсуорда, котораго вы здѣсь укрываете. Прошу выдать его!

— Мы не знаемъ никакого Роберта Лонгсуорда,—возразилъ Бербэджъ.

— Что вы говорите!—воскликнулъ Гриди, — я самъ видѣлъ, какъ онъ вбѣжалъ въ проходъ къ этой двери!

— Такъ ищите его тамъ,—предложилъ насмѣшливо комикъ Кемпе.—Но такъ какъ въ проходѣ темно, позвольте мнѣ посвѣтить вамъ моей палкой.

Эта острота вызвала громкій взрывъ хохота.

Гриди покраснѣлъ отъ гнѣва, но, опасаясь новыхъ насмѣшекъ, овладѣлъ собой.

— Лонгсуордъ могъ укрыться только въ этой комнатѣ!— сказалъ онъ, сверкнувъ глазами.

— Такъ ищите его тутъ,—сказалъ Бербэджъ.—Но торопитесь: черезъ четверть часа начнется представленіе.

Въ тѣ времена представленія давались послѣ полудня, при дневномъ свѣтѣ, а передъ началомъ представленія на крышѣ театра поднимался флагъ.

Гриди тотчасъ принялся обыскивать комнату, но вынужденъ былъ дѣлать это одинъ, такъ какъ актеры не позволяли войти солдатамъ. Заглядывая во всѣ углы гардеробной, перерывая лежавшіе на полу костюмы, онъ въ своемъ нетерпѣніи не замѣчалъ, какъ актеры, подшучивая надъ нимъ, набрасывали за его спиной все новыя груды костюмовъ, уже перерытыхъ имъ.

— Я готовъ поклясться, что они здѣсь! — пробормоталъ Гриди сквозь зубы.

Осматривая заднюю досчатую стѣну гардеробной, онъ вскрикнулъ отъ радости, замѣтивъ тамъ дверь.

— Отворите сейчасъ эту дверь!—сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Потрудитесь сами это сдѣлать, дверь не на замкѣ!— сказалъ со смѣхомъ Бербэджъ.

Гриди съ торжествующимъ видомъ отворилъ дверь и отодвинулъ находившійся за нею тяжелый занавѣсъ, но тотчасъ какъ ужаленный отскочилъ, гнѣвно захлопнувъ

дверь. Со всѣхъ сторонъ раздался оглушительный хохотъ. Хохотали стоявшіе за нимъ актеры и публика въ театрѣ. Оказалось, что онъ отворилъ дверь, которая вела на сцену.

— Теперь нашъ прологъ не нуженъ,—смѣялся Кемпе,—благородный сэръ самъ представился. Воображаю, какъ переполошатся всѣ пуритане, когда узнаютъ, что благочестивый Гриди давалъ представленіе въ Блэкфрайрскомъ театрѣ!

Эта рѣчь вызвала новый взрывъ хохота актеровъ. Гриди вышелъ изъ себя, грозя имъ кулаками, а комикъ Кемпе схватилъ его кулакъ и какъ-бы дружески потрясъ его къ общей потѣхѣ своихъ товарищей.

Въ это время раздался троекратный звукъ трубы, извѣщавшій о началѣ представленія. Актеры построились въ процессію, и Бербэджъ, которому предстояло произнести обычный прологъ, накинулъ на себя бархатный плащъ.

— Гдѣ Лонгсуордъ и его сообщникъ?—кричалъ Гриди, преграждая актерамъ дорогу.

— Они бѣжали черезъ другую дверь въ проходѣ! — отвѣтилъ смѣясь Бербэджъ.

— Тамъ есть вторая дверь? — вскричалъ въ изумленіи Гриди.

Но актеры молча оттѣснили его и вышли на сцену. Гриди поспѣшилъ въ проходъ и, дѣйствительно, нашелъ тамъ вторую дверь. Онъ порывисто отворилъ ее и очутился въ коридорѣ, который велъ въ ложи театра. Обыскивать ложи теперь, во время представленія, нельзя было, и онъ принужденъ былъ дождаться конца его. Но не желая, чтобы его снова увидѣли въ этомъ грѣховномъ мѣстѣ, онъ поставилъ своихъ солдатъ у входа въ ложи, а самъ отошелъ въ темный уголъ.

Между тѣмъ въ пустую гардеробную вошелъ Шекспиръ. Въ этотъ день онъ не участвовалъ въ представленіи и пришелъ только за тѣмъ, чтобы посовѣтоваться относительно своей пьесы съ графомъ Эссексомъ, находившимся среди

зрителей. Въ ожиданіи перваго антракта Шекспиръ сѣлъ на скамью, вынулъ изъ кармана рукопись и началъ ее перелистывать.

— Я думаю, мы можемъ теперь спуститься,—раздался вдругъ надъ нимъ чей-то голосъ.

Шекспиръ взглянулъ вверхъ на стѣну. Тамъ находилось окно и балконъ, выходившіе на сцену. Этотъ балконъ игралъ большую роль въ позднѣйшихъ пьесахъ Шекспира: на немъ въ Гамлетѣ отравляли Гонзагу; умерщвляли Юлія Цезаря; на немъ же въ Ричардѣ III появлялись тѣни убитыхъ имъ. Когда же въ балконѣ не было надобности, его закрывали занавѣсомъ. Также и въ этотъ день онъ былъ занавѣшенъ. Шекспиръ очень удивился, что тамъ находится кто-то.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— А, мистеръ Шекспиръ, это я!—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Кто это я?

— Бѣдный Дикъ къ услугамъ вашимъ; я имѣлъ честь видѣть васъ въ книжной лавкѣ мистера Формана.

— А! сбѣжавшій ученикъ!—улыбнулся Шекспиръ,—ужъ не хочешь ли ты открыть тамъ на балконѣ книжную лавку?

— Съ удовольствіемъ, если я этимъ могу услужить вашей милости.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Прячусь.

— Отъ кого?

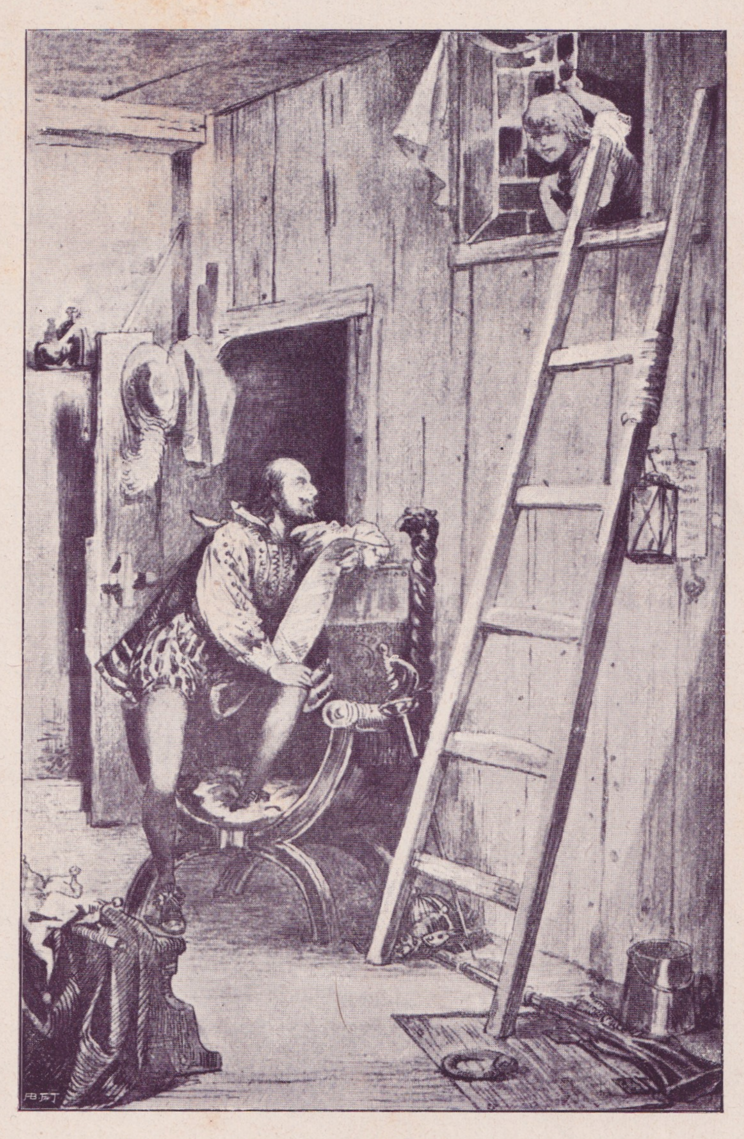
— Отъ Гриди: онъ преслѣдуетъ насъ.

— Такъ ты тамъ не одинъ?

— Нѣтъ, со мной молодой джентльменъ.

И, разсказавъ все поэту, онъ закончилъ словами:

— Мы вбѣжали черезъ коридоръ въ гардеробную, а тамъ дѣдушка Тимоти съ актерами подставили намъ лѣстницу, и мы взобрались сюда. Скажите, мистеръ Шекспиръ, ушелъ ли Гриди?

Дикъ Фильдъ и Шекспиръ.

— Не знаю; когда я вошелъ сюда, здѣсь никого не было. Можетъ быть, дѣдушка Тимоти знаетъ! Вотъ онъ идетъ сюда.

Вошедшій старикъ почтительно поклонился поэту и взглянулъ наверхъ.

— Сиди тамъ смирно, малышъ,—крикнулъ онъ Дику,—я сейчасъ посмотрю, ушелъ ли Гриди со своими солдатами.

И онъ вошелъ въ проходъ, а оттуда въ узкій коридоръ. Нѣсколько минутъ спустя онъ вернулся въ гардеробную и сообщилъ, что до конца представленія нечего опасаться и что Гриди теперь сторожитъ выходъ изъ ложъ. Онъ приставилъ лѣстницу къ окну, и Дикъ и Робертъ сошли въ гардеробную.

Лонгсуордъ не безъ опасенія спустился внизъ, но онъ былъ радъ случаю лично познакомиться съ Шекспиромъ.

— Мой другъ Бербэджъ, — сказалъ Шекспиръ послѣ обоюднаго привѣтствія,—разсказалъ мнѣ о вашей ссорѣ съ презрѣннымъ Гриди. Къ несчастью, онъ пользуется большимъ вліяніемъ, и я опасаюсь...

— Если бы только мнѣ удалось укрыться отъ него еще нѣсколькихъ дней, — прервалъ Робертъ. — У меня при дворѣ есть сильный покровитель, но я долженъ дать ему знать о себѣ.

— За этимъ дѣло не станетъ! — вмѣшался въ разговоръ Тимоти,—мой домъ къ вашимъ услугамъ.

— Вы очень любезны къ совсѣмъ чужому вамъ человѣку,—сказалъ Робертъ, пожимая старику руку.—Благодарю васъ! Я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ.

— Нельзя ли и мнѣ спрятаться у васъ?—прервалъ Дикъ.

— По-моему, тебѣ лучше вернуться къ твоему хозяину!—замѣтилъ Тимоти.

— Десять тысячъ лошадей не стащутъ меня туда—рѣшительно объявилъ Дикъ.

— Ого!—засмѣялся Тимоти,—ну, приходи и ты.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь услужить вамъ?—спросилъ Шекспиръ Лонгсуорда,—я имѣю честь лично знать графа Эссекса, и мнѣ извѣстно, что онъ порицаетъ дѣйствія Гриди. Хотите, я сообщу ему о вашемъ затруднительномъ положеніи? Можетъ быть, онъ поможетъ вамъ.

Робертъ былъ глубоко тронутъ предложеніемъ Шекспира.

Дикъ подошелъ къ Шекспиру и бойко спросилъ его:

— Какъ вы думаете, мистеръ Шекспиръ, можетъ ли такое высокопоставленное лицо, какъ графъ Эссексъ, заинтересоваться такимъ бѣднымъ мальчикомъ, какъ я?

— Раньше чѣмъ отвѣтить тебѣ на этотъ вопросъ, надо хорошенько подумать, — сказалъ смѣясь Шекспиръ. — Ты хочешь, чтобы я замолвилъ ему словечко о тебѣ?

— Да, да, мистеръ Шекспиръ!—вскричалъ Дикъ.—Вѣдь графъ любимецъ нашей королевы, а королева—покровительница пѣвческой капеллы. Я съ радостью поступилъ бы туда, если бы... графъ Эссексъ...

— Сказалъ королевѣ...—вставилъ смѣясь Шекспиръ.

— Да, да!—вскричалъ Дикъ,—если бы онъ сказалъ королевѣ...

— Что мальчикъ Дикъ будетъ способный, хорошій пѣвчій...

— Да, да... именно такъ!—заликовалъ Дикъ.

— Тогда королева потребуетъ къ себѣ того мальчика...

— Да, да! Боже, какая честь!

— И скажетъ ему, что онъ принятъ въ хоръ капеллы.

— Да! да! именно такъ! ура!

— Хорошо,—закончилъ смѣясь Шекспиръ,—я постараюсь сдѣлать все, что могу. Теперь сведи сэра Лонгсуорда на квартиру дѣдушки Тимоти.

— Мнѣ кажется, будетъ неудобно воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ раньше, чѣмъ самъ почтенный хозяинъ будетъ дома,—замѣтилъ Робертъ.

— Это все равно,—сказалъ Дикъ,—вѣдь мы будемъ въ квартирѣ не одни! Не такъ ли, дѣдушка Тимоти? — и онъ лукаво подмигнулъ старику, — вѣдь тамъ есть еще кто-то... ха, ха. ха!

— Ахъ ты, проказникъ! — засмѣялся Тимоти, — передай милой Люси отъ меня поклонъ.

— Слушаю-съ!—воскликнулъ Дикъ, щелкнувъ пальцами, между тѣмъ какъ Робертъ прощался со своими новыми знакомыми.

Они осторожно вышли на улицу и все время зорко осматривались, опасаясь увидѣть красный мундиръ. Такимъ образомъ они наконецъ достигли узенькаго переулка, гдѣ находился домикъ Тимоти. У двухъ оконъ нижняго этажа вились ползучія растенія, а окна были заставлены цвѣтущими растеніями.

— Все это дѣло рукъ Люси, она ихъ вырастила,—сказалъ Дикъ, замѣтивъ, что Робертъ любуется цвѣтами.

— Кто это Люси?—спросилъ онъ.

— Это самое очаровательное созданіе на свѣтѣ! — воскликнулъ Дикъ, положивъ правую руку на сердце. — Я ни у кого не видѣлъ такихъ прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосъ и такихъ темноголубыхъ глазъ; они похожи на чудесный букетъ фіалокъ и незабудокъ!

— Эге!—улыбнулся Робертъ,—да ты, кажется, влюбленъ въ миссъ Люси. Но кто она?

— Внучка дѣдушки Тимоти, — объяснилъ Дикъ, постучавъ молоткомъ въ дверь.

— А родители ея?

— Умерли.

— Бѣдное дитя!

— Бѣдное дитя? Какое же она дитя? Вѣдь она на два года старше меня, и это очень досадно!

За дверьми щелкнула задвижка, и на порогѣ появи-

лась внучка дѣдушки Тимоти. Робертъ долженъ былъ сознаться, что Дикъ не слишкомъ преувеличивалъ красоту Люси. Вся фигура молодой дѣвушки отличалась необычайной граціей, ямочки на нѣжныхъ розовыхъ щечкахъ говорили о ея веселомъ нравѣ. На устахъ играла счастливая дѣтская улыбка, а большіе темносиніе глаза довѣрчиво смотрѣли на Божій міръ. Золотистые локоны ея спускались на голубой корсажъ, а на шеѣ висѣлъ на черной бархатной ленточкѣ старинный медальонъ, украшенный жемчугомъ.

— Здравствуйте, миссъ Люси,—поклонился въ смущеніи Дикъ,—поклонъ вамъ отъ старика Тимоти.

— Вы опять забыли,—прервала его Люси, — что я вамъ запретила такъ непочтительно называть моего добраго дѣдушку!

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Люси, вовсе не забылъ! — увѣрялъ сильно смутившійся мальчикъ,—я не буду больше называть его такъ, но я долженъ передать вамъ поклонъ отъ него, а вотъ это,—продолжалъ онъ, указывая на Роберта,—маленькая комната... нѣтъ, джентльменъ..., котораго вы должны отдать въ наемъ... ахъ, Боже мой, я совсѣмъ спутался, я хочу сказать—комнату, а не сэра Лонгсуорда.

Люси сердечно разсмѣялась.

— Позвольте, миссъ,—прервалъ Робертъ,—объяснить вамъ, въ чемъ дѣло. Но на улицѣ намъ небезопасно стоять.

Люси вошла съ гостями въ очень уютную, опрятную комнатку. Множество вышивокъ украшали простую мебель, а передъ кожанымъ кресломъ дѣдушки Тимоти лежалъ мягкій коверъ, также вышитый Люси. На подоконникахъ и маленькихъ столикахъ стояли цвѣточные горшки прекрасныхъ растеній и цвѣтущихъ розъ, наполнявшихъ нѣжнымъ ароматомъ маленькую комнату.

Робертъ съ видимымъ удовольствіемъ опустился на предло-

женный стулъ и внимательно осмотрѣлся. Всюду царила замѣчательная чистота и порядокъ. Глядя на стоявшую передъ нимъ молодую хозяйку, онъ сталъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ.

— Я долженъ скрываться до тѣхъ поръ, пока не получу извѣстій отъ сэра Джэмса Ральфа,—закончилъ онъ.— Вашъ дѣдушка любезно предложилъ мнѣ комнату, и я надѣюсь, вы не будете ничего имѣть противъ этого.

— Позвольте мнѣ тоже остаться у васъ, миссъ Люси,— прибавилъ Дикъ съ нѣкоторой важностью;—я не вернусь въ лавку мистера Формана, а по приглашенію королевы... конечно... если... если...

— Вообще послѣдуетъ это приглашеніе, — докончила смѣясь Люси.

— О, объ этомъ ужъ позаботится мой покровитель графъ Эссексъ.

— Что?!—воскликнула въ изумленіи Люси,—графъ—вашъ покровитель?

— Точно такъ,—подтвердилъ Дикъ,—правда, мы лично не знакомы, но мой другъ Шекспиръ позаботится объ этомъ.

— Другъ Шекспиръ!—еще болѣе удивилась Люси.—Или вы, Дикъ, съ ума спятили, или я плохо слышу.

— Не вѣрите? Спросите сэра Лонгсуорда,—сказалъ мальчикъ, подбоченясь и закидывая ногу на ногу.

— Въ словахъ его есть доля правды,—засмѣялся Робертъ,—и я надѣюсь, что сэръ Ральфъ тоже похлопочетъ о томъ, чтобы онъ попалъ въ пѣвческую капеллу.

— Въ такомъ случаѣ берегитесь, Дикъ, — смѣясь предостерегала Люси.—Говорятъ, королева очень строга, и отъ нея далеко не убѣжишь.

— Да это мнѣ и въ голову не придетъ,—важно возразилъ Дикъ;—съ мистеромъ Форманомъ было иное дѣло, но, какъ королевскій чиновникъ, я буду знать свой долгъ.

Люси залилась такимъ веселымъ смѣхомъ, что не только Робертъ, но и самъ Дикъ наконецъ разсмѣялся.

— Все это были шутки,—сказалъ Дикъ. — Но я рѣшилъ не покидать сэра Лонгсуорда.

— По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я буду жить въ домѣ дѣдушки Тимоти,—сказалъ улыбаясь Робертъ.—Посмотримъ, хватитъ ли намъ обоимъ мѣста въ комнатѣ.

Люси провела гостей въ комнатку, находившуюся по другую сторону коридора. Правда, она была не велика, но двое могли свободно помѣститься въ ней.

Всѣ вернулись довольные въ гостиную. Люси ушла въ кухню готовить обѣдъ, а Робертъ задумался надъ своимъ положеніемъ, въ то время какъ Дикъ строилъ воздушные замки.

Тимоти вернулся домой еще до захода солнца. Представленіе кончилось, а съ нимъ исчезла и надежда Гриди поймать бѣглецовъ. Тимоти подробно разсказалъ, какъ Гриди выходилъ изъ себя, убѣдившись, что бѣглецы скрылись, и какъ актеры своими шутками и насмѣшками довели его почти до изступленія.

— Вы пріобрѣли себѣ въ немъ лютаго врага,—закончилъ Тимоти, обращаясь къ Роберту,—и только могущественный покровитель сможетъ спасти васъ отъ его мести.

— Не знаете ли вы, говорилъ Шекспиръ съ графомъ Эссексъ обо мнѣ?—спросилъ Робертъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Тимоти, пожимая плечами. — Я видѣлъ только, что онъ очень оживленно разговаривалъ съ молодымъ графомъ Соутгэмптономъ и передалъ ему свою рукопись.

— Поэты всегда заняты только своими сочиненіями!—сказалъ со вздохомъ Робертъ.—Вѣроятно, онъ забылъ обо мнѣ; остается одна надежда на Джэмса Ральфа.

— Я слышалъ, что королева очень благосклонна къ

своему камердинеру,—замѣтилъ Тимоти,—но можетъ ли онъ сдѣлать что-нибудь для васъ?

— Человѣкъ долженъ испытать всѣ средства, а главное, не падать духомъ!—сказалъ Робертъ.—Дѣло мое правое, и я все письменно изложу Ральфу. Но какъ мнѣ доставить письмо въ его руки?

— Послѣ обѣда я отправлюсь въ Уайттолль и передамъ сэру Ральфу ваше письмо,—сказалъ Тимоти, — а теперь сядемте обѣдать.

Въ это время вошла Люси, раскраснѣвшаяся отъ жары въ кухнѣ, и поставила на накрытый столъ горячія блюда.

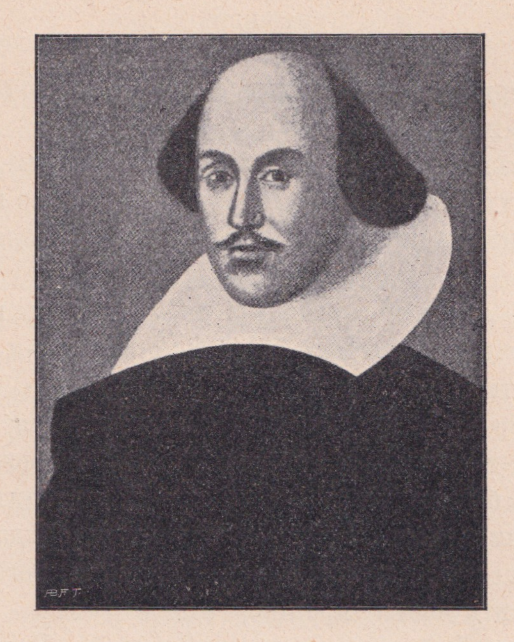
— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, сэръ Лонгсуордъ,—сказала она застѣнчиво,—вы, вѣроятно, привыкли обѣдать лучше.

— Ошибаетесь, дорогая миссъ, со смерти моего отца мнѣ пришлось жить очень скромно.

Пообѣдавъ, Робертъ написалъ письмо къ Ральфу и вручилъ его любезному хозяину. Старикъ Тимоти нѣжно поцѣловалъ свою внучку и ушелъ, поручивъ ей занимать гостей.

Солнце близилось къ закату. Послѣдніе лучи его отражались на роскошныхъ галерахъ и другихъ судахъ, скользившихъ по рѣкѣ. Рабочій день уже кончился, и по Лондонскому мосту проходили веселыя толпы народа, направляясь въ Соусуоркъ повеселиться и подышать чистымъ воздухомъ. Тимоти шелъ не торопясь и, переходя черезъ мостъ, видѣлъ, какъ красные всадники Гриди все еще рыскали по Блэкфрайрскому кварталу.

— Ищите, ищите! — пробормоталъ онъ посмѣиваясь, — все равно не найдете ихъ!

Эли-гоузскій портретъ Шекспира.

ГЛАВА IV.

Въ Уайтголльскомъ дворцѣ.

Большой колоколъ Вестминстерскаго аббатства пробилъ шесть часовъ.

Обитатели дворца слышали его протяжный звонъ; не слыхала его только королева, поглощенная чтеніемъ дѣловыхъ бумагъ.

Въ кабинетѣ ея занавѣси были спущены, а на письменномъ столѣ въ канделябрѣ горѣли восковыя свѣчи. Рядомъ съ кабинетомъ находилась спальня. Нѣсколько ступеней вели къ широкой открытой аркѣ, снабженной раздвижными портьерами, за которыми виднѣлась украшенная бал-

дахиномъ кровать Елизаветы. Постель не была помята, а на ступеняхъ спали нѣсколько дежурныхъ пажей.

Въ это время боковая дверь тихо отворилась, и вошелъ пожилой мужчина. Увидѣвъ королеву за письменнымъ столомъ, онъ неодобрительно покачалъ головой и, добродушно взглянувъ на дремавшихъ пажей, тихо вздохнулъ.

Этотъ вздохъ, нарушившій глубокую тишину, привлекъ вниманіе королевы. Она заслонила глаза отъ свѣта рукой и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ стоялъ вошедшій.

— Боже мой!—воскликнула королева своимъ груднымъ голосомъ.—Это ты, Ральфъ?... Который часъ?

— Уже пробило шесть,—отвѣтилъ камердинеръ съ легкимъ упрекомъ,—ночной караулъ уже смѣненъ.

— Уже шесть часовъ!—сказала, глубоко вздохнувъ, Елизавета и, взглянувъ на пажей, прибавила:

— Бѣдняжки заснули!

— Что ихъ жалѣть, они сегодня выспятся. Надо больше пожалѣть ихъ королеву, она совсѣмъ лишаетъ себя сна,— возразилъ Ральфъ; — ваше величество опять не спали эту ночь.

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Усталые глаза моей королевы и догорѣвшія свѣчи. Старость больше нуждается во снѣ, нежели молодость.

— Тебя нельзя упрекнуть въ лести,—рѣзко замѣтила молодившаяся Елизавета, которой было уже за шестьдесятъ лѣтъ.

Ральфъ смутился, зная эту слабость королевы; но минуту спустя возразилъ:

— Простите, ваше величество, мою прямоту. Вѣдь я о васъ безпокоюсь.

— Знаю,—кивнула королева, протягивая ему для поцѣлуя руку.—Къ сожалѣнію, не всѣ мои подданные такъ прямодушны, какъ ты!.. Но ты не долженъ смотрѣть на меня съ

такимъ упрекомъ; я пользуюсь ночью для занятія важными государственными дѣлами. Мы, государи, днемъ принуждены терять слишкомъ много времени, а ночью никто не мѣшаетъ работать. Подними теперь занавѣси и потуши свѣчи.

Ральфъ поспѣшилъ исполнить приказаніе, и въ комнату ворвались золотые лучи солнца, освѣтивъ обитыя драгоцѣнной парчей стѣны и дорогіе персидскіе и индійскіе ковры, устилавшіе полъ кабинета. Но въ то же время лучи освѣтили и покрытое морщинами лицо королевы; за тонкими губами виднѣлись почернѣвшіе зубы; одни только рыжеватые волосы ея можно было назвать красивыми. Она сидѣла немного сгорбившись, но вставая тотчасъ выпрямлялась, и хотя была средняго роста, казалась высокой, потому что носила высокіе каблуки.

Скрестивъ величественно на груди руки, королева подошла къ пажамъ, которые, проснувшись отъ солнечнаго свѣта, протирали глаза.

— Бѣдные плутишки! — сказала улыбаясь Елизавета, — выспались ли вы?

Мальчики вскочили въ испугѣ и бросились королевѣ въ ноги.

— Должно быть, подъ охраной вашей королевы вы видѣли сладкіе сны? Ступайте спать, маленькіе сони. Учитесь у вашей королевы бодрствовать на благо отечества.

Въ царствованіе Елизаветы при дворѣ господствовалъ строжайшій этикетъ, и пажи, удаляясь, церемоніально раскланялись.

Когда пажи вышли, королева обратилась къ Ральфу:

— На утреннюю аудіенцію явится вице-адмиралъ сэръ Фрэнсисъ Дрэкъ и главный сенешаль сэръ Вальтеръ Ралей. Позаботься, чтобы къ тому времени явился также лордъ-казначей Берлей. Сегодня мнѣ крайне нуженъ его совѣтъ.

Ральфъ поклонился, продолжая стоять у дверей. Елиза-

вета не замѣтила этого; она подошла къ окну и отворила его, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Обернувшись, она удивилась, увидѣвъ его:

— Ты еще здѣсь?!

Ральфъ преклонилъ колѣна. Королева подошла къ нему и, положивъ ему руку на плечо, ласково сказала:

— Что тебѣ нужно, мой добрый старикъ? Говори.

— Я хочу просить милости не для себя, ваше величество, а для сына человѣка, которому я очень многимъ обязанъ.

— И ты думаешь,—возразила Елизавета улыбаясь,—что мы, государи, существуемъ для того, чтобы отдавать долгъ благодарности за нашихъ подданныхъ, когда они сами не въ состоянiи этого сдѣлать?

— Я самъ исполнилъ бы долгъ свой, еслибъ не умеръ мой благодѣтель.

— А теперь ты хочешь отплатить сыну, не сдѣлавъ этого отцу,—рѣзко замѣтила Елизавета; но увидѣвъ печаль на лицѣ Ральфа, ласково продолжала:—Не буду упрекать тебя, мой добрый старикъ; человѣкъ зависитъ отъ обстоятельствъ и нерѣдко вынужденъ подчиняться имъ. Даже государи не составляютъ исключенiя. Но какъ зовутъ твоего протежэ?

— Робертъ Лонгсуордъ.

Королева задумалась, какъ бы припоминая что-то, и подошла къ письменному столу.

— Лонгсуордъ! Кажется, я уже слышала это имя,—сказала она;—съ нимъ связаны дурныя воспоминанiя. Посмотримъ!

Она открыла одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола и, вынувъ оттуда пачку бумагъ, быстро пробѣжала ихъ.

— Вотъ Артуръ Лонгсуордъ!—рѣзко сказала она, указывая пальцемъ на исписанный листъ.—Звѣздная Палата осудила его за важное политическое преступленiе. Это плохая рекомендацiя для твоего протежэ.

— Въ Звѣздной Палатѣ засѣдаютъ мудрые мужи,—смиренно, но твердо возразилъ Ральфъ;—но, какъ и всѣ люди, они тоже могутъ ошибаться, что и случилось при осужденіи Артура Лонгсуорда.

Елизавета вспыхнула отъ гнѣва, и глаза ея сверкнули негодованіемъ.

— Не забывайся, Ральфъ!—рѣзко крикнула она.—Знай, что если я не привлекаю тебя къ отвѣтственности за твои необдуманныя слова, то этимъ ты обязанъ только моей благосклонности.

— Это какъ будетъ угодно вашему величеству,—возразилъ камердинеръ, низко кланяясь.—Я старикъ и стою на краю могилы; мнѣ все-равно, умирать ли отъ меча правосудія или у себя въ постели. Истина выше всего для меня...

— И выше благосклонности твоей королевы? — строго прервала его Елизавета.

— Какъ бы могъ я вѣрой и правдой служить вашему величеству, если бы не любилъ истины? Мнѣ дорога моя жизнь, пока я служу моей королевѣ, я и пользуюсь ея довѣріемъ не для себя, но для торжества истины.

Морщины разгладились на лбу Елизаветы, и она, милостиво взглянувъ на своего вѣрнаго слугу, приказала разсказать ей все дѣло.

— Говори безъ стѣсненія,—прибавила она,—тебя будетъ слушать не государыня, а твоя благосклонная госпожа.

Ральфъ преклонилъ колѣно. Съ жаромъ описалъ онъ честный характеръ Артура Лонгсуорда, упомянувъ при этомъ, что онъ, Ральфъ, всѣмъ своимъ счастьемъ обязанъ этому благородному человѣку; затѣмъ, убѣдительно завѣривъ въ вѣрноподданническихъ чувствахъ Лонгсуорда, онъ разсказалъ о низкихъ проискахъ Гриди противъ Артура Лонгсуорда, коснувшись при этомъ вскользь несправедливаго приговора Звѣздной Палаты. Подъ конецъ, онъ съ жаромъ описалъ му-

ченическую смерть своего благодѣтеля и, переходя затѣмъ къ сыну его Роберту, разсказалъ о ссорѣ его съ Гриди.

— Развѣ не достаточно того,—закончилъ взволнованнымъ голосомъ Ральфъ свое повѣствованіе,—что отецъ погибъ безвинно, а сынъ несправедливо лишился наслѣдства? Неужели и ему предстоитъ лишиться свободы по приговору Звѣздной Палаты, и Гриди снова восторжествуетъ? Я знаю, что этого никогда не допуститъ моя милостивая государыня, и потому на колѣняхъ умоляю ее принять подъ свое покровительство сына моего благодѣтеля.

Склонивъ голову, Елизавета задумалась и затѣмъ сказала:

— На свѣтѣ много горя, и, къ сожалѣнію, даже мы, государи, не всегда можемъ облегчить его.

— Но въ этомъ случаѣ ваше величество можете оказать помощь,—сказалъ Ральфъ.—Достаточно одного слова моей королевы, чтобы приказъ Звѣздной Палаты объ арестѣ Роберта Лонгсуорда былъ отмѣненъ, и тогда мой юный другъ опять вздохнетъ свободно и...

— И будетъ такимъ же нищимъ, какъ и прежде! — сказала Елизавета.

— Но милость и милосердіе избавляютъ и отъ этого горя!—замѣтилъ многозначительно Ральфъ.

Королева слегка улыбнулась и, взглянувъ на часы, сказала:

— Подай мнѣ теперь завтракъ, Ральфъ: наступаетъ часъ аудіенціи.

Камердинеръ отступилъ къ двери съ низкимъ поклономъ и, остановившись тамъ, робко сказалъ:

— Если ваше величество соблаговолите оказать милость Лонгсуорду, прошу также вспомнить и о его вѣрномъ товарищѣ.

— Не назначить ли мнѣ его капитаномъ моихъ тѣлохра-

нителей вмѣсто уѣзжающаго съ эскадрой Вальтера Ралея?— спросила насмѣшливо королева.

— Для этого онъ слишкомъ молодъ,—возразилъ Ральфъ,— ему всего пятнадцать лѣтъ, и его завѣтная мечта поступить въ пѣвческую капеллу вашего величества.

— Есть ли у него способности для сцены?—прервала его Елизавета.

— Правду сказать, не знаю, — отвѣтилъ Ральфъ и вышелъ изъ кабинета.

Часъ спустя королева Елизавета проходила по галлереѣ въ небольшой залъ для аудіенцій. У входа стояли на часахъ два алебардиста; при приближеніи королевы они опустили свои алебарды и широко распахнули двустворчатыя двери. Навстрѣчу ей шелъ графъ Эссексъ и, опустившись на одно колѣно, поднесъ руку королевы къ губамъ.

— Такъ рано, графъ?—сказала благосклонно королева.— Развѣ вамъ тоже приказано явиться на аудіенцію?

— Когда на ней присутствуетъ лордъ Бёрлей, меня неудержимо влечетъ туда же.

— Я не знала, что вы такъ преданы моему лорду-казначею!

— Нѣтъ, ваше величество, я хотѣлъ лишь предложить ему въ вашемъ присутствіи одинъ очень важный вопросъ; отъ его отвѣта зависитъ жизнь достойнаго человѣка.

Елизавета съ удивленіемъ взглянула на Эссекса, но графъ уклонился отъ отвѣта, сказавъ:

— Подробности ваше величество услышите во время аудіенціи.

— А если бы я пожелала узнать все теперь же, и не дозволила бы вамъ явиться на аудіенцію?

— Я вынужденъ былъ бы покориться волѣ вашего величества, хотя не знаю за собой вины, лишающей меня права присутствовать на аудіенціи при обсужденіи государственныхъ дѣлъ.

— Вы прекрасно освѣдомлены, графъ, и располагаете ловкими доносчиками, такъ какъ именно эта аудіенція должна была быть тайной.

— Если Вальтеръ Ралей пользуется милостью явиться передъ моей королевой, то и мнѣ не можетъ быть отказано въ этомъ.

— Боже! какъ вы всѣ завистливы!—засмѣялась Елизавета.—Такъ идите же за мной, графъ, но умѣрьте свои злобные взгляды при встрѣчѣ съ вашимъ другомъ Ралеемъ.

Въ залѣ кромѣ обоихъ моряковъ находился только сѣдой лордъ Бэрлей. Несмотря на свой замѣчательный умъ, королева Елизавета не могла обойтись безъ совѣта этого опытнаго государственнаго дѣятеля, въ теченіе тридцати шести лѣтъ занимавшаго постъ перваго министра. Королева высоко цѣнила заслуги Бэрлея и произвела его въ лорды, а затѣмъ въ пэры Англіи.

Благодаря его усиліямъ въ Англіи возстановленъ былъ протестантизмъ; онъ же охранилъ страну отъ козней Маріи Стюартъ и ея французскихъ союзниковъ, и по его же настоянію начата была война съ Испаніей и оказана помощь Нидерландамъ, которымъ также угрожала Испанія.

Встрѣтивъ королеву у входа въ залу, лордъ Бэрлей подвелъ ее къ стоявшему на возвышеніи креслу, напоминавшему тронъ. Занявъ его, Елизавета знакомъ пригласила присутствующихъ послѣдовать ея примѣру. Лордъ Бэрлей и графъ Эссексъ заняли мѣста по обѣ стороны королевы, а Ралей и Дрэкъ противъ нея.

— Я пригласила васъ сюда,—начала она послѣ короткой паузы, — чтобы узнать ваше мнѣніе: продолжать ли намъ войну съ Испаніей или заключить миръ. По моему мнѣнію, мы на опытѣ убѣдились, что не въ состояніи сломить силы Испаніи.

— И тѣмъ не менѣе необходимо довести войну до побѣдоноснаго конца,—вмѣшался Бэрлей.

— А вы, графъ, какого мнѣнія?—спросила королева Эссекса.

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего величества,—отвѣтилъ графъ Эссексъ, дорожившій благосклонностью королевы.—Въ своемъ религіозномъ фанатизмѣ испанцы всецѣло предаются войнѣ, предоставляя другимъ народамъ заниматься торговлею и промышленностью. Въ этомъ и кроется причина того, что испанскія войска, даже послѣ сильнѣйшихъ пораженій, всегда находятся въ боевой готовности. Мы достигли всего, чего можно было достигнуть. Удовольствуемся этимъ.

Эта рѣчь удостоилась ласковаго взгляда королевы, между тѣмъ какъ лордъ Бэрлей съ порицаніемъ посмотрѣлъ на графа.

— Вы говорите изъ личнаго интереса, графъ, оберегая свою привилегію,—замѣтилъ взволнованнымъ голосомъ Ралей.

Эссексъ вскочилъ, схватившись за мечъ, но присутствіе королевы удержало его отъ необдуманнаго поступка.

Своимъ замѣчаніемъ Ралей задѣлъ больное мѣсто графа: по милости Елизаветы ему дарована была привилегія на торговлю краснымъ виномъ. Благодаря этому доходы его значительно возросли, потому что только черезъ него можно было выписывать красное вино. Во время же войны съ Испаніей для Эссекса были бы закрыты почти всѣ рынки, откуда онъ выписывалъ вино, въ особенности же Франція, которая, какъ католическая страна, была бы на сторонѣ Испаніи.

Поэтому въ замѣчаніи Ралея могла лежать доля истины, и Эссексъ вынужденъ былъ употребить все свое самообладаніе, чтобы сдержать свой гнѣвъ.

— Я охотно пожертвую всѣми выгодами моей привилегіи ради интересовъ отечества,—сказалъ онъ.—Что касается меня, то всѣ наши силы, не исключая и вашихъ красныхъ раковъ, сэръ Ралей, могутъ хоть сегодня выступить про-

тивъ Испаніи! Тогда и вашему отряду выпало бы болѣе почетное занятіе, чѣмъ пугать и преслѣдовать невинныхъ людей.

Ралей закусилъ себѣ губы, а королева потребовала отъ графа объясненія.

— Я исполню требованіе вашего величества, — сказалъ Эссексъ;—но благо государства выше всякихъ частныхъ интересовъ, и потому я прошу покончить сначала вопросъ объ Испаніи.

— Теперь ваша очередь говорить, сэръ Дрэкъ, — обратилась Елизавета къ маститому моряку.

Послѣдній пожалъ плечами и заговорилъ простодушнымъ языкомъ моряковъ:

— Я нахожусь, ваше величество, между двумя бугшпритами. Рука моя говоритъ мнѣ «гони испанцевъ ко всѣмъ чертямъ», а сердце подсказываетъ: «этого не хочетъ твоя королева и сынъ того человѣка, подъ началомъ котораго ты служилъ добровольцемъ въ Ирландіи, и которому такъ много обязанъ». Вашему величеству извѣстно, съ какою радостью я снова поколотилъ бы испанцевъ, въ особенности послѣ того, какъ ихъ посланникъ обвинилъ меня въ морскомъ разбоѣ! Съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я то время, когда мнѣ довѣрили флотъ изъ двадцати пяти судовъ, съ которыми я явился передъ Сантъ-Яго такъ неожиданно, что мнѣ удалось овладѣть городомъ врасплохъ. А какое чудесное плаваніе совершили мы вскорѣ послѣ того въ Вестъ-Индію, гдѣ я овладѣлъ городами Санъ-Доминго, Карѳагена, разрушилъ форты испанцевъ въ Восточной Флоридѣ и въ концѣ концовъ еще участвовалъ въ уничтоженіи испанской Армады. А теперь я командую флотомъ изъ двадцати семи судовъ и могъ бы съ нимъ выгнать испанцевъ изъ Порто-Рико и завладѣть торговлей этого острова! Не въ обиду будь вамъ сказано, графъ Эссексъ,

но я съ величайшимъ удовольствіемъ поколотилъ бы испанцевъ еще разъ.

— Вижу, придется исполнить желаніе нашего сѣдобородаго драчуна,—сказала смѣясь Елизавета, — и потому я прикажу приготовить ему грамату на командованіе флотомъ.

— Да благословитъ Господь мою королеву!—воскликнулъ несказанно обрадованный Дрэкъ, опускаясь передъ Елизаветой на колѣно и покрывая ея руку поцѣлуями.

— Приготовьтесь къ отплытію, — сказала ему ласково Елизавета.

И герой-морякъ почти выбѣжалъ изъ залы, не подозрѣвая, что готовится къ своему послѣднему плаванію: уже шесть мѣсяцевъ спустя онъ скончался подъ Портобелло отъ изнурительной лихорадки.

— Ну, лордъ-казначей, — обратилась Елизавета къ Бэрлею,—удовлетворенъ ли вашъ воинственный пылъ посылкою Дрэка въ испанскую Вестъ-Индію?

Бэрлей поклонился.

— Вамъ же, сэръ Ралей, —продолжала королева, —предстоитъ черезъ нѣсколько дней отплыть съ вашимъ флотомъ въ Гвіану, добыть намъ золото, а тогда, лордъ Бэрлей, я дозволю вамъ воевать съ цѣлымъ міромъ. Какъ видите, — закончила она улыбаясь, —я уступчивая государыня. Всѣ ли дѣла мы обсудили?

Графъ Эссексъ всталъ и напомнилъ королевѣ, что онъ долженъ задать вопросъ лорду Бэрлею. Елизавета выразила жестомъ свое согласіе, и Эссексъ обратился къ лордуказначею:

— Какъ предсѣдатель Звѣздной Палаты, вы, безъ сомнѣнія, можете сказать, какое число свидѣтелей необходимо, чтобы имѣть право арестовать обвиняемаго.

Ралей, знавшій цѣль вопроса, хотѣлъ-было прервать графа, но послѣдній рѣзко остановилъ его:

— Я спрашиваю не васъ, а лорда Бэрлея, и знаю, что онъ человѣкъ чести и не утаитъ истины.

Бэрлей сдвинулъ брови; онъ не долюбливалъ графа Эссекса, но отвѣтилъ откровенно:

— Чтобы имѣть право арестовать обвиняемаго, требуются по крайней мѣрѣ два свидѣтеля.

— Какъ же это случилось,—воскликнулъ Эссексъ,—что Гриди добылъ приказъ Звѣздной Палаты объ арестѣ Роберта Лонгсуорда и преслѣдовалъ его съ солдатами сэра Ралея?

Имя Лонгсуорда возбудило вниманіе королевы, и она съ интересомъ стала прислушиваться къ разговору.

— Это исключительный случай,—возразилъ, нѣсколько смутившись, Берлэй. — Звѣздная Палата никому не обязана давать отчета въ своихъ постановленіяхъ, и если я отвѣчаю вамъ, то дѣлаю это только изъ уваженія къ королевѣ.

— Вы слишкомъ любезный министръ,—замѣтилъ насмѣшливо Эссексъ, съ трудомъ скрывая свое нерасположеніе къ государственному казначею.

— Такая похвала изъ вашихъ устъ особенно цѣнна!— возразилъ презрительно Бэрлей.—Насколько я знаю, до сихъ поръ никто еще не превзошелъ васъ въ лести.

— Вы отклоняетесь отъ дѣла!—замѣтила Елизавета съ присущимъ ей достоинствомъ.—Почему былъ изданъ приказъ объ арестѣ Роберта Лонгсуорда, и кто были его обвинители?

— Имя Лонгсуордъ,—отвѣтилъ Бэрлей,—пользуется дурной славой. Звѣздная Палата вынуждена была обвинить отца молодого Лонгсуорда въ государственной измѣнѣ и осудить его, а теперь Робертъ Лонгсуордъ осмѣлился публично порицать справедливый приговоръ высшаго судилища. Поэтому Гриди лишь исполнилъ свой долгъ, когда донесъ намъ объ этомъ. Быть можетъ, онъ немного поусердствовалъ, преслѣдуя молодого человѣка. съ солдатами сэра Ралея. Но это

можно извинить почтенному сэру, который оказалъ не мало услугъ Звѣздной Палатѣ.

Въ продолженіе этой рѣчи возбужденіе графа Эссекса все болѣе возрастало, а при послѣднихъ словахъ лорда онъ преклонилъ колѣно передъ королевой со словами:

— Прошу у моей повелительницы дозволенія опровергнуть лорда-казначея!

Елизавета изъявила согласіе.

— Обвиненіе Артура Лонгсуорда, погибшаго въ Флитской тюрьмѣ, основывается на ложныхъ показаніяхъ Гриди, который хотѣлъ присвоить себѣ помѣстья своей жертвы. Онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ въ этомъ процессѣ, такъ какъ многочисленныхъ свидѣтелей Артура Лонгсуорда Звѣздная Палата отказалась выслушать.

— Неправда!—прервалъ его лордъ Бэрлей.

— Правда!—возразилъ графъ Эссексъ, повысивъ голосъ;—даже Фрэнсисъ Уольсингэмъ не былъ какъ свидѣтель выслушанъ Звѣздною Палатой.

— Графъ, не уклоняйтесь отъ истины! — воскликнулъ лордъ Бэрлей въ возбужденіи.

— Или его не допустили, пока не былъ произнесенъ приговоръ надъ несчастнымъ Лонгсуордомъ.

— Почему онъ не обратился къ королевѣ?—рѣзко спросила Елизавета, устремивъ проницательный взглядъ на обоихъ лордовъ.—Какъ ланкастерскій канцлеръ, онъ имѣлъ доступъ къ моему трону. Я никогда не забывала важныхъ услугъ, оказанныхъ мнѣ покойнымъ Уольсингэмомъ, только его протестантскому усердію я обязана тѣмъ, что во время узнала о затѣянныхъ противъ меня интригахъ европейскихъ католическихъ государствъ; онъ же открылъ заговоръ Бабингтона и доставилъ мнѣ письма, удостовѣрявшія участіе въ заговорѣ Маріи Стюартъ. Видите, я и теперь еще помню заслуги Уольсингэма. Почему онъ не обратился ко мнѣ?

— Онъ былъ боленъ, когда началось дѣло Артура Лонгсуорда,—пояснилъ графъ Эссексъ,—а когда послѣдовалъ приговоръ надъ несчастнымъ, онъ уже совсѣмъ не могъ встать съ постели. Но онъ записалъ все, что могло бы послужить для оправданія Артура Лонгсуорда. Вотъ эти документы.

Передавая бумаги королевѣ, графъ продолжалъ:

— Когда Филиппъ II снаряжалъ свою Армаду противъ нашего отечества, Ульсингэмъ сумѣлъ съ помощью интригъ и лазутчиковъ на цѣлый годъ задержать ея выступленіе. Въ этомъ дѣлѣ Артуръ Лонгсуордъ оказалъ ему важныя услуги, о чемъ свидѣтельствуютъ эти документы.

— Ваши послѣднія показанія, графъ,—сказалъ рѣзко лордъ Бэрлей,—облегчаютъ мою совѣсть, какъ судьи Звѣздной Палаты. Главнымъ пунктомъ обвиненія противъ Артура Лонгсуорда послужили его тайныя сношенія и поѣздки въ Испанію. Онъ не могъ отрицать, что посѣщалъ враждебную намъ страну...

— А вы не желали выслушать сэра Ульсингэма,—прервалъ его съ раздраженіемъ графъ Эссексъ.

— Откуда вы добыли эти бумаги, графъ? — спросила Елизавета.

— Дочь Ульсингэма сохранила ихъ.

— Отчего она не воспользовалась ими раньше?

— Потому что очень трудно получить доступъ въ Звѣздную Палату. Для этого надо располагать очень вліятельными друзьями или значительными средствами. Но у осиротѣвшей дѣвушки не было ни того, ни другого; отецъ ея израсходовалъ все свое состояніе на пользу государства, и вашему величеству извѣстно, какія значительныя жертвы принесъ онъ при колонизаціи Сѣверной Америки.

Елизавета стиснула губы. Ей было непріятно, что ей напомнили о заслугахъ человѣка, вознаградить которыя она не могла своими средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она

вспомнила, что слышала отъ придворной дамы, лэди Ноттингэмъ, что графъ Эссексъ очень заботится о судьбѣ осиротѣвшей дочери Уольсингэма и часто бываетъ въ Ситингъ-Лэнѣ, мѣстожительствѣ дѣвушки.

— Вы, кажется, усердно помогаете лэди Уольсингэмъ при разборѣ бумагъ ея отца?—язвительно замѣтила она.

— При всемъ моемъ желаніи,—отвѣтилъ графъ Эссексъ, слегка краснѣя,—я не могъ бы разобрать латинскихъ документовъ, хотя и воспитывался послѣ смерти отца подъ руководствомъ лорда Бэрлей. Такими познаніями обладаютъ только ученые и наша мудрая королева, на столѣ которой лежатъ сочиненія Квинтиліана рядомъ съ юридическими актами.

Эта почтительная лесть смягчила тщеславную королеву.

— Кто передалъ вамъ эти документы?—спросила она.

— Нашъ молодой поэтъ Шекспиръ. Покойный Уольсингэмъ былъ поклонникъ его музы и нерѣдко принималъ поэта въ своемъ домѣ. Тамъ Шекспиръ познакомился съ молодой лэди; она знала, что онъ знатокъ древнихъ языковъ, и поручила ему послѣ смерти отца разобрать оставшіяся бумаги.

Королева устремила на графа испытующій взглядъ.

— Я уже не разъ слышала о Шекспирѣ. Двѣ его комедіи были даже представлены у меня при дворѣ. Я люблю театръ и указомъ возвела его въ національное учрежденіе. Позаботьтесь, чтобы при удобномъ случаѣ поэтъ Шекспиръ былъ мнѣ представленъ.

— Можетъ быть, ваше величество удостоите его чести и дозволите ему лично поднести вамъ сборникъ сонетовъ, посвященный моему другу Соутгэмптону. Изъ содержанія его ваше величество убѣдитесь, какой любовью и почтеніемъ поэтъ преисполненъ къ вашему величеству. Его вдохновеніе выше «Царицы Фей» Спенсера. Шекспиръ также присоединяется къ моей просьбѣ защитить Роберта Лонгсуорда отъ преслѣдованій Гриди.

— А что̀ скажетъ на это лордъ-казначей?—спросила Елизавета.

Лордъ Бэрлей пожалъ плечами.

— Множество свидѣтелей, — снова заговорилъ графъ Эссексъ,—могутъ подтвердить, что молодой Лонгсуордъ не поносилъ Звѣздную Палату. Всѣмъ извѣстно, что Гриди ненавидитъ Лонгсуордовъ, и показанія его должны быть приняты съ большою осмотрительностью.

— Гриди принадлежитъ къ высшему сословію страны,— возразилъ Бэрлей.—Кто тѣ свидѣтели, о которыхъ вы говорите?.. Комедіанты?!

— Но всѣ они очень почтенные люди,—возразилъ съ негодованіемъ графъ,—иначе бы они не принадлежали къ труппѣ лорда Гэнсдона и не пользовались бы покровительствомъ государыни. Вы опытный государственный дѣятель, но не понимаете искусства и поэзіи; поэтому я прощаю вамъ вашъ презрительный отзывъ о людяхъ, которыхъ я искренно уважаю.

Елизавета взглядомъ поблагодарила графа.

— Пріостановите приказъ объ арестѣ Лонгсуорда, — сказала она Бэрлею,—я хочу сама поговорить съ нимъ.

— Значитъ, онъ можетъ явиться къ вашему величеству?— спросилъ обрадованный графъ.

— Но не сюда въ Уайтголль, а на нейтральной почвѣ,— сказала Елизавета,—а Вилліяма Шекспира представьте мнѣ на частной аудіенціи.

— Моя всемилостивѣйшая государыня! — воскликнулъ графъ, съ благодарностью цѣлуя протянутую ему руку.

— Значитъ, мы можемъ удалиться,—сказалъ холодно лордъ Бэрлей, и, преклонивъ съ Ралеемъ колѣни, они, по знаку Елизаветы, удалились изъ залы.

Графъ Эссексъ подалъ королевѣ руку и помогъ ей спуститься съ возвышенія.

— Нѣтъ ли у васъ еще просьбъ за вашего протежэ?— спросила она привѣтливо.

— Нѣтъ, ваше величество, но если вамъ благоугодно будетъ довершить свою милость, то обратите ее на вѣрнаго товарища Лонгсуорда.

— Онъ тоже дворянинъ?

— Нѣтъ, мальчикъ буржуазнаго происхожденія.

— Не хочетъ ли онъ поступить въ мою пѣвческую капеллу?—спросила Елизавета, игриво улыбнувшись.

Этотъ вопросъ удивилъ графа.

— Откуда ваше величество знаете?...

Королева сдѣлала видъ, что не слышала вопроса.

— Есть ли талантъ у мальчика?—спросила она.

— Необычайный! Его имя скоро станетъ извѣстнымъ.

— Неужели?—шутила королева.—Должно быть, онъ вамъ что-нибудь продекламировалъ? Вѣроятно, въ то время, когда у него былъ мой старый Ральфъ?

— Вашъ старикъ-камердинеръ говорилъ вамъ о мальчикѣ?—спросилъ осторожный графъ.

— Да, говорилъ.

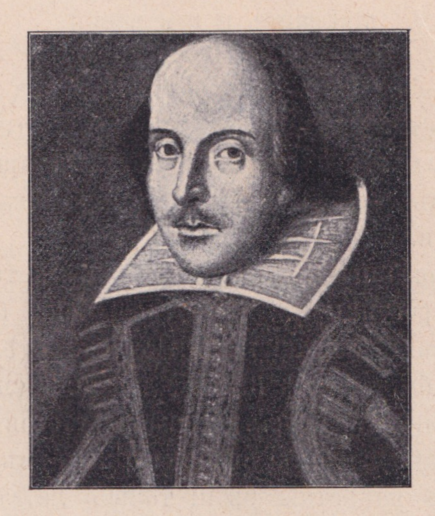
— Онъ, дѣйствительно, присутствовалъ при чтеніи и былъ въ такомъ же восторгѣ отъ таланта мальчика, какъ и я.

Королева продолжала улыбаться.

— Хотя вы, графъ, видите сны на-яву, я все-таки приму участіе и въ вашемъ второмъ протежэ!—сказала королева, отпуская графа,—но пусть онъ декламируетъ мнѣ при васъ, чтобы я могла услышать ваше мнѣніе. Хорошо, если испытаніе окажется такимъ же удачнымъ, какимъ оно вамъ... снилось!—и разсмѣявшись она прибавила:—О, мой славный Ральфъ, ты всегда говоришь правду!

Сказавъ это, она удалилась, заставивъ озадаченнаго графа призадуматься.

Портретъ Шекспира, исполненный Дрэшоутомъ и приложенный къ первому полному собранію сочиненій поэта, in folio, 1623 г.

ГЛАВА VI.

«Сонъ въ лѣтнюю ночь».

Въ Эссексъ-кэстлѣ происходило нѣчто таинственное. Съ утра до вечера тамъ работали множество рабочихъ, и во всѣхъ залахъ раздавался шумъ и стукъ молотковъ. Но наконецъ воцарились тишина и порядокъ. Роскошныя залы были превращены въ какой-то сказочный міръ изъ «Тысячи и одной ночи». Стѣны заставлены были большими деревьями, цвѣтами и растеніями, нѣжный ароматъ которыхъ сливался съ благоуханіемъ фонтановъ; изъ экзотическихъ растеній были устроены рощицы съ искусственными гротами; многочисленныя люстры съ безчисленными свѣчами соединялись между собою гирляндами цвѣтовъ.

Въ самомъ большомъ залѣ была устроена эстрада, надъ украшеніемъ которой трудился дѣдушка Тимоти и Дикъ, но послѣдній скорѣе мѣшалъ, нежели помогалъ старику. Мальчикъ въ первый разъ видѣлъ сцену и разспрашивалъ обо всемъ стараго Тимоти.

При обыкновенныхъ представленіяхъ въ театрахъ сцена посыпалась тростникомъ, но теперь она была покрыта дорогими коврами, украшавшими также стѣны ея. Въ то время еще не было декорацій, исключая нѣсколькихъ переносныхъ предметовъ, напр., деревьевъ, утесовъ и т. п. Сценическая обстановка была очень скудна и изъ вспомогательныхъ средствъ извѣстны были только летательная и проваливающая машины.

— Развѣ мѣсто дѣйствія пьесы мистера Шекспира «Сонъ въ лѣтнюю ночь» происходитъ все время на одномъ мѣстѣ?—спросилъ Дикъ старика Тимоти, который съ нѣсколькими плотниками укрѣплялъ занавѣсъ.

— Нѣтъ,—возразилъ старикъ,—оно происходитъ во дворѣ замка и въ лѣсу, гдѣ эльфы и лѣшіе потѣшаются надъ людьми.

— Успѣете ли вы устроить все это къ вечеру? — спросилъ озабоченно Дикъ.

— Мы не думаемъ дѣлать все это,—засмѣялся старикъ,— мы просто поясняемъ публикѣ надписью на доскѣ, что̀ должна изображать сцена: залу, лѣсъ, поле сраженія или что другое.

Мальчикъ разочарованно всплеснулъ руками.

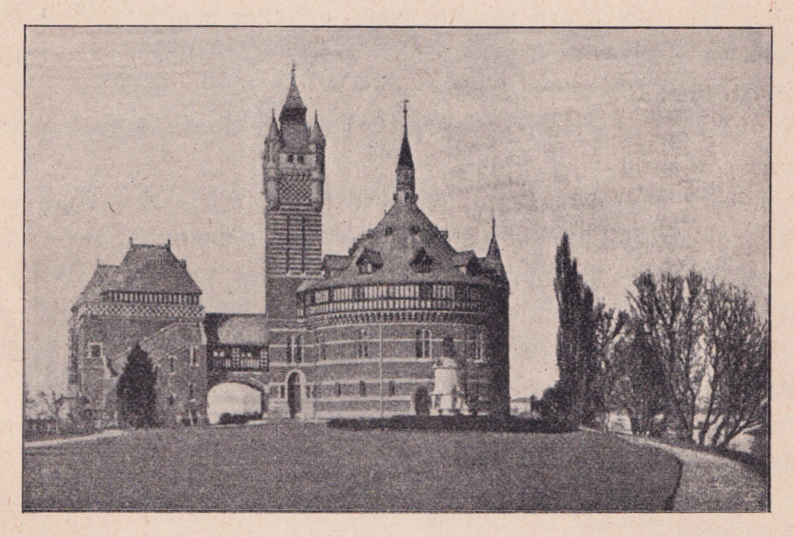
— Видишь ли,—продолжалъ Тимоти, указывая на маленькую декорацію, изображавшую часть стѣны, — вотъ это мы сегодня поставимъ на сцену въ первомъ и третьемъ актѣ. Эта стѣна должна представлять каменный дворецъ, а вотъ этотъ кустъ во второмъ актѣ представляетъ большой лѣсъ.

— А если нужно представить харчевню?—спросилъ Дикъ.

— Тогда ставится стулъ и столъ, а на столъ кувшинъ.

— Вѣдь все это ужасно прозаично!—вздохнулъ мальчикъ.

— Воображенiе зрителей должно дополнять остальное,—возразилъ Тимоти, пожимая плечами.—Во Францiи это дѣло обстоитъ лучше; тамъ мистерiи обставлены роскошно, и у нихъ есть раскрашенное полотно, изображающее всевозможныя сцены.

Библiотека и театръ имени Шекспира въ Стратфордѣ.

— Откуда вы все это знаете, старина... то-есть, я хотѣлъ сказать, дѣдушка Тимоти?—спросилъ Дикъ.

— Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я кочевалъ по Францiи съ труппой актеровъ. Говорятъ, сцена тамъ теперь обставлена еще роскошнѣе, между тѣмъ какъ здѣсь обстановка такая жалкая, что иной разъ готовъ разсмѣяться. У насъ давались такiя пьесы, гдѣ по одну сторону сцены находилась Азiя, а по другую Африка или какое-нибудь другое королевство, такъ что актеръ, выступая на сцену, вынужденъ былъ сначала сообщить публикѣ, въ какой странѣ

онъ находится. Или, напр., выходятъ нѣсколько дамъ и начинаютъ собирать цвѣты—это означаетъ, что сцена изображаетъ садъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ глубины сцены появляется страшное чудовище, изрыгающее пламя съ дымомъ,—и мы должны представить себѣ, что это адъ, а нѣсколько минутъ спустя мы видимъ на сценѣ нѣсколько человѣкъ съ мечами и щитами—это изображаетъ цѣлую армію на полѣ битвы.

— Ну, для этого нужно очень сильное воображеніе,—замѣтилъ Дикъ, почесывая за ухомъ.—Однако, я все-таки хотѣлъ бы поступить на сцену. Ахъ, дѣдушка Тимоти, какъ бы мнѣ хотѣлось знать, доложили ли всемилостивѣйшей королевѣ обо мнѣ!

— Ты скоро узнаешь это, — сказалъ Тимоти, — мистеръ Шекспиръ теперь въ кабинетѣ графа и придетъ сюда посмотрѣть, все ли приготовлено для представленія. Думаю, что онъ останется доволенъ мною.

— А будетъ ли музыка во время сегодняшняго представленія?—снова спросилъ Дикъ.

— Будутъ четыре скрипки, флейта и кромѣ того барабанъ, рожки и трубы.

— Ого, какъ важно! Для кого графъ устраиваетъ такой праздникъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Тимоти, поправляя висѣвшіе ковры, замѣнявшіе занавѣсъ.

— Знаете, знаете! Я по лицу вашему вижу, что знаете!—воскликнулъ Дикъ недовѣрчиво.—Ахъ, если бы сегодня пришла сюда королева! Она навѣрное заняла бы на сценѣ первое мѣсто!

По обычаю того времени высокопоставленныя лица занимали мѣста по обѣимъ сторонамъ сцены. Впослѣдствіи изъ этого обычая образовались ложи на авансценѣ.

— Я думаю, что государыня проведетъ сегодняшій вечеръ въ Уайтголлѣ,—возразилъ Тимоти.

Приходъ Шекспира помѣшалъ Дику задать старику новый вопросъ. Поэтъ былъ взволнованъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и веселъ. Замѣтивъ Дика, онъ подошелъ къ нему и, взявъ за руку, сказалъ:

— У меня добрыя вѣсти для тебя и сэра Роберта. Завтра утромъ, передъ охотой, графъ Эссексъ представитъ его королевѣ. Ты долженъ тоже явиться туда: королева желаетъ тебя видѣть.

Дикъ былъ въ восторгѣ и, не зная отъ радости, перекувырнуться ли ему или подскочить вверхъ, кончилъ тѣмъ, что принялъ напыщенную позу и громко захохоталъ во все горло.

— Не радуйся раньше времени,—продолжалъ Шекспиръ,— еще неизвѣстно, примутъ ли тебя въ пѣвческую капеллу. Королева желаетъ сначала убѣдиться въ твоихъ способностяхъ.

— О, за этимъ дѣло не станетъ! — вскричалъ весело Дикъ,—я ей продекламирую такую вещь, что она останется довольна. Я знаю страшное стихотвореніе, въ немъ семь убійствъ. Тамъ я могу кричать, плакать, шептать, стонать. Бòльшаго отъ меня ея величество не можетъ требовать!

— Разумѣется, нѣтъ!—засмѣялся Шекспиръ, положивъ руку на голову мальчика,—но совѣтую тебѣ говорить какъ можно мягче и нѣжнѣе, у насъ большой недостатокъ въ мальчикахъ на главныя женскія роли.

Намъ, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, что въ то время женскія роли исполнялись молодыми мужчинами или мальчиками. Въ Лондонѣ впервые въ 1629 году, во французской труппѣ, выступили на сценѣ женщины; однако, попытка эта не удалась и была какъ неслыханное новшество освистана публикой.

— Я буду пѣть такъ нѣжно, какъ соловей, — отвѣтилъ Дикъ,—хотя мнѣ было бы пріятнѣе кричать и размахивать мечомъ.

— Все это успѣешь сдѣлать когда-нибудь потомъ,—утѣшалъ его поэтъ.—Теперь ступай и передай сэру Лонгсуорду эту записку отъ графа Эссекса. Я также завтра долженъ представиться нашей королевѣ и потому утромъ зайду за вами.

Взявъ письмо, Дикъ съ радостнымъ крикомъ «ура!» выбѣжалъ изъ залы.

Шекспиръ осмотрѣлъ устроенную старымъ Тимоти сцену и привѣтливо выразилъ ему свою благодарность.

— Этотъ вечеръ мы закончимъ или побѣдой или пораженіемъ,—сказалъ Шекспиръ.

— Во всякомъ случаѣ не пораженіемъ!—раздался голосъ Соутгэмптона, который вошелъ въ залу и подошелъ къ поэту.—Въ этомъ намъ порукой имя моего друга Шекспира. Я думаю, что мнѣ дозволено назвать такъ человѣка, который доставилъ мнѣ истинную радость, посвятивъ мнѣ свой сборникъ сонетовъ.

— Вы смущаете меня вашей благосклонностью, графъ,—скромно возразилъ поэтъ,—и все-таки я невыразимо счастливъ слышать это. Правда, поэзія нашла доступъ къ сильнымъ міра сего, но наше драматическое искусство, ради котораго я живу и созидаю, осталось имъ почти чуждо; а между тѣмъ и искусство требуетъ поощренія и покровительства, и пока мы не заслужимъ одобренія высшаго образованнаго общества, мы должны очень скромно смотрѣть на нашу дѣятельность.

— Ужъ вамъ-то не слѣдуетъ говорить такъ,—благосклонно возразилъ Соутгэмптонъ;—васъ одушевляетъ геній, и я увѣренъ, что, благодаря ему, вамъ удастся поднять драматическую поэзію на небывалую высоту.

— Вы забываете, съ какимъ неодобреніемъ пуритане относятся къ этому искусству!—возразилъ Шекспиръ.

— Эта лицемѣрная секта, дѣйствительно, мѣшаетъ развитію искусства, — согласился Соутгэмптонъ, — но передъ

Шекспиръ при дворѣ Елизаветы.

геніемъ эти черви должны будутъ умолкнуть. Но вы дрожите, другъ мой, — прервалъ себя графъ. — Что васъ волнуетъ?

— Страхъ за сегодняшній вечеръ.

Соутгэмптонъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на поэта.

Колодезь имени Шекспира въ Стратфордѣ.

— Когда я дома, — продолжалъ Шекспиръ, — въ моей комнаткѣ, далъ волю своему воображенію, когда мнѣ грезилась моя волшебная сказка, и я населилъ ее эльфами и людьми, тогда мнѣ казалось, что я создалъ нѣчто хорошее. Когда же начались репетиціи, я почувствовалъ, что далеко не передалъ того, что рисовалось моему воображенію, а те-

перь, когда моя сказка черезъ нѣсколько часовъ предстанетъ передъ избранной публикой, я чувствую свое ничтожество и мнѣ кажется, что я не поэтъ.

Соутгэмптонъ долго и внимательно смотрѣлъ на него и затѣмъ, покачавъ головой, сказалъ:

— Такъ говоритъ человѣкъ, колыбель котораго осѣняли всѣ музы и граціи, тогда какъ жалкая посредственность самоувѣренно кричитъ о себѣ, чтобы обратить на себя вниманіе всѣхъ. Я какъ-то слышалъ, что истинный талантъ очень скромнаго о себѣ мнѣнія и всегда недоволенъ своимъ твореніемъ. Это несомнѣнный признакъ таланта, и если бы я, мой другъ, не считалъ васъ поэтомъ, вашъ скромный отзывъ о себѣ убѣдилъ бы меня, что въ васъ кроется большой талантъ.

Шекспиръ улыбнулся сквозь слезы и, схвативъ руку Соутгэмптона, прижалъ ее къ сердцу. Онъ не могъ говорить отъ волненія, но ему было отрадно слышать, что его другъ-покровитель понимаетъ его художественную натуру.

Шекспиръ поспѣшно вышелъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и, дойдя до берега Темзы, онъ прыгнулъ въ лодку.

— Въ Гринвичъ?—спросилъ лодочникъ.

Шекспиръ машинально кивнулъ головой, растянулся во всю длину въ лодкѣ и, закинувъ руки за голову, предался мечтамъ, глядя на безоблачное небо. Мечты его прервалъ лодочникъ, сказавъ, что они прибыли въ Гринвичъ.

Поэтъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на лодочника и, очнувшись, приказалъ пристать къ королевскому парку. Онъ любилъ этотъ широко раскинувшійся паркъ съ его долинами и холмами, гдѣ красота природы нашептывала ему поэтическіе сны. Шекспиръ направился въ лѣсокъ на холмикѣ, покрытомъ вьющимися растеніями. Рядомъ бурлилъ ручеекъ среди благоухающей зелени, и журчаніе его сливалось съ нѣжнымъ пѣніемъ порхающихъ пташекъ.

— Да, это мой сказочный міръ!—воскликнулъ поэтъ, бросаясь въ высокую траву.—Изъ тѣхъ кустовъ могло бы выглянуть плутоватое лицо Пука, на этихъ вѣтвяхъ качались бы эльфы, а изъ чащи показался бы Оберонъ съ Титаніей. Почему природа не можетъ быть нашей сценой, почему должны мы такъ много предоставлять воображенію зрителей, почему слова поэта не могутъ поясняться природой!

— Вотъ о чемъ вздыхаютъ поэты,—послышался глубокій голосъ за Шекспиромъ, лежавшимъ въ травѣ.

Шекспиръ вскочилъ въ испугѣ и увидѣлъ передъ собой пожилую даму въ богатомъ одѣяніи. По рыжеватымъ волосамъ, орлиному носу и умному лицу онъ тотчасъ узналъ королеву. Снявъ свой беретъ, Шекспиръ почтительно преклонилъ передъ ней колѣно.

Елизавета благосклонно смотрѣла на него; благородная осанка поэта, его мечтательные глаза, умное лицо, казалось, понравились ей, и послѣ долгой паузы она ласково сказала:

— Я, кажется, вспугнула и разогнала окружавшіе васъ образы Робина Гудфеллау и его спутниковъ? Кажется, вы упомянули также объ Оберонѣ? Развѣ вы хотите вывести на сцену эти прелестные образы?

— Это только слабая попытка! — отвѣтилъ въ смущеніи Шекспиръ.

— Желаю, чтобы она удалась вамъ, — продолжала королева.—Выбранный сюжетъ доказываетъ, что у васъ есть поэтическое дарованіе. Я рада буду видѣть на сценѣ вашу пьесу. Кто вы?

Поэтъ не успѣлъ отвѣтить, какъ одна изъ придворныхъ дамъ подошла къ королевѣ и что-то шепнула ей.

— Что вы говорите, лэди Ноттингэмъ? Это Вилліамъ Шекспиръ, тотъ талантливый поэтъ, съ которымъ мы давно желали познакомиться?.. Ахъ, дорогой сэръ, — продолжала Елизавета, обращаясь къ смущенному поэту,—какой счаст-

ливый случай, привелъ васъ сегодня сюда, въ мое любимое мѣстечко! Графъ Эссексъ, вѣроятно, уже сообщилъ вамъ, что завтра вы будете представлены мнѣ. Но хотя это случилось уже сегодня, мнѣ все-таки будетъ пріятно видѣть васъ завтра. Знаете вы Роберта Лонгсуорда?

— Знаю, ваше величество.

— Что вы скажете о немъ?—спросила Елизавета, устремивъ на поэта проницательный взглядъ.

— Онъ достойный уваженія джентльменъ, прошедшій суровую школу судьбы.

— Гм, этимъ не много сказано. А его вѣрный спутникъ мальчикъ Дикъ?—съ улыбкой спросила королева.

— Веселый шаловливый ребенокъ!—отвѣтилъ Шекспиръ.

— Такъ, такъ, у него большой сценическій талантъ? не такъ ли?

— Мнѣ кажется, онъ даровитъ.

— Всѣ ли поэты такъ осторожны въ своихъ отзывахъ?—улыбнулась Елизавета. — Я слышала о вашихъ сонетахъ. Не можете ли вы продекламировать намъ одинъ изъ нихъ? Можете выбрать изъ тѣхъ, которые не прославляютъ меня, потому что въ этомъ вамъ не превзойти Эдмунда Спенсера.

Поклонившись, Шекспиръ исполнилъ желаніе королевы.

— Вы, дѣйствительно, поэтъ,—сказала королева, выслушавъ декламацію.—Ваши стихи мнѣ нравятся, и вы можете прислать мнѣ ваши сонеты. Декламація и сценическая дѣятельность, вѣроятно, стоятъ у васъ на второмъ планѣ?

— Вы не ошиблись, ваше величество, — отвѣтилъ Шекспиръ.

— Я такъ и думала,—улыбнулась Елизавета.—Вы должны поручить Ричарду Бербэджу декламировать ваши стихотворенія, если хотите, чтобы они производили надлежащее впечатлѣніе,—это геніальный артистъ! А пока до свиданія! Нѣтъ, погодите,—добавила она.—На обратномъ пути вы пойдете,

вѣроятно, мимо Эссексъ-Кэстля? Въ такомъ случаѣ занесите отъ меня записку графу.

— Я передамъ ее его сіятельству лично,—сказалъ Шекспиръ.

— Ну, это сдѣлать трудно! — замѣтила королева.

— Нисколько, ваше величество, я пользуюсь благосклонностью графа и имѣю къ нему свободный доступъ.

— И сегодня?

— Да, я сегодня уже былъ у него.

— Вы сегодня видѣли графа Эссекса! когда? — строго спросила Елизавета.

— Два часа тому назадъ.

— Это невозможно!—воскликнула королева, обмѣнявшись взглядомъ съ лэди Ноттингэмъ. — Графъ извинился, что не можетъ явиться ко двору: ему нужно было уѣхать въ свое помѣстье.

Шекспиръ растерялся.

— Вѣроятно, что-нибудь помѣшало его отъѣзду, — пробормоталъ онъ.

Королева такъ проницательно посмотрѣла на него, что Шекспиръ невольно опустилъ глаза.

— Записка къ графу уже не нужна,—сказала королева.— Значитъ, завтра, мистеръ Шекспиръ, я васъ увижу. Если у меня будетъ время, вы прочтете мнѣ вашу сказку.

И, привѣтливо кивнувъ ему, королева удалилась съ своими придворными дамами.

Поэтъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ смѣшанными чувствами. Онъ чувствовалъ, что королева оказала ему великую честь, и въ памяти его воскресли блестящія празднества въ Кенильвортѣ, когда онъ мальчикомъ въ первый разъ увидѣлъ королеву. Въ то же время онъ не могъ отдѣлаться отъ щемящаго чувства, что невольно повредилъ человѣку, который относился къ нему благосклонно и подъ секретомъ сообщилъ

ему, что представленіе „Сонъ въ лѣтнюю ночь" закончитъ свадебное празднество, которое пока должно было остаться неизвѣстнымъ королевѣ. Кто былъ женихъ и невѣста поэтъ не зналъ.

Поэтъ въ душѣ горько упрекалъ себя за необдуманный отвѣтъ и совсѣмъ разстроенный вернулся въ городъ.

Въ Эссексъ-Кэстль собралось блестящее общество, и въ гардеробной актеры уже одѣвались къ спектаклю. При видѣ воплощенныхъ образовъ своей пьесы „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспиромъ снова овладѣло пріятное волненіе, и съ бьющимся сердцемъ ждалъ онъ начала представленія.

Но вотъ протрубили три раза, занавѣсъ раздвинулся, и началось представленіе его волшебной сказки. Небольшой, но избранный кружокъ слушателей внималъ словамъ поэта. Съ возрастающимъ интересомъ слѣдили зрители за развитіемъ пьесы, въ которой поэтъ далъ полный просторъ своему воображенію и въ формѣ сна смѣшалъ сказочный міръ съ дѣйствительностью.

На первомъ планѣ стоятъ двѣ пары влюбленныхъ: Гермія и Деметрій и Елена и Лизандръ, которыхъ окружаетъ невидимая для нихъ жизнь и дѣятельность маленькаго міра эльфовъ и фей. Король эльфовъ, Оберонъ, покровитель всѣхъ влюбленныхъ, устраняетъ возникшія между ними недоразумѣнія съ помощью шаловливаго эльфа Пука, которому во второй сценѣ второго дѣйствія поручаетъ отыскать волшебный цвѣтокъ:

Оберонъ.

Ты помнишь ли, однажды тамъ сидѣлъ
Я на мысу и слушалъ, какъ сирена,
Несомая дельфиномъ на хребтѣ,
Такъ хорошо, такъ сладко распѣвала,
Что пѣснь ея смирила ярость волнъ,
И звѣздочки со сферъ своихъ сбѣгали,
Чтобъ музыку сирены услыхать?

„Сонъ въ лѣтнюю ночь“ на сценѣ во времена Шекспира.

Пукъ.

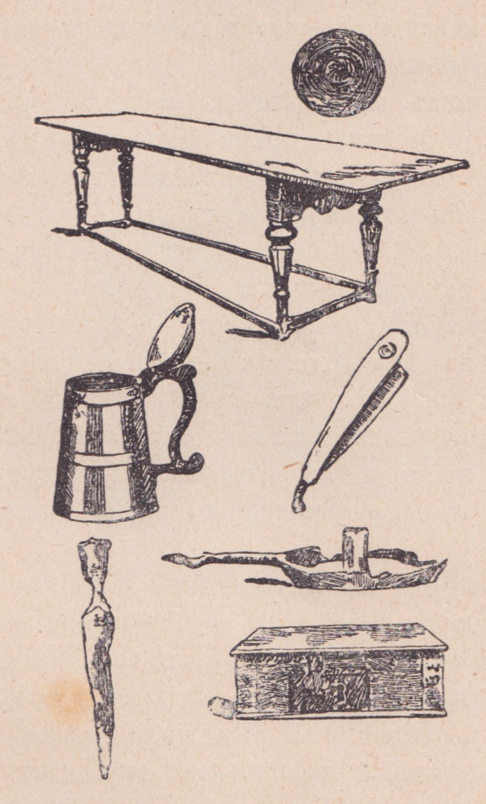
Да, помню.

Оберонъ.

Ну, въ то самое мгновенье
Я увидалъ,—но видѣть ты не могъ,—
Что Купидонъ во всемъ вооруженьи
Летѣлъ межъ хладною луною и землей
И цѣлился въ прекрасную весталку,
Которая на Западѣ царитъ.
Вдругъ онъ въ нее спустилъ стрѣлу изъ лука
Такъ сильно, что какъ будто былъ намѣренъ
Онъ не одно, а тысячъ сто сердецъ
Пронзить одной пылающей стрѣлой.
И что-жъ? Стрѣла, попавши въ хладный мѣсяцъ,
Потухла тамъ отъ дѣвственныхъ лучей.
И видѣлъ я, какъ царственная дѣва,
Свободная, пошла своимъ путемъ
И въ чистыя вновь погрузилась думы.
Однако, я замѣтилъ, что стрѣла
На западный цвѣтокъ, кружась, упала.
Онъ прежде былъ такъ бѣлъ, какъ молоко,
Но раненый любовію, отъ раны
Онъ сдѣлался пурпурнымъ. Всѣ дѣвицы
Любовью въ праздности его зовутъ.
Пойди, найди цвѣточекъ, — я тебѣ
Его траву показывалъ однажды.
Чьихъ вѣкъ, смеженныхъ сладкимъ сновидѣньемъ,
Коснется сокъ, добытый изъ него,
Тотъ влюбится, проснувшись, до безумья
Въ то первое живое существо,
Которое глазамъ его предстанетъ.

Когда Пукъ приноситъ ему волшебный цвѣтокъ, Оберонъ приказываетъ помазать сокомъ этого цвѣтка глаза влюбленныхъ, а самъ также пускаетъ этотъ сокъ въ глаза своей Титаніи—королевы эльфовъ, отказавшей дать ему въ пажи мальчика-пріемыша.

Пукъ по ошибкѣ смазываетъ глаза и Лизандру и Деемтрію. Поэтому не только Деметрій, но даже и ненавидѣвшій раньше Елену Лизандръ, влюбляются въ нее, а Титанія—въ простого парня, украшеннаго Оберономъ ослиной

Вещи Шекспира (съ фотографіи).

головой. Оберонъ исправляетъ ошибку Пука, и Гермія и Деметрій, а также Елена и Лизандръ сочетаются бракомъ.

Жизнь и дѣятельность маленькаго міра эльфовъ и фей, ихъ лукавыя продѣлки и забавы обрисованы съ такою неподражаемой живостью, что кажутся болѣе естественными

и возможными, чѣмъ Гермія, Деметрій, Лизандръ и Елена. Рядомъ съ этимъ міромъ фей и эльфовъ, безслѣдно снующихъ и скользящихъ во мракѣ ночи при блѣдномъ свѣтѣ луны, Шекспиръ, любящій рѣзкія противоположности, ставитъ грубую артель рабочихъ, желающихъ услужить Тезею, герцогу Аѳинскому, и ставящихъ пьесу по случаю его бракосочетанія съ Ипполитой.

Когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, въ залѣ раздались оглушительные крики восторга, и вызовамъ поэта не было конца. На устахъ его играла счастливая улыбка, и всѣ его сомнѣнія разсѣялись какъ дымъ.

Глубоко тронутый, Соутгэмптонъ поспѣшилъ къ нему на сцену и горячо обнялъ его.

— Я горжусь тобою, мой другъ!—воскликнулъ графъ,—твой волшебникъ Пукъ показалъ намъ не только продѣлки шаловливыхъ эльфовъ, онъ открылъ намъ неосязаемый поэтическій міръ, полный сказочныхъ сновидѣній.

Шекспиръ не могъ говорить отъ волненія и только улыбался сквозь слезы, отвѣчая на восторженные крики и рукоплесканія.

— Будь отнынѣ моимъ вторымъ духовнымъ *я*! — воскликнулъ Ричардъ Бербэджъ, стиснувъ его въ своихъ объятіяхъ.—Дозволь мнѣ заглянуть въ глубины твоей поэзіи, чтобы я, облагороженный ею, могъ воплощать чудесные образы твоихъ твореній. О, Вилліамъ, создай твоему Ричарду роли, и онъ приложитъ все свое искусство, чтобы достойно исполнить ихъ!

Бербэджъ сдержалъ свое слово, и еще въ наше время въ англійскомъ народѣ памятны созданные имъ на сценѣ образы Гамлета, Отелло и Короля Лира.

Соутгэмптонъ повелъ Шекспира въ залу, гдѣ къ нему подошли Эссексъ подъ руку съ лэди Уольсингэмъ; они горячо благодарили поэта. Присутствующіе присоединились къ

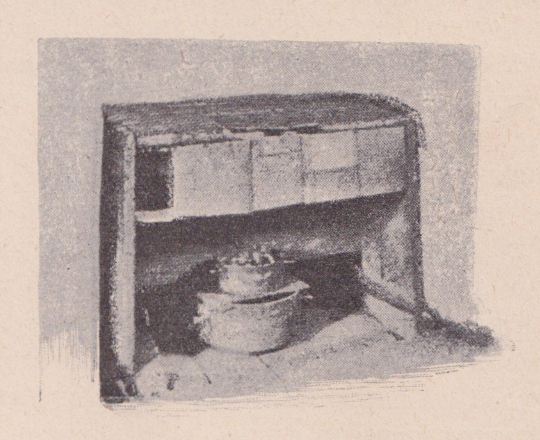
похваламъ, и осчастливленный поэтъ вернулся въ гардеробную, гдѣ его поджидалъ Бербэджъ.

— Ричардъ, теперь я знаю, что я поэтъ! — воскликнулъ Шекспиръ, бросаясь въ объятія друга.

Когда они вышли на улицу, Шекспиръ взялъ своего друга подъ руку и сказалъ:

— Я еще слишкомъ взволнованъ, чтобы идти домой.

— Такъ не пойти ли намъ въ „Стальную Голову“ или

Письменный столъ Шекспира (съ фотографіи).

въ „Кабанью Голову“,—предложилъ Бербэджъ.—Сегодня я пойду за тобой хоть на край свѣта!

— Ну, это было бы слишкомъ далеко, дорогой другъ,—возразилъ Шекспиръ, засмѣявшись.—У меня съ радости горло пересохло, и я охотно промочу его глоткомъ хорошаго вина.

— Такъ пойдемъ въ „Кабанью Голову“, — рѣшилъ Бербэджъ,—тамъ отличный сектъ! *).

*) Сектъ—виноградное вино; зрѣлый виноградъ развѣшиваютъ и сушатъ на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока вода въ ягодахъ не уменьшится на половину; этимъ сильно повышается содержаніе сахара и алкоголя въ ягодахъ.

— Пойдемъ!—воскликнулъ поэтъ,—и друзья подъ руку направились къ „Кабаньей Головѣ“.

Во времена веселой Англіи въ Лондонѣ бражничали изрядно. Эта привычка занесена была въ Англію изъ Нидерландовъ, и вскорѣ англичане нисколько не отставали въ этомъ отъ голландцевъ, датчанъ и нѣмцевъ.

Шекспиръ осуждалъ пьянство, но охотно посѣщалъ веселыя общества, собиравшіяся въ трактирахъ „Морская Дѣва“ и „Кабанья Голова“, гдѣ умѣренно участвовалъ въ пирушкахъ. Къ буйнымъ оргіямъ онъ питалъ отвращеніе и потому избѣгалъ пользовавшихся дурной славой трактировъ, гдѣ собирался всякій сбродъ. Обычнымъ мѣстомъ сборища веселой компаніи былъ трактиръ „Стальная Голова“, охотно посѣщавшійся лондонцами, которые знакомились здѣсь съ нѣмецкими нравами и яствами. Шекспиръ предпочиталъ заходить сюда по утрамъ, не въ самый разгаръ попоекъ. Тутъ онъ завтракалъ, съѣдая порцію икры и запивая ее рейнвейномъ, и въ то же время изучалъ разные типы и присматривался къ иноземнымъ обычаямъ и нравамъ, въ высшей степени интересовавшимъ такого знатока человѣческаго сердца, какъ Шекспиръ.

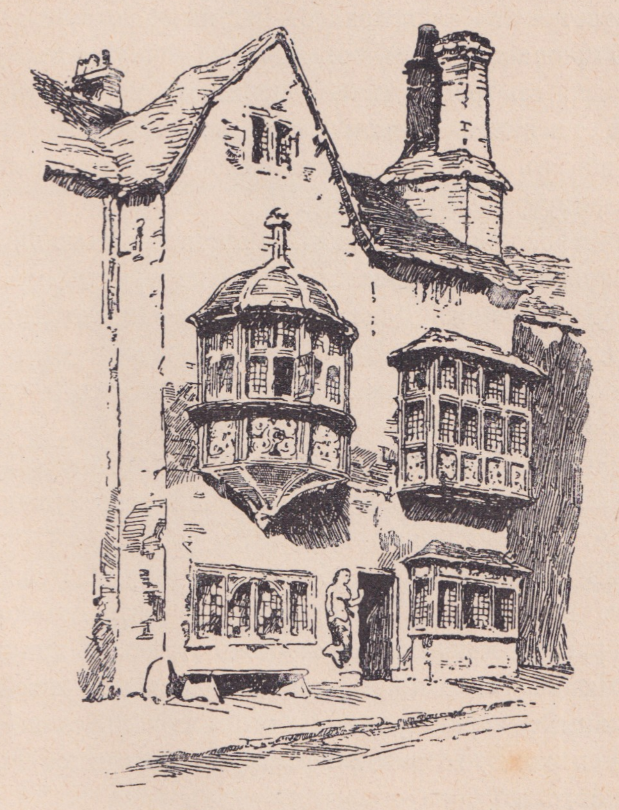
Вечера поэтъ проводилъ обыкновенно въ кругу знакомыхъ, собиравшихся въ „Морской Дѣвѣ“ или въ „Кабаньей Головѣ“, гдѣ иногда засиживался до глубокой ночи.

„Кабанья Голова“ находилась недалеко отъ Эссексъ-Кэстля, и друзья направились туда.

Помѣщеніе было небольшое и низкое; посрединѣ стоялъ большой столъ, за которымъ засѣдали члены клуба „Кабаньей Головы“; прислуживала имъ сама хозяйка.

Завсегдатаемъ и предсѣдателемъ этого клуба былъ молодой писатель Бенъ Джонсонъ. Хотя его драматическія сочиненія страдали недостаткомъ остроумія, самъ онъ оживлялъ и восхищалъ все общество своимъ юморомъ и ѣдкими

насмѣшками. Онъ былъ сынъ шотландскаго священника, рано потерялъ отца и, за недостаткомъ средствъ, не могъ окончить школы. Онъ участвовалъ въ походѣ во Фландрію, а по окончаніи войны вернулся въ Лондонъ, гдѣ занялся преимущественно передѣлкой старыхъ излюбленныхъ пьесъ.

Трактиръ „Морская Дѣва“.

Таково прошлое молодого писателя, предсѣдательствовавшаго въ клубѣ, собиравшемся въ „Кабаньей Головѣ“. Шекспира онъ не долюбливалъ и всегда избиралъ его цѣлью своихъ насмѣшекъ, когда отсутствовалъ веселый членъ клуба мистеръ Генри Чэттль.

Это былъ очень посредственный писатель, но юморъ и остроты этого добродушнаго толстяка заражали всѣхъ, а его шутки и привиранія вызывали всеобщій хохотъ. Онъ вралъ, какъ говорится, по печатному, и Шекспиръ охотно слушалъ его небылицы. Къ тому же у него была очень комичная внѣшность: толстая лысая голова съ жирнымъ лицомъ, посреди котораго крошечный носъ походилъ на точку надъ буквой і, красовалась съ тройнымъ подбородкомъ на короткой жирной шеѣ, такъ что, казалось, она покоилась на огромной бочкѣ, ибо съ таковой можно было сравнить необычайно тучную фигуру Генри Чэттля.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ незначительныхъ писателей, въ „Кабаньей Головѣ" находился также Христофоръ Марло, споривщій съ Беномъ Джонсономъ о своей трагедіи „Мальтійскій Еврей".

— Ваша драма не лишена поэзіи, но самой сущности трагедіи вы себѣ еще не усвоили.

— Критика молокососа не можетъ обидѣть меня,—возразилъ Марло съ свойственнымъ ему дикимъ смѣхомъ.—Пожалуй, что потрясающія сцены въ моей пьесѣ слѣдуютъ слишкомъ быстро одна за другой и потому не производятъ должнаго впечатлѣнія на зрителей, но зато главное лицо, еврей Варрава, собирающійся жестоко отомстить христіанамъ за гоненія своихъ единовѣрцевъ, поражаетъ зрителей своимъ сильнымъ характеромъ. Если бы моя пьеса не пользовалась успѣхомъ, то развѣ всѣ труппы стали бы давать ее каждую недѣлю?

— Ее даютъ за неимѣніемъ лучшей!—посмѣивался Джонсонъ.

— Такъ возьмитесь сами за перо и напишите что-нибудь лучше, а если можете такъ получше Шекспира!—воскликнудъ Марло, указывая на входящаго съ Бербэджемъ поэта.

— Тише, господа!—раздался сильный голосъ мистера

Чэттля, котораго въ клубѣ всѣ называли сэромъ Джономъ.—Клянусь небесами, мнѣ нуженъ покой!

— Мнѣ кажется,—засмѣялся Джонсонъ,—что нашъ толстякъ страдаетъ меланхоліей послѣ своего послѣдняго пораженія.

— О, я ужасно исхудалъ! Посмотрите, какъ я изсохъ!—жаловался Чэттль, съ притворною грустью ощупывая свой жирный животъ.—Кожа виситъ на мнѣ, какъ платье на муміи, и весь я сморщился, какъ печеное яблоко!

Попойка въ шинкѣ (съ древней гравюры).

— Мы съ вами выпьемъ пару бутылокъ секта, сэръ Джонъ, — сказалъ Шекспиръ, садясь съ Бербэджемъ за столъ,—это вдохновитъ васъ и снова поставитъ на ноги!

— На ноги?—повторилъ толстякъ.—Ошибаетесь! Мое вдохновеніе не въ ногахъ! Но я съ удовольствіемъ помогу вамъ осушить бутылку! Эй, добрая пивная бочка, — крикнулъ онъ хозяйкѣ,—отворите шлюзы вашего погреба, пусть сектъ польется сюда рѣкою!

— Заплатите мнѣ сначала вашъ долгъ,—сухо отвѣтила хозяйка.

Чэттль собирался что-то отвѣтить, но хозяйка уже вышла, чтобы принести вино Шекспиру.

— Что вы смотрите сегодня такимъ звѣремъ, сэръ Джонъ? —смѣясь спросилъ Бербэджъ.

— Я не могу забыть позорнаго пораженія! — отвѣтилъ Чэттль, перебирая пальцами свой тройной подбородокъ.

— Мы ничего не слышали объ этомъ,—возразилъ Шекспиръ, желая возбудить словоохотливость стараго болтуна. Этимъ поэтъ хотѣлъ избѣжать вопросовъ о представленіи своей новой пьесы, вѣсть о которомъ, несмотря на всю таинственность его, уже проникла въ этотъ художественный кружокъ, и если Джонсонъ еще не заговорилъ объ этомъ, то только потому, что веселыя, довольныя лица Шекспира и Бербэджа свидѣтельствовали, что пьеса увѣнчалась успѣхомъ.

Хозяйка принесла сектъ, и Чэттль тотчасъ налилъ себѣ бокалъ, сказавъ:

— Сначала я долженъ утолить мою досаду этимъ благороднымъ напиткомъ!

Джонсонъ сталъ колко подсмѣиваться надъ нимъ, а толстякъ не оставался въ долгу и своими остроумными отвѣтами вызывалъ общій хохотъ.

— Какое же у васъ было приключеніе, сэръ Джонъ? — спросилъ Шекспиръ.

— Приключеніе? — повторилъ съ досадой толстякъ. — Чтобы имъ провалиться, этимъ трусамъ! Исчезла храбрость съ лица земли! У меня пересохло горло. Дайте мнѣ еще стаканъ секта! Чтобъ мнѣ пусто было, если я что-нибудь пилъ сегодня.

— Вретъ и не поперхнется! — засмѣялся Джонсонъ. — Смотрите, вѣдь онъ не успѣлъ еще отереть себѣ губы послѣ выпитаго стакана!

— Не въ томъ дѣло,—проворчалъ толстякъ, снова осушая стаканъ и обращаясь къ Шекспиру и Бербэджу,—Не-

давно ночью шелъ я вотъ съ этими трусами домой; они попросили меня спѣть веселую пѣсню, и я согласился. Къ несчастью, мой громовой басъ разбудилъ ночныхъ сторожей. Они бросились на насъ съ пиками, веревками, и — чтобъ всѣмъ трусамъ пусто было!—всѣ мои товарищи дали тягу. Одинъ Марло остался и храбро бился со мною противъ цѣлой сотни враговъ!

— Противъ цѣлой сотни, сэръ Джонъ?—спросилъ Шекспиръ, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки.

— Провались я, если ихъ было меньше двадцати,—увѣрялъ толстякъ. — Я спасся только чудомъ отъ ихъ когтей! Моя шпага превратилась въ пилу отъ ударовъ враговъ. Ecce signum! Вотъ смотрите!—и вытащивъ шпагу изъ ноженъ, онъ показалъ ее своимъ слушателямъ.

— Нашей мясной тушѣ стоило много труда нарубить на своей шпагѣ зазубрины!—смѣялся Джонсонъ.

— Держите языкъ за зубами!—гнѣвно крикнулъ Чэттль.— Чтобъ чума побрала всѣхъ трусовъ! Теперь разсказывайте вы, Марло, но если вы прибавите или убавите что-нибудь, я прямымъ путемъ отправлю васъ въ адъ!

— Правда, на насъ напало человѣкъ шесть ночныхъ сторожей...—началъ Марло.

— Ихъ было по крайней мѣрѣ двѣнадцать, дорогой Христофоръ,—вставилъ Чэттль.—Потомъ мы связали ихъ...

— Нѣтъ, Джонъ, мы не вязали ихъ, — возразилъ Марло.

— Связали, связали! Вы все забыли, Марло! Мы разогнали бы всѣхъ, если бы къ нимъ не подоспѣла подмога, и тутъ всѣ набросились на меня.

— И вы сражались со всѣми? — прервалъ Бербэджъ.

— Да, со всѣми; ихъ было по крайней мѣрѣ пятьдесятъ,—увѣрялъ сэръ Джонъ.

— Надѣюсь, вы никого не убили? — подсмѣивался Шекспиръ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ двухъ новыхъ посѣтителей; одинъ былъ извѣстный писатель Робертъ Гринъ, бывшій священникъ въ Толлесбэри. Онъ занимался литературой ради наживы и, ведя безпутную жизнь, часто нуждался въ деньгахъ; вотъ почему онъ осмѣлился сегодня ввести въ клубъ человѣка, появленіе котораго возбудило всеобщее недовольство: всѣ переглянулисъ, а Марло тотчасъ вышелъ изъ-за стола и отошелъ къ камину.

— Господа, я привелъ гостя,—началъ Гринъ, указывая на своего спутника.— Сэръ Гриди—поклонникъ поэзіи.

— Во всякомъ случаѣ нѣкоторые изъ васъ, господа, по опыту знаютъ, что я охотно поощряю талантъ! — сказалъ Гриди съ непріятной улыбкой.

— Да, да, — проворчалъ Чэттль, также задолжавшій Гриди,—сначала поощряетъ, а потомъ деретъ съ нихъ шкуру.

Это замѣчаніе не ускользнуло отъ Гриди.

— Ваше лицо даже лоснится отъ жиру, — сказалъ онъ язвительно.—Это доказываетъ, что вы питаетесь по-лукулловски! Скажите, кому вы обязаны этимъ?

— Я плохо слышу, когда вѣтеръ дуетъ съ запада,—сказалъ Чэттль, отворачиваясь.

Гриди презрительно засмѣялся и обратился къ сидѣвшимъ за столомъ:

— Прошу у почтенныхъ членовъ клуба „Кабаньей Головы“ позволенія занять мѣсто за столомъ.

Онъ оглянулъ всѣхъ своимъ наглымъ взглядомъ, но никто не удостоилъ его приглашенія садиться. Видя это, Гринъ пододвинулъ ему стулъ.

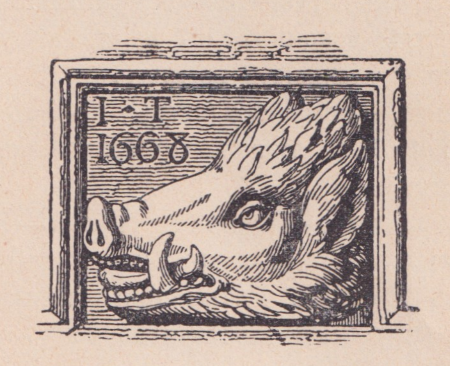
Марло не забылъ своей встрѣчи съ Гриди въ трактирѣ „Мореплаватель“ и съ тѣхъ поръ жаждалъ случая отомстить ему за его наглость и высокомѣріе. Онъ все еще неподвижно стоялъ у камина, но по лицу его видно было, что онъ съ трудомъ сдерживалъ свою злобу.

Вдругъ онъ подошелъ къ Грину и, опустивъ руку на его плечо, сказалъ:

— До сихъ поръ я былъ усерднымъ членомъ нашего клуба. Къ нему принадлежатъ только честные образованные люди, умѣющіе цѣнить искусство и поэзію. Вы же, Робертъ Гринъ, сегодня осквернили нашъ прекрасный клубъ!.

— Какъ можете вы это говорить, Марло! — прервалъ его въ смущеніи Гринъ.

— Да, осквернили, — повторилъ поэтъ, повышая голосъ. — Какіе чудные вечера мы проводили здѣсь! Какіе

Вывѣска трактира „Кабанья Голова“.

горячіе споры и какой плодотворный обмѣнъ мыслей происходили здѣсь!... Но теперь всему этому насталъ конецъ, и гладкое какъ зеркало озеро превратилось въ гнилое болото!

— Правда, въ настоящее болото! — вскричалъ Чэттль, — и мнѣ кажется, что я превратился въ блуждающій огонекъ на немъ.

— Погасите его сектомъ, — сказалъ Шекспиръ, наполняя бокалъ сэра Джона.

Марло окинулъ обоихъ гнѣвнымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Я выхожу изъ членовъ клуба, правила котораго на-

рушаются такъ нахально. Одинъ Гринъ виноватъ въ томъ, что поэзія и искусство покидаютъ насъ! Онъ дозволилъ себѣ ввести въ нашъ кружокъ недостойнаго, низкаго человѣка!

— Пра̀вда, правда!—прервалъ его снова сэръ Джонъ.— Я тоже выхожу изъ клуба и поступаю въ монастырь.

— Молчать, презрѣнная бочка! — загремѣлъ Марло. — Держи языкъ за зубами, когда дѣло касается мужества и чести. Слушайте, Робертъ Гринъ! — вскричалъ онъ, гнѣвно потрясая кулаками, — меня сильно подмываетъ изгнать отсюда чорта, котораго вы ввели къ намъ сегодня.

Гриди, все время презрительно усмѣхавшійся, при послѣднихъ словахъ вскочилъ съ мѣста и устремилъ на смѣльчака полный ненависти взглядъ.

— Другъ мой, — сказалъ Гринъ, — я васъ не понимаю. Гость, котораго я ввелъ сюда, достойный человѣкъ и другъ поэзіи и искусства.

— Стыдитесь лгать!—закричалъ Марло. — Какъ всѣ мы, такъ и вы отлично знаете, что этотъ человѣкъ самый наглый ростовщикъ въ Лондонѣ! Его жалкій умишка направленъ только на то, какъ бы обобрать и погубить своихъ ближнихъ! Что̀ понимаетъ этотъ воплощенный порокъ въ поэзіи и искусствѣ!.. Вонъ отсюда, подлая душа! Вонъ изъ этой комнаты! Намъ придется окурить ее, чтобы въ ней не осталось слѣда твоего ядовитаго дыханія!

И Марло повелительно указалъ на дверь. Гриди выхватилъ шпагу и бросился на поэта, а тотъ, въ свою очередь, быстро обнажилъ свою. Противники съ ожесточеніемъ напали другъ на друга, и удары посыпались съ такою силою, что никто не рѣшался подступиться, чтобы разнять ихъ.

Сэръ Джонъ убѣжалъ въ дальній уголъ, не забывъ захватить съ собою стаканъ и бутылку съ сектомъ. Хозяйка выбѣжала на улицу звать полицію. Бенъ Джонсонъ и другіе члены клуба также отступили, и только Шекспиръ и

Смерть поэта Марло.

Бербэджъ выжидали минуты, чтобы броситься между противниками.

Между тѣмъ борьба становилась ожесточеннѣе, и Марло нанесъ уже своему противнику нѣсколько легкихъ ранъ. Убѣдившись, что онъ имѣетъ дѣло съ опаснымъ противникомъ, Гриди сдѣлалъ ложный выпадъ, принудивъ этимъ противника сдѣлать отбой и обнажить себя, а затѣмъ, воспользовавшись своею хитростью, онъ глубоко вонзилъ шпагу въ грудь Марло. Поэтъ поблѣднѣлъ какъ полотно и, опустивъ шпагу, упалъ на руки Бербэджа.

Съ минуту Гриди стоялъ, наслаждаясь своей побѣдой, а затѣмъ бросился бѣжать; но въ это время явилась хозяйка съ полицейскими, которые тотчасъ схватили убійцу.

Шекспиръ и Бербэджъ осторожно положили смертельно раненаго поэта на полъ, поддерживая его голову. Марло въ послѣдній разъ открылъ глаза, взглянулъ на Шекспира и произнесъ:

Сломилась вѣтвь, чтò къ облакамъ стремилась,
Сорванъ отпрыскъ съ лавровъ Аполлона!..

То были заключительныя слова хора въ произведеніи Марло „Фаустъ", и эти же слова стали послѣдними словами молодого поэта.

— Миръ праху твоему, бѣдный Марло! — прошепталъ Шекспиръ, цѣлуя въ лобъ умирающаго.—Ахъ, Ричардъ! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ другу,—какъ все въ этомъ мірѣ измѣнчиво, какъ играетъ нами судьба!

— Художникъ и поэтъ долженъ до дна испить горькую чашу,—возразилъ потрясенный Бербэджъ, — чтобы счастье не сдѣлало его гордымъ, и чтобы онъ не падалъ духомъ при видѣ горя и страданія.

— Это несчастье случилось слишкомъ неожиданно для меня,—отвѣчалъ Шекспиръ убитымъ голосомъ,—меня какъ

бы столкнули съ высоты человѣческаго счастья въ пучину безутѣшнаго горя.

— Поэтому уходи отсюда,—сказалъ Бербэджъ,—предоставь мнѣ позаботиться объ усопшемъ товарищѣ.

Шекспиръ глубоко вздохнулъ и, поднявъ голову, увидѣлъ мрачное лицо Гриди, котораго уводила полиція. Всѣ члены клуба уже ушли, сообщивъ начальнику полиціи подробности поединка.

Такъ кончился этотъ вечеръ, начавшійся такъ весело. Отвратительная фигура Гриди напоминала Шекспиру мрачную судьбу, которую человѣкъ нерѣдко самъ навлекаетъ на себя. Ужасный контрастъ недавняго счастья, смѣнившагося глубокимъ горемъ, такъ сильно поразилъ впечатлительнаго Шекспира, что онъ согласился покинуть это несчастное мѣсто, чтобы на свѣжемъ ночномъ воздухѣ дать успокоиться своимъ взволнованнымъ чувствамъ.

Безцѣльно бродилъ поэтъ по безлюднымъ улицамъ. Луна ярко сіяла, освѣщая дорогу. Но въ каждомъ темномъ углу воображеніе рисовало ему блѣдное лицо убитаго Марло и надменныя жесткія черты лица его убійцы.

— Такимъ изображу я свирѣпаго Тибальда, — прошепталъ Шекспиръ содрогаясь.

И забывъ все окружающее, онъ погрузился въ прекрасный міръ поэзіи. Предъ нимъ снова предсталъ шаловливый Пукъ съ плутовской улыбкой, и вмѣстѣ съ этимъ эльфомъ поэтъ перенесся въ сказочный міръ. Сначала предъ нимъ еще мелькали среди свѣтлыхъ образовъ мрачныя видѣнія, но мало-помалу и они вступили въ кругъ его творческаго генія. Онъ вспомнилъ трогательный разсказъ о Ромео и Юліи, и зловѣщая фигура Гриди мало-по-малу приняла образъ жаждавшаго крови Тибальда. Воздушные образы „Сна въ лѣтнюю ночь“ смѣнились образами великой „Пѣсни любви“, какъ онъ называлъ трогательную исторію Ромео и Юліи, и, вспомнивъ

снова убитаго Марло, онъ создалъ для этой трагедіи новое лицо.

„Бѣдный Марло былъ буйный малый, — думалъ Шекспиръ,—но онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ. Его погубила несчастная страсть заводить ссоры. Этимъ недостаткомъ я надѣлю молодого, жизнерадостнаго юношу въ моей трагедіи. Такимъ образомъ я хоть отчасти стряхну съ себя печальныя воспоминанія этой ночи. Моего милаго забіяку я назову Меркуціо, а Гриди въ противоположность ему будетъ Тибальдомъ. У обоихъ страсть затѣвать ссоры; но въ то время какъ у жизнерадостнаго Меркуціо эта страсть происходитъ отъ избытка силъ, въ мрачномъ мстительномъ Тибальдѣ зритель увидитъ только низкую душу, ослѣпленную ненавистью. Кромѣ того мой Меркуціо будетъ обладать поэтическими наклонностями, и сказочный міръ не будетъ ему чуждъ.

Вспомнивъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, Шекспиръ съ восхищеніемъ воскликнулъ:

— Мой Меркуціо разскажетъ прекрасную сказку, ужъ я ее придумаю для него!

Мало-по-малу поэтомъ овладѣло болѣе радостное настроеніе, а когда звѣзды померкли, луна скрылась и наступающій день разогналъ ночныя тѣни, ему показалось, что все пережитое имъ вечеромъ было не что иное какъ сонъ.

Однако, онъ не забылъ своего обѣщанія, даннаго Роберту и Дику, и, когда взошло солнце, направился въ лабиринтъ Блэкфрайрскихъ улицъ къ дому дѣдушки Тимоти.

Люси отворила ему дверь и очень обрадовалась, что высокочтимый ею поэтъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ скромный домъ ея дѣдушки.

— Сэръ Лонгсуордъ и Дикъ уже ждутъ васъ, мистеръ Шекспиръ, — сказала она входившему поэту.

— Да благословитъ Господь вашъ приходъ! — воскликнулъ сѣдой Тимоти, — я никакъ не ожидалъ, что когда

нибудь удостоюсь высокой чести привѣтствовать васъ у себя.

— Полноте!—засмѣялся Шекспиръ,—вы принимаете меня такъ, какъ будто я принадлежу къ самому высшему обществу.

Робертъ и Дикъ поспѣшили къ поэту и, сердечно пожимая ему руки, поздравили его съ необычайнымъ успѣхомъ вчерашняго вечера.

— Благодарю васъ, друзья, — сказалъ со вздохомъ поэтъ, — но этотъ вечеръ кончился очень печально.

— Неужели съ вами случилось несчастье? — спросилъ озабоченно Тимоти.

Шекспиръ не могъ тотчасъ отвѣчать. Горесть овладѣла имъ. Но наконецъ онъ пересилилъ себя и разсказалъ о печальной кончинѣ Марло.

— Миръ праху его! — сказалъ Тимоти. — Наша сцена многимъ обязана ему.

При этой вѣсти у Роберта и Дика съ новой силой вспыхнула злоба противъ Гриди.

— Ну, теперь наконецъ негодяй будетъ достойно наказанъ!—воскликнулъ Робертъ.

— Надѣюсь, что его схватили?—спросилъ Дикъ.

Шекспиръ молча кивнулъ головой. Въ его душѣ снова возсталъ блѣдный образъ Марло, и онъ глубоко задумался надъ чудесной перемѣной, которую произвела смерть въ лицѣ покойнаго.

— Пойдемте, — сказалъ онъ наконецъ, — мы должны во время явиться въ Уайтголль.

— Куда уѣзжаетъ королева?—спросилъ Робертъ.

— На вашу родину, въ Бедфордъ, на соколиную охоту,— отвѣчалъ Шекспиръ.

Поэтъ простился съ старымъ Тимоти и его прелестной внучкой и направился вмѣстѣ съ Робертомъ и Дикомъ къ королевскому замку.

На дворѣ Уайтголля все уже было въ движенiи. Множество сокольничихъ становилось въ ряды. Пажи держали подъ уздцы иноходца королевы и горячихъ коней ея свиты. Часть тѣлохранителей стояла шпалерами, а два маленькихъ пажа устилали коврами дорогу къ иноходцу королевы.

Офицеръ-тѣлохранитель хотѣлъ-было преградить входъ во дворъ Шекспиру и его спутникамъ, но тотчасъ вѣжливо

Дворъ начальной школы.

пропустилъ ихъ, когда поэтъ сказалъ, что они явились сюда по приказанiю ея величества. Шекспиръ съ своими спутниками сталъ въ сторонѣ; ждать имъ пришлось недолго. Загремѣли трубы, возвѣщавшiя приближенiе королевы, и пажи и солдаты отдали честь. Вслѣдъ затѣмъ подъ широкими воротами появилась Елизавета. Длинный шлейфъ ея зеленаго бархатнаго платья съ высокимъ стоячимъ воротникомъ несли

два пажа. Рядомъ съ Елизаветой шелъ графъ Эссексъ, на его руку опиралась королева, а за нею слѣдовали придворныя дамы въ сопровожденіи толпы придворныхъ.

Замѣтивъ поэта, Елизавета знакомъ подозвала его и, указывая на его спутниковъ, милостиво спросила:

— Это молодой Лонгсуордъ, а мальчикъ рядомъ съ нимъ тотъ знаменитый геній?

Шекспиръ поклонился.

— Скажите, мистеръ Шекспиръ, — продолжала Елизавета,—работаете ли вы, поэты, также по ночамъ?

— Это зависитъ отъ настроенія, ваше величество.

— Если ваше настроеніе такое же, какъ у меня, то вы за послѣдніе двѣнадцать часовъ должны были много сочинить. Я была очарована сказочнымъ міромъ вашей пьесы и даже видѣла его во снѣ. Когда надѣетесь вы окончить эту пьесу?

— Я уже окончилъ ее, ваше величество,—отвѣтилъ въ смущеніи Шекспиръ, украдкой взглянувъ на графа Эссекса.

— Въ такомъ случаѣ лордъ-камергеръ долженъ озаботиться скорѣйшей постановкой ея на сценѣ. Теперь представьте мнѣ молодого Лонгсуорда.

По знаку Шекспира юноша приблизился и преклонилъ колѣно передъ королевой.

Елизавета благосклонно взглянула на благородную фигуру юноши и шепнула Эссексу:

— Грустно видѣть, когда красота и юность страдаютъ подъ гнетомъ тяжелой судьбы! — и, обращаясь къ Роберту, она сказала:—Приказъ Звѣздной Палаты о вашемъ арестѣ отмѣненъ.

— Благодарю, ваше величество!

— Что будете вы безъ средствъ дѣлать въ Лондонѣ?

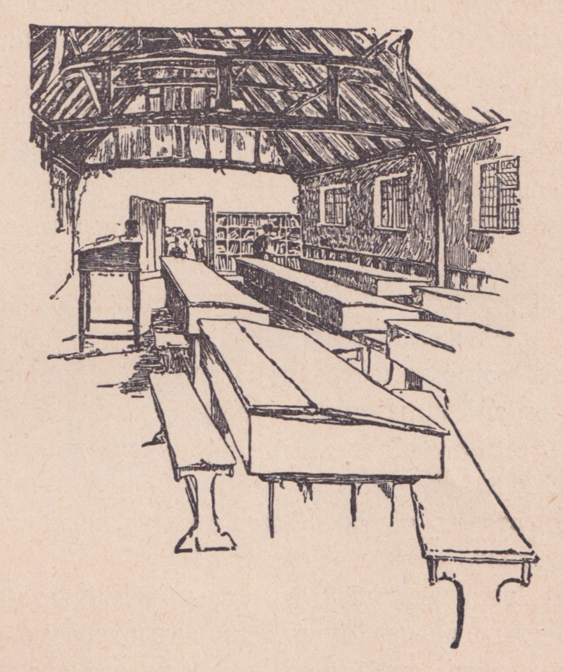
— Богъ заботится о всѣхъ. Онъ и меня не забудетъ.

— Вы размышляете благочестиво, — сказала Елизавета,

устремивъ на Лонгсуорда проницательный взглядъ. — Можетъ быть, вы тоже того мнѣнія, что государи нерѣдко помогаютъ нуждающимся?

— Это возможно,—отвѣчалъ Робертъ,—однако, мой бѣдный отецъ безвинно умеръ въ тюрьмѣ.

— Вашъ упрекъ ко мнѣ не можетъ относиться, — гордо

Классная комната во времена Шекспира.

возразила королева. — Отецъ вашъ не искалъ у меня защиты, и я не отвѣчаю за постановленія Звѣздной Палаты.

Эссексъ сдѣлалъ Лонсуорду знакъ перемѣнить разговоръ, и послѣдній продолжалъ:

— Я пріѣхалъ въ Лондонъ отомстить врагу моего отца, но это уже излишне: сегодня ночью Гриди попалъ въ руки мірского правосудія.

— Выражайтесь яснѣе, сэръ,—сказала Елизавета.

Шекспиръ разсказалъ о кровавомъ происшествіи минувшей ночи.

— Я не знала лично творца „Тамерлана“ и „Мальтійскаго Еврея“,—сказала задумчиво королева,—но видѣла его пьесы. Въ его поэзіи много смутнаго, неудержимаго, и она напоминаетъ бурный горный потокъ, нарушающій покой мирной долины. Но Провидѣніе надѣлило его высокимъ незамѣнимымъ даромъ. Всякое убійство преступленіе, но подобное убійство потрясаетъ всѣхъ, кто чтитъ поэзію и искусство. Этотъ негодяй Гриди дорого заплатитъ за убійство такого даровитаго поэта.

Елизавета только что собиралась подозвать къ себѣ Дика, съ трепетомъ ожидавшаго своей очереди, какъ во дворъ вступилъ шерифъ съ отрядомъ полицейскихъ, среди которыхъ находился арестованный Гриди.

Королева устремила строгій взглядъ на приближавшуюся группу и вдругъ крикнула шерифу:

— Какъ смѣете вы вводить убійцу во дворъ королевскаго замка?

Шерифъ отдалъ честь своимъ бѣлымъ жезломъ и почтительно отвѣтилъ.

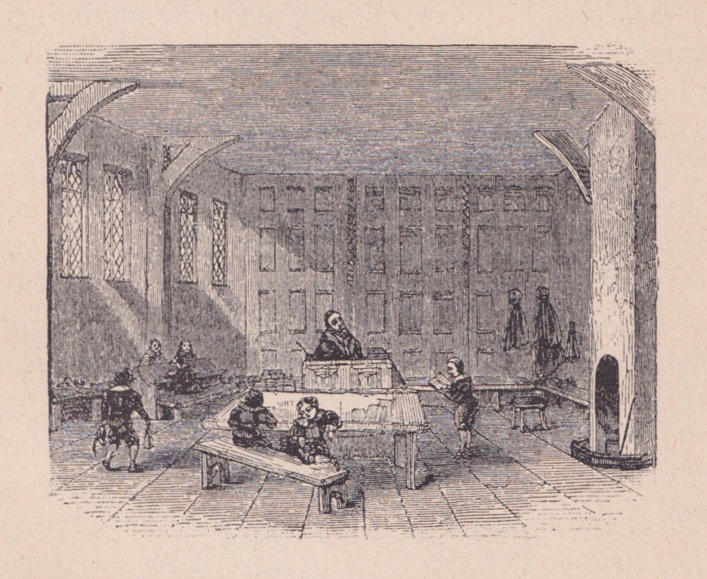
— Сэръ Гриди заявилъ, что знаетъ важную тайну, очень интересующую ваше величество, но онъ откроетъ ее только съ условіемъ, что ему будетъ дарована свобода.

Елизавета злобно разсмѣялась, но не могла преодолѣть своего любопытства. Замѣтивъ ея колебаніе, Эссексъ попытался уговорить ее не соглашаться на требованіе Гриди.

— Если ваше величество допустите къ себѣ презрѣннаго преступника,—говорилъ онъ, —вы обязаны будете исполнить его требованіе, хотя бы тайна его оказалась ничтожной, потому что уже одна близость вашего величества даетъ право на милость и пощаду.

— Однако, какъ вы краснорѣчивы, графъ, — сказала насмѣшливо королева, — можно даже подумать, что вы опасаетесь показаній этого Гриди.

Эссексъ презрительно усмѣхнулся, зная о подозрѣніи, возникшемъ въ душѣ Елизаветы послѣ неосторожныхъ словъ Шекспира о пребываніи его въ Лондонѣ. Королева обернулась къ своимъ придворнымъ дамамъ и, подозвавъ

Классная комната до Реставраціи.

лэди Ноттингэмъ, обмѣнялась съ ней нѣсколькими словами. Краткіе отвѣты лэди, привели, повидимому, и безъ того взволнованную королеву въ какое-то раздраженіе, и она приказала подвести къ себѣ арестованнаго, устремивъ въ то же время пытливый взглядъ на графа Эссекса.

Гриди попросилъ выслушать его наединѣ, и королева исполнила его желаніе, приказавъ всѣмъ отойти.

— Прежде всего я долженъ сознаться вашему вели-

честву,—началъ, преклонивъ колѣно, Гриди,—что искренно раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Однако, у меня есть свидѣтели, готовые подтвердить, что я былъ оскорбленъ Христофоромъ Марло, и честь моя требовала вызвать его на поединокъ. Мы честно бились, и ему суждено было пасть. Наши законы не запрещаютъ поединковъ, а потому я не убійца. Я знаю, что судьи должны вернуть мнѣ свободу, какъ только все это будетъ доказано, но я прошу ваше величество теперь же вернуть мнѣ свободу; даю честное слово дворянина не выѣзжать изъ Лондона, пока судъ не рѣшитъ моего дѣла.

Обладавшая юридическими знаніямн королева поняла, что право на сторонѣ Гриди. Поэтому она тѣмъ охотнѣе рѣшилась исполнить его просьбу, обязавъ его этимъ открыть свою тайну.

— Хорошо, вы будете свободны до разбора вашего дѣла на судѣ. Что вы хотѣли мнѣ сообщить?—сказала она послѣ короткаго размышленія.

Гриди шепнулъ королевѣ всего нѣсколько словъ, но они произвели на нее потрясающее впечатлѣніе.

Елизавета громко вскрикнула и судорожно сжала руки.

Когда графъ Эссексъ и свита королевы озабоченно подбѣжали къ ней, она обратилась къ нему со словами:

— Ступайте домой къ вашей женѣ! Здѣсь вамъ не зачѣмъ долѣе оставаться! Прочь отсюда! — повторила она, гнѣвно топнувъ ногой и многозначительно взглянувъ на лэди Ноттингэмъ.

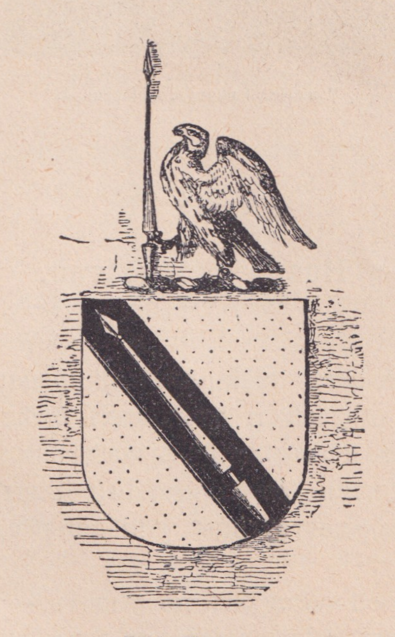
Бросивъ свое охотничье копье стоявшему вблизи пажу, она приказала шерифу освободить арестованнаго и поспѣшно вернулась во дворецъ.

Во дворѣ осталась пораженная изумленіемъ свита. Тутъ же стоялъ Шекспиръ съ своими спутниками. Почувствовавъ

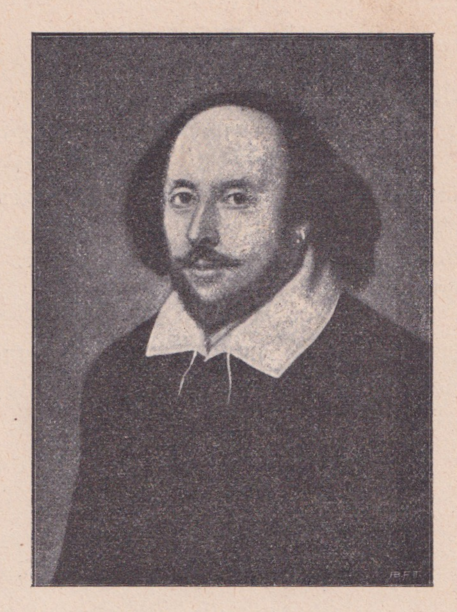
вдругъ крѣпкій ударъ по плечу, онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою шута Гэнсдона, который съ хохотомъ запѣлъ:

Съ плачемъ звѣрь раненый молитъ у всѣхъ
Свободы и рветъ свои сѣти,
Здѣсь горе и слезы, тамъ радость и смѣхъ
Таковъ ужъ порядокъ на свѣтѣ.

Шута лорда Гэнсдона всегда можно было видѣть во дворѣ королевскаго замка, когда господинъ его находился въ бюро казначейства.

Гербъ Шекспира.

Чэндосскій портретъ Шекспира.

ГЛАВА VII.

Новое творчество.

Земные останки Марло были преданы землѣ, и горе его друзей и знакомыхъ смѣнилось негодованіемъ и озлобленіемъ, когда они узнали объ освобожденіи отъ наказанія убійцы поэта, который съ торжествующей улыбкой расхаживалъ по городу.

— Но отъ моей мести онъ не уйдетъ, — говорилъ Лонгсуордъ Шекспиру, возвращаясь съ нимъ и съ Дикомъ съ похоронъ Марло.

— Предоставьте месть Небу—сказалъ поэтъ,—повѣрьте мнѣ, что наказаніе послѣдуетъ еще здѣсь на землѣ. Правда,

мы бываемъ рѣдко свидѣтелями кары Божіей, но тѣмъ не менѣе она постигнетъ Гриди. Я поясню вамъ это примѣромъ. Въ настоящее время я разрабатываю исторію двухъ родовъ; они до того ненавидѣли другъ друга, что не стѣснялись въ выборѣ средствъ для своей мести. Вражда эта передавалась отъ одного поколѣнія къ другому, пока наконецъ Провидѣніе не наказало оба рода въ лицѣ ихъ дѣтей, безумно полюбившихъ другъ друга. Всѣ увѣщанія и угрозы родителей и родныхъ не привели ни къ чему; такъ какъ молодые люди не могли соединиться при жизни, ихъ соединила смерть. Убитые горемъ, стояли родители у гроба своихъ дѣтей и, признавъ въ этомъ несчастьи карающую руку Бога, они подавили свою ненависть и примирились. Такъ наказываетъ Господь людей за ихъ неправыя дѣла, и такъ безъ вашего содѣйствія наступитъ часъ наказанія Гриди.

Робертъ отъ всего сердца пожалъ руку поэта.

— Отчего вы такъ грустны?—спросилъ его Шекспиръ.

— Меня озабочиваетъ моя будущность,—вздохнувъ сознался Робертъ. — Я надѣялся, что Эссексъ выхлопочетъ мнѣ при дворѣ какое-нибудь подходящее мѣсто. Но неожиданная развязка аудіенціи разрушила всѣ мои надежды, и я опасаюсь, что королева будетъ относиться неблагосклонно ко мнѣ, какъ къ протеже Эссекса.

— Взгляните на меня, сэръ Лонгсуордъ, — заговорилъ Дикъ,—я совсѣмъ не унываю! Вы по крайней мѣрѣ разговаривали съ ея величествомъ, а я сильно струсилъ. У королевы такое строгое лицо, что мнѣ стало страшно, и я очень радъ, что мнѣ не пришлось декламировать, потому что я навѣрное провалился бы со стыдомъ.

Шекспиръ разсмѣялся.

— Что-жъ ты будешь теперь дѣлать?—спросилъ онъ.— Пожалуй, тебѣ придется вернуться въ книжную лавку.

— Ни за что! Лучше я на ярмаркѣ наймусь въ скоморохи!—рѣшительно отвѣтилъ Дикъ.—Впрочемъ, вы мнѣ говорили, мистеръ Шекспиръ, что вамъ нужны актеры для женскихъ ролей. Такъ вотъ, возьмите меня!

— Развѣ ты забылъ, что даже самому простому ремеслу надо сначала обучиться?—возразилъ Шекспиръ съ легкимъ упрекомъ.—А ты ужъ вообразилъ, что можешь сразу сдѣлаться артистомъ?

Мальчикъ въ смущеніи опустилъ глаза.

— Хотя я и не долюбливаю дѣтскихъ театровъ, — продолжалъ Шекспиръ,—потому что они имѣютъ мало общаго съ искусствомъ, но былъ бы радъ, если бы ты поучился въ пѣвческой капеллѣ. Тогда бы ты былъ обезпеченъ, и мой другъ Бербэджъ подготовилъ бы тебя для сцены.

— Чтобъ ему провалиться, этому Гриди!—вскричалъ со злостью Дикъ,—если бы онъ не прервалъ аудіенціи разсказомъ о тайномъ вѣнчаніи графа, я навѣрное попалъ бы въ пѣвческую капеллу.

Въ это время они подошли къ дому Шекспира, и онъ взялся уже за молотокъ, чтобы постучаться въ дверь, какъ увидѣлъ ѣхавшаго верхомъ графа Соутгэмптона. Подъѣхавъ къ нимъ, графъ соскочилъ съ коня и передалъ поводья одному изъ мальчишекъ, стоявшихъ по угламъ улицъ и предлагавшихъ свои услуги.

— Я привезъ хорошія вѣсти! — воскликнулъ графъ, пожимая Шекспиру и Лонгсуорду руки,—королева вернула моему другу Эссексу свою благосклонность!

Радостные крики были отвѣтомъ на эти слова.

— Какъ же случилась такая быстрая перемѣна?—спросилъ Шекспиръ.

— Кто же можетъ разгадать причуды Елизаветы?—отвѣтилъ Соутгэмптонъ. — Лэди Ноттингэмъ, Бэрлей и другіе старались возстановить ее противъ графа, а она все-таки

вернула ему свою благосклонность. Эссексъ оскорбилъ ея женскую гордость: онъ не хотѣлъ жениться на той, которую она ему выбрала въ жены. Но такъ какъ онъ тайно женился на лэди Уольсингэмъ, королева подавила свой гнѣвъ, вспомнивъ о великихъ заслугахъ Ланкастерскаго канцлера, отца лэди Уольсингэмъ. Можетъ быть, она пожалѣла также, что поддалась наговорамъ противъ Эссекса, потому что сегодня же подарила ему драгоцѣнный перстень, сказавъ, чтобы графъ прислалъ ей этотъ перстень, если она когда-нибудь опять разгнѣвается на него.

— Графъ достоинъ довѣрія и милости королевы,—сказалъ обрадованный Шекспиръ. — Это кольцо будетъ служить ему теперь защитой противъ его враговъ.

— Отъ одного изъ главныхъ враговъ его мы уже на время избавились, — замѣтилъ Соутгэмптонъ. — Сегодня Вальтеръ Ралей отправился въ плаванiе на своемъ кораблѣ. Королева недовольна имъ теперь, и вы скажите Кемпе, что онъ безъ опасенiя можетъ придать ослиной головѣ сходство съ Ралеемъ. Королева только посмѣется этому.

— Развѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь" будетъ поставленъ при дворѣ? — удивился Шекспиръ.

— Да, королева очень хочетъ видѣть вашу сказку.

— Значитъ, ея величество не гнѣвается на меня за то, что тайное вѣнчанiе графа Эссекса...

— Вы украсили вашей прекрасной сказкой, — перебилъ Соутгэмптонъ. — О, нѣтъ, она теперь подсмѣивается надъ этимъ, называетъ васъ Пукомъ среди поэтовъ и хвалитъ вашу задорную смѣлость, съ которой вамъ удалось провести даже ее... Теперь поговоримъ о васъ, сэръ Лонгсуордъ. Мой другъ Эссексъ сегодня утромъ напомнилъ о васъ королевѣ, и она приказала мнѣ передать вамъ, чтобы вы тотчасъ явились на аудiенцiю; поэтому спѣшите въ Уайтголль.

Это сообщенiе очень обрадовало Роберта; онъ сердечно

поблагодарилъ любезнаго графа и поспѣшно отправился во дворецъ.

— Теперь твоя очередь, Дикъ, — продолжалъ весело Соутгэмптонъ, опустивъ руку на плечо мальчика. — Ты тоже долженъ тотчасъ явиться къ королевѣ.

Дикъ широко открылъ глаза.

— Я не знаю, зачѣмъ тебя требуетъ королева. Можетъ быть, ты совершилъ какое-нибудь ужасное преступленіе, и королева хочетъ собственноручно казнить тебя.

— Я не знаю за собой никакой вины! — воскликнулъ Дикъ, невольно хватаясь за свою шею.—Впрочемъ, я знаю, чего хочетъ отъ меня ея величество!

— Чего же? — улыбался Соутгэмптонъ.

— Она хочетъ... нѣтъ, это я скажу, когда вернусь изъ Уайтголля.

И мальчикъ убѣжалъ.

Соутгэмптонъ и Шекспиръ смѣясь посмотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся за угломъ улицы; затѣмъ графъ, простившись съ Шекспиромъ, вскочилъ на коня, а поэтъ пошелъ домой, чтобы поработать надъ начатой уже трагедіей „Ромео и Юлія" и новой обработкой сюжета придать избитой темѣ большій интересъ.

Но вскорѣ ему помѣшалъ Тимоти. Старикъ пришелъ передать Шекспиру распоряженіе лорда Гэнсдона, чтобы въ этотъ вечеръ пьеса „Сонъ въ лѣтнюю ночь" была представлена въ бѣломъ залѣ Уайтголля.

Шекспиръ, повидимому, не очень обрадовался этому извѣстію, зная, что въ королевскомъ замкѣ нѣтъ необходимыхъ приспособленій для сцены. Но королева могла присутствовать на представленіяхъ только въ своемъ дворцѣ, потому что въ другихъ театрахъ не было особаго помѣщенія для королевы, куда бы она могла явиться, не уронивъ своего достоинства. Кромѣ того театры посѣщались

слишкомъ разношерстной публикой, позволявшей себѣ разныя вольности, и потому труппа лорда-казначея давала представленія во дворцѣ. За каждое такое представленіе труппа получала тридцать нобилей, около 90 руб. Представленія при дворѣ давались рѣдко, только въ большіе праздники, напр., въ Рождество, Крещеніе, Срѣтеніе и на масленицѣ, и потому любившая театръ королева составила собственную труппу изъ мальчиковъ своей пѣвческой капеллы, составлявшихъ первоначально церковный хоръ. Этому при-

Шекспиръ по Лафатеру.

мѣру вскорѣ послѣдовали почти всѣ дѣтскіе хоры столицы, а такъ какъ для исполненія женскихъ ролей въ театрахъ требовались мальчики, то эти дѣтскіе театры вскорѣ превратились въ школы драматическаго искусства.

Эти дѣтскіе театры пользовались необычайнымъ успѣхомъ вслѣдствіе своей новизны и покровительству королевы. Но, къ сожалѣнію, благосклонное вниманіе публики вызвало у юныхъ актеровъ такое самомнѣніе, что они рѣшились конкурировать даже съ артистами Блэкфрайрскаго театра, пока Шекспиръ позднѣе въ своей трагедіи Гамлетъ не ука-

залъ имъ ихъ мѣсто. Въ этой драмѣ принцъ Гамлетъ спрашиваетъ придворнаго, Розенкранца, пользуются ли городскіе актеры по прежнему уваженіемъ, и получаетъ такой отвѣтъ:

„О, нѣтъ, тамъ появилось гнѣздо дѣтей, едва вылупившихся цыплятъ; они немилосердно пищатъ, и имъ за это безпощадно аплодируютъ“.

Исполнивъ свое порученіе къ Шекспиру, Тимоти поспѣшилъ передать приказаніе лорда Гэнсдона другимъ актерамъ. Добрый старикъ не подозрѣвалъ, что въ это время въ его домѣ происходила сцена, послѣдствія которой позднѣе вызвали въ немъ самыя разнообразныя чувства.

Дѣло было въ томъ, что Робертъ Лонгсуордъ вернулся изъ Уайтголля въ радостномъ возбужденіи и прошелъ прямо въ кухню, гдѣ Люси съ засученными рукавами мѣсила тѣсто.

— Отчего вы такъ врываетесь, сэръ Робертъ,—спросила она смутившись, пряча за спиною покрытыя мукой руки,—я даже не успѣла привести себя въ порядокъ.

— Вы и въ такомъ видѣ прелестны, миссъ Люси! — радостно воскликнулъ Робертъ. — Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, чтобы подѣлиться съ вами своимъ счастьемъ!

— Вашимъ счастьемъ? — переспросила молодая дѣвушка.

— Да, да, своимъ счастьемъ, миссъ Люси. Я вернулся съ аудіенціи у королевы Елизаветы.

— О, Боже!—воскликнула въ испугѣ Люси,—а мои руки все еще въ мукѣ! Такъ я не буду слушать васъ, сэръ Робертъ; вы должны выйти, если хотите разсказывать о нашей высокочтимой королевѣ.

— Какъ же я тогда разскажу вамъ объ аудіенціи?—разсмѣялся Робертъ.

— Только на минуту, пока я вымою руки, а потомъ я приду къ вамъ въ комнату.

— Дѣлать нечего, надо повиноваться, но прошу васъ,

миссъ Люси, поторопиться и не слишкомъ испытывать мое терпѣніе.

Робертъ вышелъ изъ кухни и въ радостномъ нетерпѣніи зашагалъ по комнатѣ.

Люси не заставила себя долго ждать. Переодѣвшись въ домашнее голубое платье, она вошла въ комнату.

— Теперь разсказывайте, сэръ Робертъ,—сказала она, расправляя складки своего платья.—Я страшно любопытна.

— Вы такъ же любопытны, какъ и всѣ дѣвушки?—засмѣялся Робертъ.

— Да, но наше любопытство рѣдко удовлетворяютъ тотчасъ,—многозначительно отвѣтила Люси.

— Кажется, этотъ камешекъ брошенъ въ мой огородъ?—улыбнулся Робертъ.—Ну, такъ слушайте, я былъ у королевы на аудіенціи.

— Ахъ, я уже давно слышала это,—вздохнула Люси.—Что же дальше?

— Сейчасъ; только держитесь крѣпче за стулъ, иначе упадете отъ изумленія.

Люси схватилась за стулъ и скорчила такую шаловливо-испуганную гримасу, что Робертъ разсмѣялся.

И такъ, я былъ у королевы...

— О Боже, опять сначала!—вздохнула Люси, склонивъ голову какъ бы отъ усталости.

— Она приняла меня очень благосклонно...

Люси приподняла головку.

— Она отнеслась ко мнѣ съ большимъ участіемъ и.. въ виду того, что я въ молодости перенесъ столько горя, страданій и...

— И?—переспросила Люси, приподнимаясь на стулѣ.

— Держитесь крѣпче,—напомнилъ Робертъ,—иначе мнѣ придется сдѣлать большую паузу.

Люси погрозила ему пальцемъ.

— И объявила мнѣ,—продолжалъ Робертъ,—что я... ну, отгадайте-ка!

Люси вскочила и, подойдя къ окну, пробормотала:

— И, вѣроятно, сказала вамъ, что вы очень нелюбезный молодой человѣкъ, способный привести въ отчаяніе любую дѣвушку.

— Этого королева не говорила,—улыбнулся Робертъ.— Она сказала мнѣ, что позаботилась о моей будущности и назначила меня секретаремъ графа Эссекса съ жалованьемъ въ триста пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ!

— Боже мой! Да вѣдь вы теперь милліонеръ!—воскликнула Люси съ глубокимъ вздохомъ.

— Да, если-бъ я жилъ три тысячи лѣтъ и питался однимъ воздухомъ, то, пожалуй, сдѣлался бы милліонеромъ. Но я не могу голодать послѣ того, какъ кулинарное искусство нѣкоей миссъ Люси до невозможнаго развило мой аппетитъ.

— Васъ не разберешь, шутите вы или говорите серьезно!— сказала молодая дѣвушка, устремивъ глаза на стоявшія на окнѣ розы.

— Я всегда говорю серьезно,—съ комическимъ паѳосомъ произнесъ Робертъ,—и очень благодаренъ королевѣ за то, что она позаботилась обо мнѣ, но при этомъ я очень сожалѣю, что мнѣ придется разстаться съ вами и искать себѣ квартиру близъ дворца Эссекса.

Люси поблѣднѣла, и ей показалось, что сердце ея перестало биться. Она нагнулась къ цвѣтамъ и спросила упавшимъ голосомъ:

— Вы хотите разстаться съ нами, сэръ Робертъ? Этого я не ожидала. Очень жаль.

— Вы сожалѣете, миссъ Люси? Это радуетъ меня!—сказалъ Робертъ, подходя къ зардѣвшейся дѣвушкѣ и взявъ ее за руку.

Люси окинула его недовольнымъ взглядомъ.

— Изъ вашихъ словъ я вижу, — продолжалъ онъ, — что вы принимаете во мнѣ участіе. Поэтому позвольте мнѣ воспользоваться вашей добротой и просить помочь мнѣ выбрать подходящую квартиру; у женщинъ въ этомъ больше умѣнья и вкуса, нежели у насъ, мужчинъ. Но квартира должна быть очень хорошенькая и уютная, потому что...

— Ну что же дальше? Потому что...—спросила Люси съ нетерпѣніемъ.

— Потому что я намѣренъ жениться,—докончилъ Робертъ.

Люси сильно вздрогнула, точно ужаленная, и упавшимъ голосомъ съ трудомъ выговорила:

— Значитъ, у васъ уже есть невѣста?

— Этого я не могу еще сказать, — отвѣтилъ уклончиво Робертъ.—Но мнѣ было бы пріятно, если бы вы и въ этомъ!..

— Не хотите ли еще, чтобы я нашла вамъ жену? — воскликнула Люси со слезами на глазахъ и вырывая свою руку.

— Нѣтъ, вы только скажите мнѣ, одобряете ли вы мой выборъ. Я вамъ ее сейчасъ опишу.

— Я ничего не понимаю въ этомъ,—отвѣтила Люси, съ трудомъ сдерживая рыданія,—я простая, глупая дѣвушка... я лучше... пойду... опять... въ кухню и...

— Нѣтъ, вы должны сначала выслушать меня, — мягко сказалъ Робертъ.—Представьте себѣ стройную дѣвушку, съ чудными золотистыми волосами и большими темноголубыми глазами, которые всегда весело и привѣтливо смотрятъ на васъ, а когда она смѣется, на ея розовыхъ щечкахъ появляются прелестныя ямочки. Ну, какъ она вамъ нравится?

— Вы слишкомъ преувеличили...—сорвалось у Люси, но она тотчасъ замолчала, когда Робертъ весело разсмѣялся.

— Теперь скажите мнѣ, миссъ Люси, любитъ ли меня та дѣвушка и согласится ли она быть моей женой?

— Не знаю, — отвѣтила Люси, краснѣя и блѣднѣя отъ сильнаго смущенія, — поговорите объ этомъ съ дѣдушкой той дѣвушки!

И, закрывъ лицо руками, она поспѣшно убѣжала въ кухню и заперла дверь на задвижку.

Робертъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ счастливой улыбкой и только что хотѣлъ идти въ свою комнату, какъ кто-то постучался въ наружную дверь.

Робертъ поспѣшилъ отворить ее и увидѣлъ Дика. Съ неподражаемой важностью вошелъ мальчикъ въ комнату и принявъ такую позу, которая сдѣлала бы честь любому балетному танцору, свысока снисходительно сказалъ Роберту:

— Взгляните на меня. На кого я похожъ?

— На павлина, — послѣдовалъ отвѣтъ, — недостаетъ только хвоста, который онъ распускаетъ колесомъ съ такою спѣсью, — и Робертъ съ комически важнымъ видомъ пощупалъ у него пульсъ и, дотронувшись до лба, сказалъ со вздохомъ:—Бѣдный мальчикъ, ты, кажется, послѣ аудіенціи у королевы съ ума спятилъ?

— Спросите же меня, какъ я въ первый разъ выступилъ!—съ гордостью сказалъ Дикъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я теперь членъ королевской капеллы, завтра надѣну свой мундиръ, вышитый серебромъ, и буду получать отъ казны готовый столъ, квартиру и десять шиллинговъ въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ.

— Я очень радъ за тебя!—воскликнулъ Робертъ, пожимая мальчику руку. — Значитъ королевѣ понравилась твоя декламація?

— Гмъ!—возразилъ Дикъ, важно поднимая голову.—Вы не знаете нашу королеву; она видитъ больше и смотритъ глубже, чѣмъ другіе люди. Ей было достаточно только взглянуть на меня.

— Въ такомъ случаѣ аудіенція кончилась очень скоро,— сказалъ улыбаясь Робертъ.

— Ничуть, — важно сказалъ Дикъ. — Я хотѣлъ сказать, что королева съ перваго взгляда убѣдилась, что у меня есть талантъ, и потому не заставила меня декламировать. Между прочимъ она сказала, что это излишне, такъ какъ графъ Эссексъ уже слышалъ меня. Положимъ, я не знаю, когда и гдѣ это было, но королева, говоря это, очень ласково улыбалась мнѣ. Я очень благодаренъ ей и постараюсь заслужить ея милость.

Робертъ въ свою очередь сообщилъ Дику о результатѣ своей аудіенціи у королевы.

Можно себѣ представить, какъ весело въ этотъ день обѣдали у дѣдушки Тимоти, и какъ онъ радовался счастью своихъ жильцовъ. Только Люси была задумчива и часто опускала свои хорошенькіе глазки.

Тимоти вернулся изъ Уайтголля поздно вечеромъ и разсказалъ, что сказка „Сонъ въ лѣтнюю ночь" также при дворѣ имѣла большой успѣхъ и очень понравилась королевѣ. Шутку съ ослиной головой королева, повидимому, отлично поняла и, ласково погрозивъ поэту, сказала: „Счастье ваше, мистеръ Шекспиръ, что Вальтеръ Ралей находится теперь на пути въ страну золота; иначе вамъ не избѣжать бы вызова". Не ускользнула отъ королевы также тонкая лесть Шекспира въ этой пьесѣ, гдѣ Оберонъ говоритъ, что „купидонъ цѣлился въ прекрасную весталку, которая царитъ на западѣ".

— Завтра „Сонъ въ лѣтнюю ночь" первый разъ представленъ будетъ въ Блэкфрайскомъ театрѣ, — продолжалъ разсказывать Тимоти.—Всѣ мѣста уже распроданы, и я увѣренъ, что эта пьеса выдержитъ множество представленій.

— Я очень радъ этому! — воскликнулъ Лонгсуордъ, многозначительно взглянувъ на Люси.—Въ день моей свадьбы

я съ женой буду присутствовать на представленіи этой пьесы и воображать себѣ, что я графъ Эссексъ, и что пьеса дается въ нашу честь.

— Вы хотите жениться?—спросилъ Тимоти.

— Да, и я уже выбралъ себѣ прелестную дѣвушку. Но раньше я долженъ переговорить съ ея дѣдушкой...

— Такъ не откладывайте и поговорите съ нимъ,—сказалъ ничего не подозрѣвавшій Тимоти.

— Я уже говорю съ нимъ,—сказалъ улыбаясь Робертъ, указывая на старика и на Люси.

— Неужели вы говорите о моей Люси?—спросилъ Тимоти встревожившись.

— Да, я говорю о ней.

Лицо старика приняло грустное выраженіе.

— Вы достойный молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, — и моя Люси могла бы считать себя счастливой, что такой знатный господинъ проситъ ея руки. Но...

— Но...

— Вы должны мнѣ дать время на размышленіе,—сказалъ Тимоти. — Теперь я не могу объяснить вамъ причины, заставляющей меня поступать такъ; могу только сказать вамъ, что Люси не можетъ выйти замужъ, пока не достигнетъ двадцати лѣтъ.

Слова старика поразили Роберта. Онъ умолялъ Тимоти объяснить причину такой отсрочки; но старикъ былъ непреклоненъ и наконецъ совсѣмъ замолчалъ, погрузившись въ угрюмое раздумье. Люси тихо плакала, а Дикъ сидѣлъ насупившись, свирѣпо посматривая на Роберта, а когда они отправились въ свою комнату, Дикъ недовольнымъ тономъ сказалъ Роберту:

— Вы слишкомъ быстры, сэръ Робертъ, и всюду поспѣваете раньше меня; поэтому я радъ, что завтра уже переѣзжаю въ Уайтголль.

Робертъ просилъ мальчика объясниться яснѣе, но Дикъ только плотнѣе завернулся въ одѣяло, пробормотавъ:

— Да, слишкомъ быстры, слишкомъ быстры...

Старый Тимоти не ошибся, сказавъ, что пьеса Шекспира „Сонъ въ лѣтнюю ночь" будетъ имѣть въ Блэкфрайрскомъ театрѣ большой успѣхъ: мѣста на эту пьесу брались публикой почти съ бою. Поэтъ долженъ былъ представляться многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, и получилъ отъ лорда Гэнсдона приглашеніе посѣтить его. Шекспиръ поспѣшилъ навѣстить этого страннаго лорда, возбуждавшаго его состраданіе. Для такого великаго знатока человѣческой души, какъ Шекспиръ, лордъ оставался загадкой, и поэтъ хотѣлъ разгадать ее.

Въ этотъ день шутъ лорда не сидѣлъ, какъ всегда, за дверьми. Войдя въ кабинетъ, Шекспиръ увидѣлъ его у ногъ лорда, на низкомъ табуретѣ; онъ сидѣлъ скрестивъ ноги и покуривая глиняную трубку; онъ улыбался своему господину, который находился совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ въ тотъ день, когда онъ далъ поэту матеріалъ для семейной драмы. Окна также сегодня не были завѣшаны, и въ комнатѣ было свѣтло, но портьеры въ сосѣднюю комнату были совсѣмъ задвинуты.

На исхудаломъ лицѣ лорда игралъ легкій румянецъ, и его глаза смотрѣли необычайно ласково. Его длинная сѣдая борода и сѣдые волосы придавали ему необычайно почтенный видъ, и сегодня онъ казался очень бодрымъ.

При входѣ Шекспира онъ ласково протянулъ ему руку, сказавъ:

— Добро пожаловать, мистеръ Шекспиръ. Я вамъ очень благодаренъ.

— За что, ваша свѣтлость?

— Вашъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь" разогналъ мою печаль,—продолжалъ Гэнсдонъ, все еще не выпуская руку

поэта.—Вы своей поэзіей сдѣлали то, что не удавалось ни одному смертному. Я дышу свободнѣе, ко мнѣ вернулась жизнерадостность, и я расположенъ выносить даже его дурачества и слушать его глупую болтовню,—добавилъ лордъ, указывая на шута.

— Это плохой признакъ, папаша, если умный лордъ начинаетъ увлекаться глупостью.

— Ты дуришь черезъ мѣру, — крикнулъ Гэнсдонъ, слегка ударивъ шута.

— Я не виноватъ, что воспитанъ такъ худо!—возразилъ смѣясь шутъ. — Отчего такъ часто ты бываешь невмѣняемъ? Не мудрено, что и мы всѣ становимся дураками.

— Пошелъ вонъ!—приказалъ лордъ Гэнсдонъ.

Шутъ схватилъ себя за-шиворотъ и повернулся къ двери.

— Онъ неисправимъ, — сказалъ лордъ, обращаясь къ поэту,—но очень преданный слуга, и мнѣ трудно обойтись безъ него.

— Это потому, папаша, что мы съ тобою пара,—замѣтилъ шутъ, подходя къ лорду и гладя его волосы.—У тебя нѣтъ остроумія, а у меня нѣтъ твоего мрачнаго раздумья. Вотъ мы и дополняемъ другъ друга, а когда я буду праздновать мой пятидесятилѣтній юбилей, я подарю тебѣ мой кафтанъ и колпакъ съ бубенчиками.

И, перескочивъ черезъ стоявшій на пути стулъ, шутъ съ усмѣшкой раскланялся и вышелъ.

Лицо лорда приняло серьезное выраженіе.

— Скверно то, что въ словахъ его всегда есть доля правды,—сказалъ лордъ...—Какъ я уже сказалъ, дорогой мистеръ Шекспиръ, вашъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ облегчилъ мое сердце. Это былъ благодатный лѣтній дождь послѣ душнаго, знойнаго дня. Къ сожалѣнію, послѣ такого дождя снова наступаютъ душные дни.

На лицѣ лорда снова появилось печальное выраженіе. Онъ прошелся по комнатѣ и продолжалъ:

— Только одно не нравится мнѣ въ вашей сказкѣ... Шекспиръ вопросительно взглянулъ на него.

— Въ вашей пьесѣ дочери не повинуются родителямъ. Впрочемъ, бываетъ, что и сыновья...

Глубокая печаль отразилась на лицѣ лорда.

— Я намѣренъ вскорѣ устроить праздникъ со спектаклемъ,—продолжалъ онъ,—но мнѣ бы хотѣлось, чтобы пьеса была трагедія. Это не вызвало бы потомъ среди общества чрезмѣрнаго веселья. Можете ли вы написать такую пьесу?

— Я теперь работаю надъ такой пьесой, — отвѣчалъ Шекспиръ. — Но не знаю, понравиться ли она вамъ. Дѣло касается двухъ враждуюшихъ семействъ и ихъ дѣтей, которыя женятся противъ воли родителей и за это платятъ жизнью.

Лордъ поднялъ правую руку и хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на его губахъ. Только минуту спустя онъ былъ въ состояніи проговорить:

— Это... это жестокое наказаніе, но... можетъ быть... справедливое. Я хочу видѣть эту пьесу.

Изъ груди его вырвался глубокій вздохъ и онъ зашатался. Шекспиръ поспѣшилъ поддержать его.

Лордъ позвонилъ, и шутъ тотчаасъ явился. Увидѣвъ разстроенное лицо своего господина, онъ опечалился.

— Спусти занавѣси и раздвинь портьеры въ сосѣднюю комнату, — приказалъ ему лордъ.

Шутъ подошелъ къ нему, опустился передъ нимъ на колѣни и, схвативъ его руку, прижалъ ее къ своей щекѣ.

— Ты плачешь, Гейнсъ?—съ горечью сказалъ лордъ.— Плохи же мои дѣла, если шутъ плачетъ обо мнѣ.

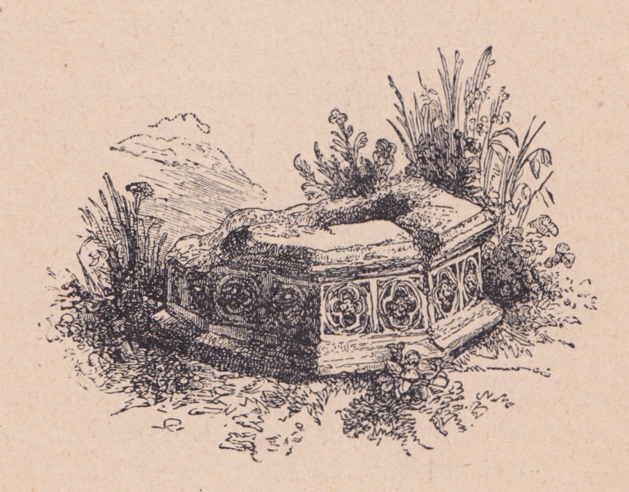
— Мнѣ жаль тебя,—отвѣтилъ шутъ,—ты слишкомъ часто мѣняешься со мной ролью.

Лордъ промолчалъ и лишь повелительно указалъ на окна. Шутъ со вздохомъ спустилъ занавѣси и раздвинулъ портьеры въ сосѣднюю комнату. Гэнсдонъ снова обернулся къ Шекспиру и сказалъ:

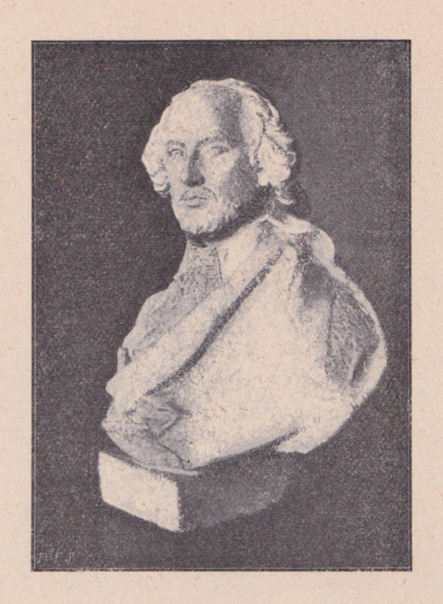
— Непослушныя дѣти умираютъ, но мы о нихъ вѣчно плачемъ. Я хочу видѣть эту пьесу и плакать, плакать, плакать!..

Онъ на мгновенье опустилъ свою сѣдую голову на голову шута и затѣмъ медленно направился въ сосѣднюю комнату, гдѣ висѣли завѣшанные крэпомъ портреты.

Когда Шекспиръ вышелъ, Гейнсъ снова усѣлся передъ дверьми, закрывъ лицо руками. Шекспиру показалось, что шутъ плакалъ.

Древняя купель въ Стратфордѣ.

Бюстъ Шекспира, исполненный Д'Авенаномъ.

ГЛАВА VIII.

Ромео и Юлія.

Въ раннемъ возрастѣ народной жизни всякое идеальное стремленіе и проявленіе высшихъ потребностей духа находится въ тѣсной связи съ религіознымъ міросозерцаніемъ народа. Нигдѣ, однако, связь эта не раскрывается съ такой полнотой и очевидностью, какъ въ искусствѣ и поэзіи. Особенно въ послѣдней; кажется, что она состоитъ на службѣ религіи, создавшей ее только для своихъ цѣлей. Древнѣйшимъ памятникомъ лирической поэзіи являются гимны Веды, а эпической—миѳы, т.-е. поэтическія сказанія о богахъ. Зачатки же драматическаго искусства слѣдуетъ

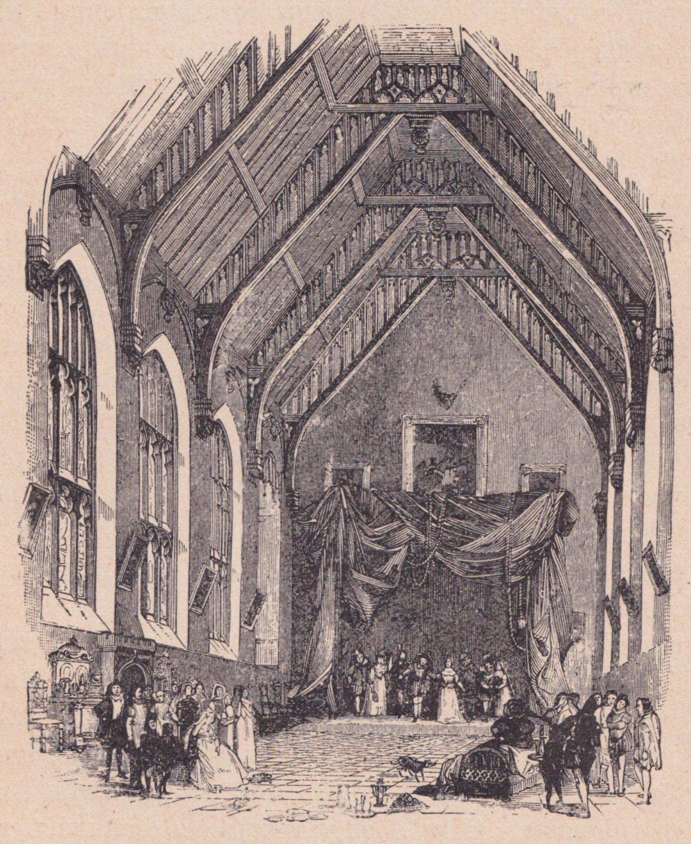
искать въ вакхическихъ хорахъ священныхъ процессій въ честь Діониса, принадлежавшихъ въ древней Греціи къ религіозному культу.

Греки и римляне довели драматическое искусство до высокой степени совершенства; но затѣмъ оно постепенно пришло въ упадокъ и не мало способствовало развращенію нравовъ. Это побудило христіанство вступить съ нимъ въ ожесточенную борьбу. Тѣмъ не менѣе самой церкви суждено было сдѣлаться колыбелью новаго драматическаго искусства. Подобно греческой драмѣ, и средневѣковая развилась изъ христіанскихъ обрядовъ. Средневѣковыя представленія или мистеріи черпали свое содержаніе изъ Священнаго Писанія и пріурочивались къ различнымъ моментамъ литургіи. Если впослѣдствіи мистеріи и измѣнили существенно свой характеръ, то это произошло уже въ сравнительно позднее время, и надо замѣтить, что, чѣмъ древнѣе была мистерія, тѣмъ меньше было въ ней уступокъ мірскимъ интересамъ, тѣмъ строже сохраняла она свой первоначальный литургическій типъ.

Въ началѣ возникновенія литургической драмы очень трудно уловить моментъ, гдѣ кончается литургія и начинается драма. Въ западной Европѣ въ X, XI и XII вѣкахъ ходъ развитія литургической драмы повсюду одинаковъ, и о ней можно говорить, не касаясь національныхъ различій. Въ X и XI вѣкѣ мистерія не имѣла характера самостоятельнаго представленія; она составляла только часть праздничной литургіи и даже не игралась, а пѣлась на латинскомъ языкѣ.

Въ средніе вѣка, когда Св. Писаніе не было переведено еще на народные языки и было доступно немногимъ, мистеріи были великимъ орудіемъ для распространенія христіанства, и, чтобы побудить народъ присутствовать при ихъ представленіи, церковь признала посѣщеніе мистерій

дѣломъ богоугоднымъ и даже отпускала за это грѣхи. Христіанскому богослуженію вначалѣ пришлось считаться со вкусами народа и облечь догматы и символы въ реальныя формы; кромѣ того, въ такомъ наглядномъ видѣ

Представленіе странствующихъ актеровъ въ провинціальномъ замкѣ.

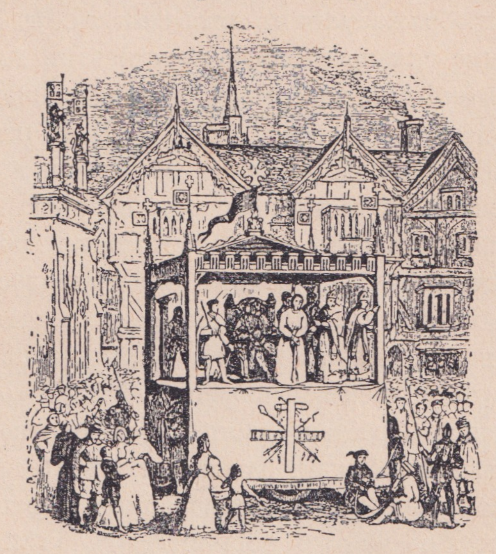
легче было передать народу истины христіанской религіи. Дѣйствующими лицами въ литургіи являются священникъ, діаконъ и хоръ. Чтобы еще болѣе приноровиться къ уровню народной массы и оживить и усилить впечатлѣніе, вводятся разныя процессіи, напр., шествіе на Гол-

гоѳу на Страстной недѣлѣ. Сначала въ этихъ процессіяхъ роли святыхъ исполнялись куклами, а люди изображали толпу, но впослѣдствіи роли святыхъ и даже Христа стали исполняться людьми.

Отсюда до литургической драмы оставался одинъ шагъ. Стоило только взять какое-нибудь событіе изъ евангелія, вложить въ молчаливую процессію живую рѣчь — и драма была бы готова. Этотъ шагъ былъ вскорѣ сдѣланъ, и такимъ образомъ развилась литургическая драма.

Мало-по-малу авторы стали позволять себѣ вставлять въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ литургической драмы слова уже не изъ Священнаго Писанія, и появилось стремленіе заглянуть въ душу дѣйствующихъ лицъ, охарактеризовать ихъ. Рядомъ съ латинскимъ языкомъ стала раздаваться народная рѣчь, хотя вначалѣ только во второстепенныхъ роляхъ. Мелкія драматическія сцены, служившія первоначально только для разъясненія и нагляднаго представленія извѣстныхъ эпизодовъ евангельскаго разсказа, постепенно стали собираться въ одно цѣлое и составляли циклы— коллективныя мистеріи, которыя принимали иногда огромные размѣры. Въ центрѣ ихъ находились Рождество Христово или Воскресеніе, и къ нимъ уже примыкали сцены, имѣвшія съ ними бо̀льшую или меньшую связь. Иногда такія коллективныя мистеріи-циклы разыгрывались въ теченіе нѣсколькихъ дней или, по крайней мѣрѣ, одного дня съ перерывами, и пріурочить ихъ къ литургіи сдѣлалось невозможнымъ. Напр., еще теперь сохранились такія мистеріи въ Обераммергау. Вслѣдствіе этого литургическая драма должна была выйти за предѣлы церкви; но это случилось не сразу. Рядомъ съ расширеніемъ объема мистерій увеличивался свѣтскій элементъ дѣйствующихъ лицъ. Наличный персоналъ духовенства часто оказывался недостаточнымъ, и въ представленіяхъ стали участвовать ки-

стеры, церковные служители, члены духовныхъ обществъ, а наконецъ и міряне, хотя вначалѣ только во второстепенныхъ роляхъ. Но такъ какъ только рѣдко кто изъ мірянъ зналъ латинскій языкъ, то пришлось ввести народную рѣчь, сначала въ видѣ незначительныхъ вставокъ. Къ этому, впрочемъ, побуждало и то соображеніе, что народная рѣчь дѣлала драму болѣе интересной и вразумительной для зри-

Сцена, на которой представлялись мистеріи.

телей, и мало-по-малу народный языкъ совсѣмъ вытѣсняетъ латинскій.

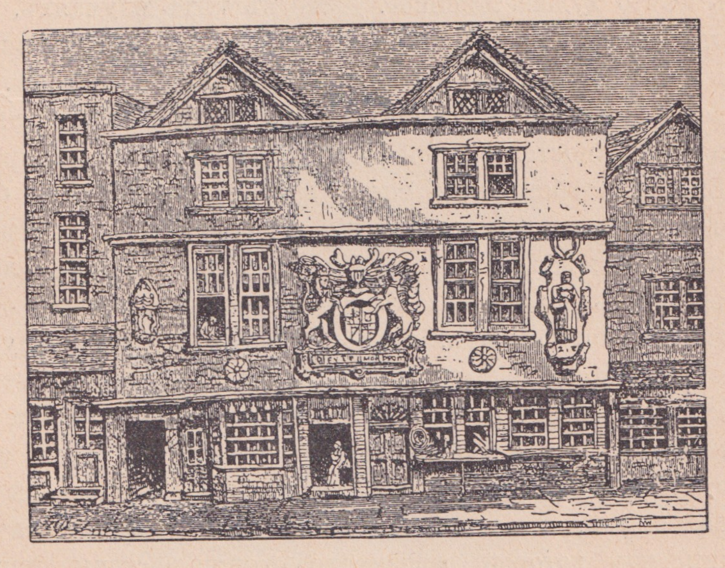
Вмѣстѣ съ народной рѣчью міряне внесли въ драму и другіе чисто народные элементы, какъ-то народныя пѣсни, мелодіи, а затѣмъ и комическій элементъ, уже совсѣмъ не вязавшійся съ церковнымъ характеромъ. Участіе этихъ свѣтскихъ элементовъ послужило причиной перенесенія драмы за предѣлы церкви. Но это совершалось постепенно, и раньше чѣмъ окончательно порвать связь съ церковью, драма долго еще оставалась въ церковной оградѣ, и представленія да-

вались на паперти, на кладбищѣ. Но такъ какъ зрители при этомъ топтали могилы, драма быстро перешла на улицы, рынки, площади.

Нарядусъ мистеріями слѣдуетъ отмѣтить два другихъ позднѣйшихъ типа средневѣковой драмы—миракли и моралите. Миракли черпали свое содержаніе изъ житій святыхъ и апокрифическихъ сказаній и пріурочивались ко дню чествованія изображаемаго въ нихъ святого. Въ XII вѣкѣ миракли особенно сильно распространились въ Англіи, благодаря развитію цеховъ, изъ которыхъ каждый видѣлъ въ томъ или другомъ святомъ своего патрона. День памяти своего святого праздновался корпораціей съ особенной торжественностью. Важнѣйшая часть торжества состояла въ богослуженіи или молебствіи въ честь святого, во время котораго сначала прочитывалось, а затѣмъ разыгрывалось житіе святого, его подвиги, чудеса, страданія. Въ представленіяхъ, даваемыхъ на народномъ языкѣ, кромѣ духовенства, принимали участіе и члены корпораціи. Такимъ образомъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, духовенство вынуждено было допустить въ Англіи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, участіе мірянъ въ представленіяхъ церковной драмы, и это не могло не оказать вліянія на дальнѣйшую судьбу англійской драмы. Миракли были невозможны въ церкви, потому что не имѣли ничего общаго съ литургіей. Несмотря на ихъ религіозно-мистическій характеръ, народный элементъ преобладалъ въ нихъ надъ литургической драмой. Авторами ихъ были несомнѣнно и свѣтскіе люди, потому что въ миракляхъ встрѣчались нападки на духовенство. На ряду съ мистеріями и мираклями давались моралите (нравственныя пьесы), имѣвшія аллегорическій характеръ. Уже въ XIII и XIV вв. въ мистеріяхъ начали появляться, въ видѣ аллегорій, Вѣра, Милосердіе, Церковь, Добродѣтель, Грѣхъ, Богатство, Нищета, Старость и Смерть, а когда аллегори-

ческій элементъ преобладалъ въ драмѣ, получались моралите. Сначала моралите давались большей частью при школахъ и монастыряхъ, но затѣмъ, подобно литургической драмѣ, постепенно перешли на улицы и площади.

Мало-по-малу рядомъ съ аллегорическими фигурами въ моралите начали появляться также живыя лица и, постепенно возрастая въ числѣ, сдѣлались наконецъ главными героями пьесы.

Театръ „Фортуна".

Это стремленіе къ реальному изображенію жизни, нашло себѣ сильную поддержку въ интермедіяхъ. Такъ назывались забавныя сценки, служившія для развлеченія зрителей. Онѣ соотвѣтствовали французскимъ мимическимъ сценкамъ и живымъ картинкамъ, которыя разыгрывались въ антрактахъ. Но въ Англіи интермедіи не ограничились мимикой: это были драматическія представленія, возникшія изъ хора древне-греческихъ трагедій, который

сначала былъ необходимымъ дѣйствующимъ лицомъ, моралью пьесы, но затѣмъ постепенно утратилъ свое первоначальное значеніе и наконецъ превратился въ отдѣльныя сценки, исполнявшіяся между отдѣльными актами.

Въ Англіи главными дѣятелями въ области драмы явились представители городского сословія, цехи, и это сильно повліяло на бытовую сторону и развитіе драматическаго реализма. Одновременно съ этимъ возникло стремленіе создать нѣчто художественное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ оставался въ предѣлахъ Св. Писанія, онъ стремился дать картину, полную жизни и создать реальные типы. Что касается комическаго элемента, то нигдѣ онъ не игралъ такой важной и самостоятельной роли, какъ въ англійской драмѣ.

Внѣшняя обстановка сцены средневѣковой драмы была всюду одинакова. Представленія давались или на городской площади или вблизи города. Сцена была подвижная и легко перевозилась изъ города въ городъ; она состояла изъ одноэтажныхъ подмостковъ, подъ которыми находилось пустое пространство, куда исчезали и откуда появлялись актеры. Перемѣны декорацій не существовало; вся сцена была раздѣлена на участки, и каждому опредѣленному мѣсту соотвѣтствовалъ участокъ съ надписью: въ глубинѣ сцены возвышался рай, а адъ изображался или въ видѣ мрачной башни, изъ которой раздавались вопли и стоны, или въ видѣ огромной пасти какого-нибудь чудовища, выпускающей клубы дыма съ огнемъ.

Плата актерамъ была настолько высока, что многіе бросали свое ремесло и соединялись въ труппы странствующихъ актеровъ. Напримѣръ, актеры, исполнявшіе роль Бога, получали по 2 шиллинга, игравшіе дьявола и Іуду—по восьми пенсовъ, а Иродъ, роль котораго была трудна, получалъ 3 шиллинга 4 пенса. Обыкновенно, отдѣльныя труппы такихъ странствующихъ актеровъ назывались: „королевскими

актерами“, „труппой принца“, „актерами королевскаго хора“, и т. д. Въ XV вѣкѣ среди знатныхъ лицъ вошло въ обычай содержать собственныя труппы актеровъ; онѣ назывались по имени своего покровителя и получали разрѣшеніе ѣздить по городамъ и давать представленія.

Сцена въ театрѣ „Рэдъ-Булль“.

Подъ вліяніемъ реформаціи и гуманизма, пробудившихъ умственныя силы націи, англійская драма быстро развилась и окрѣпла. Миракли и моралите, развившіеся на почвѣ католицизма, должны были исчезнуть съ паденіемъ владычества римской церкви. Съ введеніемъ въ Англіи протестантизма, театръ началъ быстро развиваться, благодаря покровительству королевы, и преслѣдованія фанатиковъ-

пуританъ, считавшихъ театръ безнравственнымъ учрежденіемъ, не могли уже повредить ему, — настолько сильна была уже у англичанъ любовь къ искусству и поэзіи.

Подъ вліяніемъ гуманизма стали изучать греческихъ и римскихъ классиковъ. Особенной популярностью сталъ пользоваться Сенека и нѣкоторыя изъ его латинскихъ драмъ попали на англійскую сцену. Многіе молодые англійскіе поэты начали изучать древній міръ, и Шекспиръ, между прочимъ, создалъ пять драмъ изъ древней исторіи: Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, Коріоланъ, Тимонъ Аѳинскій и Троилъ и Крессида.

Борьба пуританъ противъ театровъ продолжалась и въ XVI в. Въ 1575 году лордъ-мэръ и старшины Лондона, бывшіе на сторонѣ пуританъ, постановили, чтобы надзоръ и цензура пьесъ, ставящихся въ Сити, были переданы имъ, и чтобы половина дохода съ представленій шла на благотворительныя дѣла. Протесты актеровъ и хлопоты ихъ объ отмѣнѣ этого постановленія привели лишь къ тому, что лордъ-мэръ и старшины города постановили дозволять актерамъ играть только въ будни и въ частныхъ домахъ. Эти стѣснительныя мѣры заставили труппу лорда Лестера, пользовавшуюся симпатіями публики, обратиться къ своему покровителю съ просьбой помочь ей пріобрѣсти собственный театръ за городомъ. Ея примѣру послѣдовали и другія труппы; выстроивъ собственные деревянные театры за предѣлами Сити, онѣ этимъ оградили себя отъ вмѣшательства лондонскаго городского управленія. Такъ, въ 1576 году въ мѣстечкѣ Блэкфрайрѣ, гдѣ прежде находился монастырь Черныхъ Братьевъ, отецъ Ричарда Бербэджа построилъ театръ, назвавъ его Блэкфрайрскимъ. Годъ спустя возникли еще два театра: „Театръ“ и „Занавѣсъ“, а въ 1578 году насчитывалось уже восемь театровъ внѣ предѣловъ Сити.

Въ тѣ времена было два рода театровъ: частные и пу-

бличные. Частные помѣщались въ обыкновенныхъ зданіяхъ, тогда какъ публичные были особенной архитектуры. Это были двухъэтажныя зданія безъ крыши. Зрительный залъ отдѣлялся отъ сцены рѣшеткой и занавѣсомъ, который раздвигался. Партеръ помѣщался довольно низко и на-

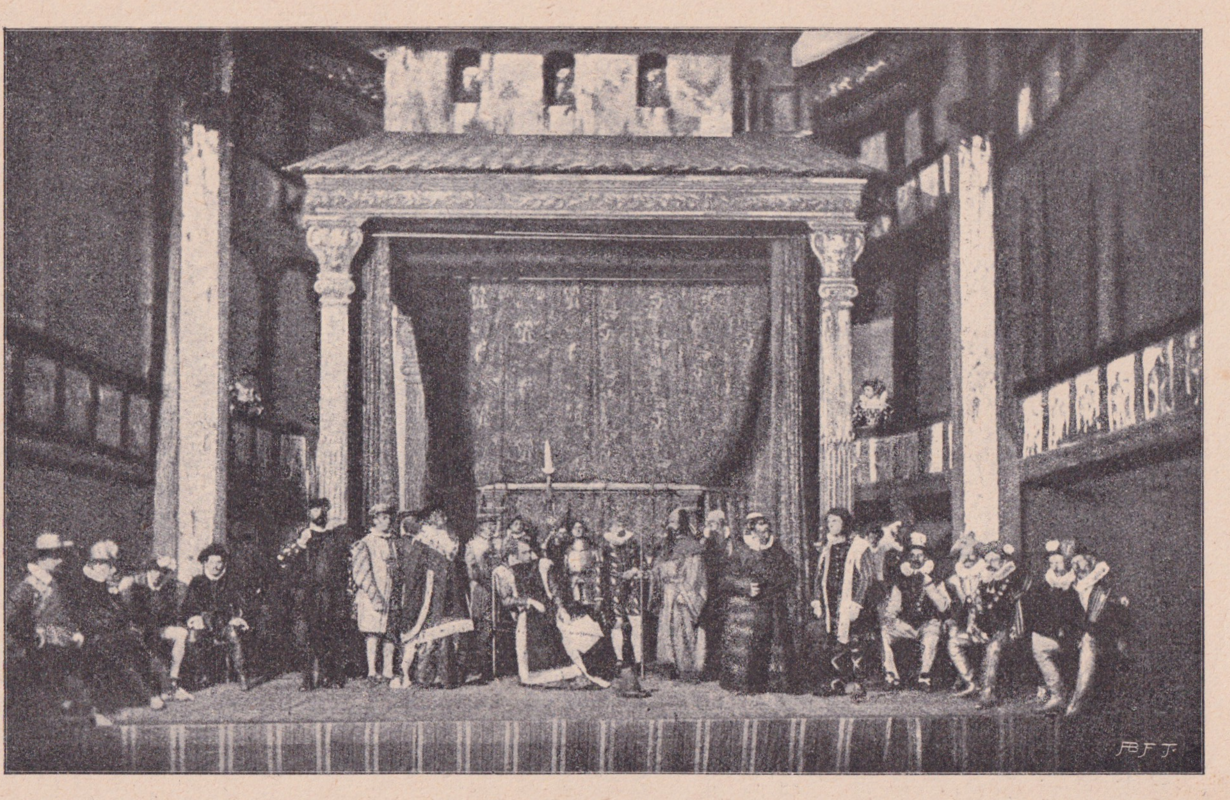
Сцена театра „Лебедь".

зывался дворомъ или ямой, и предназначался для простой публики, смотрѣвшей представленія стоя. Надъ партеромъ вдоль стѣнъ зрительнаго зала тянулся балконъ, назначенный для лучшей публики, а надъ нимъ было помѣщеніе для оркестра. На подмосткахъ въ глубинѣ сцены, на

высотѣ восьми футовъ, находился еще одинъ небольшой балконъ, служившій для различныхъ цѣлей. По бокамъ сцены находились ложи для публики, а на самой сценѣ мѣста для аристократіи. Во время представленій публика курила, и за джентльменами стояли ихъ слуги, набивавшіе имъ трубки. Плата за входъ была не велика, такъ напр. мѣсто въ партерѣ, о которомъ говорилось выше, стоило 1—6 пенсовъ, а лучшія мѣста на балконѣ и на сценѣ 1 шиллингъ. Деньги за мѣста опускали при входѣ въ копилку, которую кассиръ подавалъ входившимъ. Въ то время театръ посѣщали почти исключительно мужчины, а немногія женщины, рѣшавшіяся посѣщать его, являлись всегда въ маскахъ, потому что въ тѣ времена публика держала себя въ театрахъ слишкомъ свободно и безцеремонно.

Что же касается устройства сцены и декорацій, то публику того времени не трудно было удовлетворить: она посѣщала театры не для того, чтобы любоваться роскошными декораціями вродѣ Венеціи съ ея каналами, гондолами и лебедями или искусственнымъ восходомъ солнца,—въ то время ничего подобнаго не было,—и не для того, чтобы наслаждаться музыкой,—оперъ тогда еще не было: онѣ впервые явились лишь въ эпоху Возрожденія, — напротивъ, публика довольствовалась весьма скромной сценической обстановкой, и только на костюмы исполнителей тратились значительныя суммы. На историческую вѣрность костюмовъ обращалось мало вниманія, но тѣмъ больше на внѣшній блескъ костюмовъ, оружія, шлемовъ и броней. На какой-нибудь бархатный плащъ тратилось нерѣдко 16 — 20 фунтовъ, тогда какъ автору пьесы платили за нее всего 4 — 8 фунтовъ.

Но главной притягательной силой театра была драматическая поэзія, и если вспомнить какъ примитивна была сценическая обстановка и какъ мала была самая сцена, то

Представленіе въ театрѣ „Фортуна“.

придется сознаться, что публика временъ Шекспира высоко цѣнила и понимала поэзію.

Шекспиръ быстро сдѣлался любимцемъ публики. Послѣ представленія „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ у любителей театра въ столицѣ былъ одинъ только вопросъ: „Когда дадутъ новую пьесу Шекспира?“

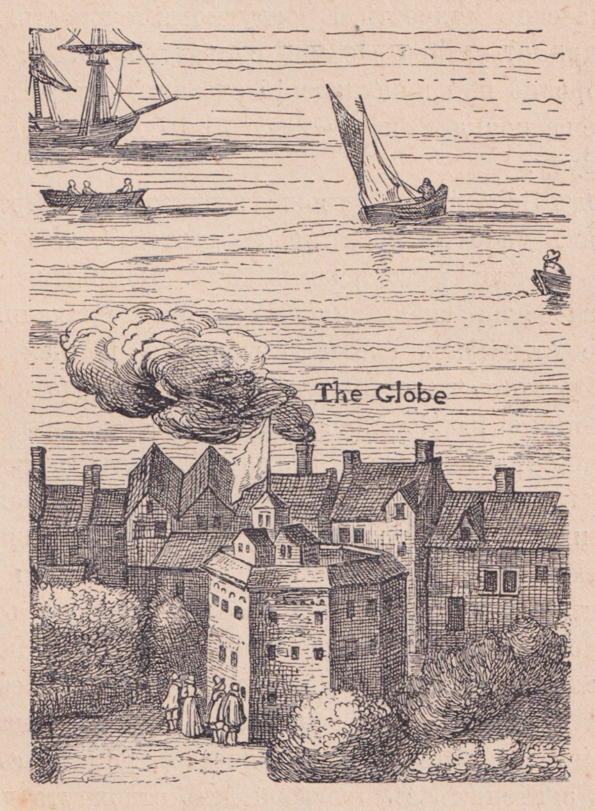
Поэтому весь городъ заволновался, когда на столбахъ главной улицы появились афиши о первомъ представленіи новой трагедіи Шекспира „Ромео и Юлія“.

Сначала предполагалось дать первое представленіе новой драмы во дворцѣ лорда-казначея; но въ виду его мрачнаго настроенія оно было отмѣнено. Однако въ день представленія лордъ Гэнсдонъ почувствовалъ себя бодрымъ и разослалъ приглашенія пожаловать къ нему на вечеръ послѣ оканчанія спектакля въ театрѣ.

Самъ лордъ-казначей находился среди зрителей Блэкфрайрскаго театра, размѣры котораго не могли вмѣстить всей многочисленной публики, желавшей посмотрѣть новую трагедію Шекспира. Въ театрѣ было такъ тѣсно, что яблоку негдѣ было упасть, и даже мѣста для музыкантовъ были проданы по дорогой цѣнѣ. Этотъ интересъ зрителей объяснялся тѣмъ, что Бербэджъ долженъ былъ выступить въ роли Ромео, а Шекспиръ въ роли Лоренцо.

Трогательный разсказъ о печальной судьбѣ Ромео и Юліи былъ уже отчасти знакомъ публикѣ по нѣсколькимъ разсказамъ и новелламъ. Но тонкая обрисовка характеровъ настолько усилила интересъ драмы, что зрители пришли въ восторгъ. Прелестный, юмористическій образъ Меркуціо съ его фантастической сказкой о царицѣ Маабъ, являвшейся при лунномъ свѣтѣ въ воздушной колесницѣ изъ орѣховой скорлупы, вызвалъ у зрителей шумные крики восторга, равно какъ и другой, созданный Шекспиромъ образъ графа Париса, играющаго

важную роль въ трагедіи. Мы видимъ, съ какой любовью поэтъ обрисовываетъ прекрасный образъ этого юноши. Графъ Парисъ принадлежитъ безспорно къ тонкимъ, возвышеннымъ характерамъ и такъ же сильно выдѣляется на суровомъ фонѣ, какъ и трагическая любовь Ромео и Юліи. Какъ вы-

„Театръ Глобусъ".

соко Шекспиръ ставилъ графа Париса, видно уже изъ того, что поэтъ призналъ его достойнымъ своей смертью возвеличить трагическій конецъ Юліи.

Шекспиръ мастерски сыгралъ роль Лоренцо, который съ одной стороны своими разсужденіями частью поясняетъ

дѣйствіе, съ другой стороны, своей неудачной попыткой спасти Ромео и Юлію приводитъ дѣйствіе къ трагическому концу. Въ этомъ дѣйствіи Шекспиръ изобразилъ Лоренцо скорѣе мудрецомъ и философомъ, нежели монахомъ, который въ концѣ трагедіи принужденъ сознаться, что онъ, несмотря на свою мудрость, и предусмотрительность, долженъ былъ подчиниться неотразимой судьбѣ. Чувствуя свое безсиліе, Лоренцо при приближеніи стражи въ ужасѣ бѣжитъ изъ склепа, покидая несчастную Юлію въ самую трагическую минуту.

Ричардъ Бербэджъ превзошелъ въ этотъ вечеръ самого себя и такъ увлекъ своей игрой зрителей, что они отъ волненія забыли рукоплескать ему. Во время послѣдней трагической сцены многіе зрители плакали. Въ то время не стыдились слезъ, вызванныхъ поэзіей и искусствомъ. Въ этотъ вечеръ зрители были глубоко потрясены; какъ истинные патріоты, они съ благоговѣніемъ смотрѣли на Шекспира и Бербэджа, этихъ великихъ людей, составившихъ гордость англійскаго народа, и это сознаніе переполняло ихъ души. Поразительная красота Шекспировской поэзіи очаровала зрителей, и когда по окончаніи представленія актеры по обыкновенію прочли, преклонивъ колѣна, молитву о благоденствіи королевы, въ театрѣ поднялась оглушительная буря рукоплесканій. Публика безъ конца вызывала Шекспира и Бербэджа, и только когда передъ занавѣсомъ наконецъ явился режиссеръ Геминджъ и обратился къ зрителямъ съ просьбой дать отдохнуть усталымъ артистамъ, толпа стала расходиться, продолжая восторженно кричать: „Да здравствуетъ Вилліамъ Шекспиръ! да здравствуетъ Ричардъ Бербэджъ!“

Графъ Соутгэмптонъ первымъ явился въ уборную актеровъ, чтобы выразить артистамъ свой восторгъ. Обнимая Шекспира, онъ сказалъ ему только:

Шекспиръ у лорда Гэнсдона.

— Дозволь ничтожному графу просить короля поэтовъ быть его другомъ и братомъ.

И, не ожидая отвѣта отъ радостно изумленнаго поэта, онъ поцѣловалъ его и, крѣпко пожимая руку, прибавилъ:

— Отнынѣ, Вилліамъ, мы пойдемъ рука объ руку въ жизни, и теперь я прошу тебя отправиться со мной на вечеръ къ лорду Гэнсдону.

Хотя Шекспиръ ранѣе уговорился съ Бербэджемъ провести съ нимъ вечеръ, онъ вынужденъ былъ уступить просьбѣ Соутгэмптона, который такъ восторженно полюбилъ поэта, что ради него забылъ всѣ сословные предразсудки. Въ своемъ увлеченіи графъ забылъ, что царившій въ то время въ высшемъ обществѣ строгій этикетъ запрещалъ вводить въ домъ лорда Гэнсдона Вилліама Шекспира, состоявшаго на службѣ въ труппѣ лорда. Поэтъ, отуманенный огромнымъ успѣхомъ своей пьесы, также не вспомнилъ объ этомъ и послѣдовалъ за своимъ другомъ во дворецъ лорда.

Широкая лѣстница, коридоры, высокія комнаты и великолѣпное зало были залиты ослѣпительнымъ свѣтомъ. Гости, повидимому, собрались недавно; расхаживая группами, одни разсуждали о красотѣ и достоинствахъ новой пьесы Шекспира, а другіе дѣлали разныя предположенія о причинѣ дурного расположенія духа лорда Гэнсдона послѣ возвращенія его изъ театра. Въ это время въ зало вошелъ Соутгэмптонъ подъ руку съ Шекспиромъ.

Взгляды гостей съ изумленіемъ устремились на нихъ, и вскорѣ неодобрительный говоръ послышался со всѣхъ сторонъ.

Графъ только презрительно улыбался, глядя на это избранное общество, считавшее себя оскорбленнымъ присутствіемъ геніальнаго поэта.

Самъ поэтъ чувствовалъ себя очень неловко и просилъ своего друга-покровителя вывести его изъ зала; но графъ

только крѣпче сжалъ его руку и прошелъ съ нимъ черезъ все зало.

— Господа, — обратился онъ къ группѣ придворныхъ дамъ и кавалеровъ,—сегодня въ театрѣ вы были въ такомъ восторгѣ отъ генія нашего Вилліяма Шекспира, что я счелъ своимъ долгомъ представить вамъ самого поэта; я увѣренъ, что вы почтете за большую честь познакомиться съ королемъ поэтовъ.

Дамы принялись усердно обмахиваться вѣерами, бросая неодобрительные взгляды на графа, а кавалеры еще выше подняли носъ и свысока оглядывали съ головы до ногъ Шекспира, въ смущеніи стоявшаго рядомъ съ графомъ.

— Неужели вы въ этомъ такъ увѣрены, графъ?— спросилъ высокомѣрно одинъ изъ гостей, пошлое помятое лицо котораго составляло такой же рѣзкій контрастъ съ его роскошнымъ костюмомъ, какъ полинявшая картина въ драгоцѣнной рамѣ.—Если бы вы представили намъ мистера Шекспира гдѣ-нибудь въ коридорѣ, я, пожалуй, снизошелъ бы милостиво кивнуть ему головой, но вводить его сюда, въ общество гостей лорда Гэнсдона — оскорбленіе для всѣхъ насъ.

— Оскорбленіе, лордъ Биготъ? — вспылилъ Соутгэмптонъ. — Вы дадите мнѣ за это удовлетвореніе, и будьте увѣрены, что я, какъ слѣдуетъ, отмѣчу ваше лицо.

Лордъ Биготъ поблѣднѣлъ, зная что графъ Соутгэмптонъ отлично владѣетъ шпагой, тогда какъ самъ онъ не могъ похвалиться этимъ.

Этотъ рѣзкій разговоръ привлекъ вниманіе всего общества, и въ то же время въ залѣ показался лордъ Гэнсдонъ. Онъ устремилъ на графа и стоявшаго рядомъ съ нимъ смущеннаго Шекспира гнѣвный взглядъ и крикнулъ послѣднему:

— Удалитесь изъ пріемныхъ комнатъ, мистеръ Шекспиръ, и ждите меня въ моемъ кабинетѣ!

Шекспиръ поклонился и вышелъ.

— Дѣлать нечего, я долженъ подчиниться желанію хозяина дома,—сказалъ Соутгэмптонъ. — Но если бы это случилось въ моемъ домѣ, даю вамъ честное слово дворянина, я предпочелъ бы отпустить всѣхъ своихъ гостей, но не моего друга Шекспира.

По залу пронесся недовольный говоръ, среди котораго повторялись слова „другъ Шекспиръ!“ Услышавъ это, Соутгэмптонъ не совладалъ съ собою. Его обыкновенно ласковый взглядъ загорѣлся гнѣвомъ, на лбу появились морщины, и мягкія черты лица приняли какое-то жесткое выраженіе.

— Да, мой другъ Шекспиръ!—крикнулъ онъ.—Я горжусь тѣмъ, что могу сказать это! Чрезъ нѣсколько вѣковъ, когда всѣ вы, высокородовитые дамы и джентльмены, уже давно сгніете въ вашихъ склепахъ и всѣми забытыя имена ваши можно будетъ найти только въ вашихъ родословныхъ, имя Шекспира подобно солнцу будетъ сіять въ мірѣ искусства и поэзіи. Далеко за предѣлами нашего отечества народы съ восторгомъ будутъ повторять имя Вилліама Шекспира и благославляя его память, преклоняться предъ его великимъ геніемъ!

— Хорошо сказано, Соутгэмптонъ!—послышался чей-то голосъ, и впередъ выступилъ высокій, широкоплечій мужчина, мужественное лицо котораго свидѣтельствовало о его сильной волѣ. То былъ графъ Пэмброкъ, сынъ одного изъ опекуновъ Эдуарда VI, вслѣдствіе неудачной попытки спасти плѣнную Марію Стюартъ, бѣжавшаго въ 1569 году во Францію. — Намъ всѣмъ слѣдуетъ гордиться тѣмъ, что мы современники геніальнаго поэта, отъ котораго мы можемъ очень многому поучиться. Я сомнѣваюсь,—продолжалъ онъ, оглядывая гостей проницательнымъ взглядомъ,—чтобы кто-нибудь изъ васъ, господа, могъ написать хоть

одну фразу, достойную Шекспира. По моему мнѣнію, такой геній выше всѣхъ нашихъ родословныхъ, хотя бы онѣ доходили даже до королевскаго рода.

Графъ Пемброкъ намекалъ этимъ на отдаленное родство лорда Гэнсдона съ королевой, которой графъ не могъ простить ея строгое отношеніе къ его отцу, оказавшему важныя услуги государству.

— Благодарю васъ за ваше смѣлое слово! — воскликнулъ графъ Соутгэмптонъ, пожимая графу Пемброку руку.— Надѣюсь, что мы здѣсь съ вами не одни раздѣляемъ этотъ взглядъ, и что найдутся еще достойные люди, которые мыслятъ такъ же, какъ мы.

Онъ окинулъ гостей испытующимъ взглядомъ и не ошибся: къ нему тотчасъ примкнули графы Сомерсетъ, Салисбюри и Нортумберлэндъ, готовые также вступиться за Шекспира.

Тѣмъ временемъ поэтъ входилъ въ кабинетъ лорда Гэнсдона, ярко освѣщенный горѣвшими по стѣнамъ и на столахъ многочисленными свѣчами. Сосѣдняя комната освѣщалась мягкимъ свѣтомъ свѣтильника, и Шекспиръ замѣтилъ, что съ обоихъ портретовъ снятъ трауръ. Поэтъ хотѣлъ-было подойти къ портретамъ, но въ изумленіи остановился, увидѣвъ молившагося у налоя шута.

— Вы удивлены, что шутъ молится?—вставая спросилъ онъ поэта.—Я не всегда бываю шутомъ, мой другъ, и всегда молюсь, когда мой господинъ устраиваетъ эти блестящіе вечера; они всегда печально кончаются!—добавилъ шутъ, покачивая головой.

— Отчего такъ часто мѣняется настроеніе лорда?—спросилъ Шекспиръ. — Развѣ нѣтъ средства избавить его отъ этой меланхоліи?

— Вырвите у него изъ сердца сознаніе его вины, и меланхолія исчезнетъ. Можетъ быть, вамъ это удастся, вѣдь

вы волшебникъ въ поэзіи. Или же удалите эти портреты такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ, и, можетъ быть, онъ забудетъ свою вину.

— Чьи это портреты? Почему сегодня съ нихъ снятъ трауръ?—спросилъ Шекспиръ.

— Вы слишкомъ любопытны; но такъ и быть я разскажу вамъ эту исторію. Трауръ снимается съ этихъ портретовъ только разъ въ годъ, въ день рожденія лорда; въ этотъ день рамы украшаются, какъ видите, плющомъ. Это портреты покойныхъ молодого Гэнсдона и его супруги.

Шекспиръ сталъ внимательно разсматривать портреты; особенно привлекалъ его женскій портретъ. Это миловидное женское лицо очень напоминало ему кого-то; но кого, онъ никакъ не могъ вспомнить и сознавалъ только, что сходство поразительное.

Заслышавъ шаги лорда, шутъ поспѣшно увлекъ поэта въ кабинетъ.

Минуту спустя вошелъ лордъ и, мрачно взглянувъ на Шекспира, приказалъ шуту удалиться.

— Я ошибся въ васъ, — началъ лордъ Гэнсдонъ послѣ короткой паузы, — я считалъ васъ прямодушнымъ, скромнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ за вашей кажущейся скромностью кроется опасный характеръ.

— Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такой тяжкій упрекъ,— возразилъ Шекспиръ.

— Я не говорю уже о томъ,—продолжалъ лордъ,—что вы забылись, осмѣлившись явиться въ аристократическое общество, собравшееся въ моемъ домѣ; это всецѣло вина Соутгэмптона. Но вы склонили меня посмотрѣть вашу новую пьесу, конецъ которой оказался совсѣмъ инымъ, чѣмъ я могъ предположить, судя по вашему разсказу.

— Развѣ не вы сами, ваша свѣтлость, предложили мнѣ написать эту драму?—возразилъ изумленный Шекспиръ.

— Правда,—согласился лордъ,—но вы измѣнили конецъ пьесы. Судя по вашимъ словамъ, я предполагалъ, что вы считаете смерть Ромео и Юліи справедливымъ возмездіемъ за ихъ непослушаніе родителямъ, а въ вашей пьесѣ любовь торжествуетъ даже въ смерти, и влюбленные сходятъ въ могилу безъ раскаянія, пристыдивъ и уничтоживъ ненависть своихъ родныхъ. Еслибъ я могъ предположить такой конецъ, то не былъ бы сегодня на представленіи вашей пьесы. Сила слова на вашей сторонѣ, но вы грѣшите передъ всѣми родителями, давъ въ „Ромео и Юліи“ яркій примѣръ, что судьба не наказываетъ непослушанія.

— Ваша свѣтлость превратно поняли мою идею,—съ сожалѣніемъ, но сухо отвѣтилъ поэтъ.

— Вы думаете?—вспылилъ Гэнсдонъ.—Можетъ быть, я понялъ васъ лучше, чѣмъ вы думаете... Что-жъ, коситесь на портреты въ той комнатѣ; вы, вѣроятно, знаете ихъ исторію такъ же хорошо, какъ я. При сочиненіи своей пьесы вы, очевидно, имѣли въ виду судьбу этой парочки, а я—я долженъ былъ довольствоваться ролью Монтекки и Капулетти!

Шекспиръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на взволнованнаго лорда.

— Я не понимаю упрековъ вашей свѣтлости!—искренно воскликнулъ Шекспиръ.—Прошу васъ, разскажите мнѣ исторію этихъ портретовъ, чтобы я могъ оправдаться передъ вами.

Гэнсдонъ окинулъ поэта острымъ, проницательнымъ взглядомъ, и поэтъ спокойно и прямодушно выдержалъ его.

Лордъ глубоко вздохнулъ.

— Я, кажется, былъ несправедливъ къ вамъ,—тихо сказалъ онъ.—Простите несчастнаго отца, у котораго судьба отняла все: сына, невѣстку и...—Онъ тихо покачалъ своей сѣдой головой и посмотрѣлъ на портреты. Выраженіе глубокаго горя скользнуло по его лицу, и, попросивъ Шекспира скорѣй спустить занавѣсы, онъ грустно добавилъ:

— Гейнсъ снова завѣситъ трауромъ эти портреты. Пусть они спятъ цѣлый годъ, а если я умру, пусть эта черная ткань покроетъ мой гробъ.

— Не предавайтесь, ваша свѣтлость, опять вашему горю!— сказалъ съ горячимъ участіемъ Шекспиръ.

— Вы хорошій человѣкъ, мистеръ Шекспиръ,—сказалъ Гэнсдонъ, беря поэта за руку.—Я чувствую, что былъ очень несправедливъ къ вамъ. Вѣроятно, вы вскорѣ напишете новую, веселую пьесу?

— Сердце мое еще переполнено скорбью объ утратѣ Марло.

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ лордъ.—То же самое и со мною, и потому я не могу разогнать мою меланхолію. Настроеніе зависитъ не отъ воли человѣка, и даже такой геній и знатокъ человѣческой души, какъ вы, не можетъ совладать со своимъ настроеніемъ. Но я долженъ вернуться къ моимъ гостямъ!—заключилъ онъ со вздохомъ.

Отворяя двери, онъ обернулся и сказалъ:

— Сословные предразсудки нашего общества принадлежатъ также къ глупому шутовству. Вслѣдствіе этого васъ, мистеръ Шекспиръ, глубоко оскорбили въ моемъ домѣ. Но я хочу дать вамъ удовлетвореніе. Слѣдуйте за мной.

Поэтъ хотѣлъ-было съ благодарностью отклонить приглашеніе, но устремленный на него съ мольбой взглядъ Гэнсдона побудилъ его слѣдовать за нимъ, и Шекспиръ вошелъ въ зало подъ руку съ лордомъ.

Гости между тѣмъ раздѣлились на двѣ партіи и были крайне изумлены, увидѣвъ лорда Гэнсдона подъ руку съ Шекспиромъ. Соутгэмптонъ и его сторонники съ одушевленіемъ привѣтствовали лорда, а противники поневолѣ вынуждены были примкнуть къ привѣтствію, не осмѣлившись протестовать въ присутствіи лорда, родственника королевы.

За столомъ Шекспиръ былъ удостоенъ чести сидѣть ря-

домъ съ хозяиномъ дома, мрачное настроеніе котораго онъ сумѣлъ разогнать своимъ тонкимъ юморомъ. Сидѣвшій противъ поэта Соутгэмптонъ весело улыбался ему, а графъ Пемброкъ предложилъ тостъ за поэта и его геній.

Гости разошлись только къ утру.

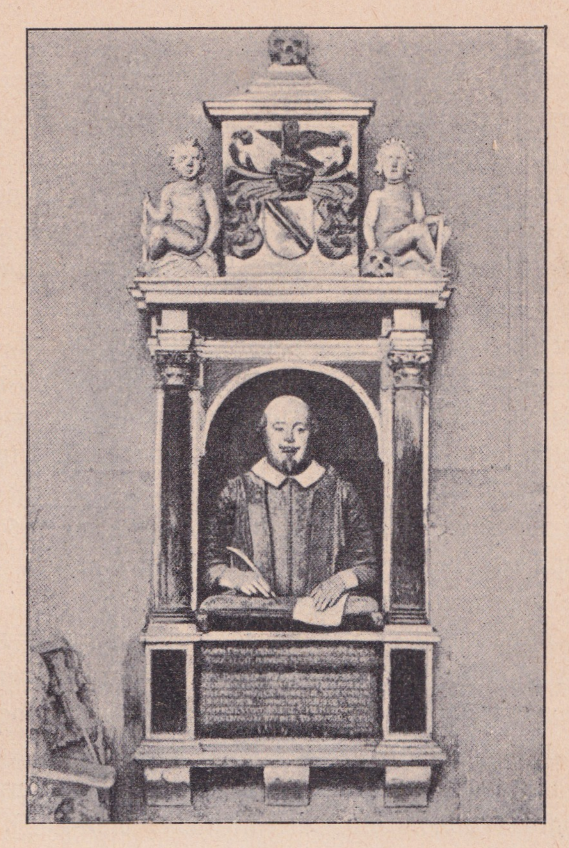
Лордъ Гэнсдонъ самымъ привѣтливымъ образомъ отклонилъ благодарность Шекспира и сердечно пожалъ руку ему, Соутгэмптону и Пемброку.

Обѣ партіи простились уже наверху. Соутгэмптонъ и его друзья стали спускаться по лѣвой лѣстницѣ, а противная партія по правой.

Несмотря на освѣщенную лѣстницу, послѣднимъ свѣтилъ съ комической важностью шутъ, и, когда Соутгэмптонъ спросилъ его, почему онъ свѣтитъ, шутъ весело отвѣтилъ:

— Надо же мнѣ пожалѣть несчастныхъ глупцовъ, блуждающихъ во мракѣ. Вы же во мнѣ не нуждаетесь: вашъ путь ярко озаряетъ блестящая звѣзда—Вилліамъ Шекспиръ.

Бюстъ Шекспира въ приходской церкви въ Стратфордѣ.

ГЛАВА IX.

Двойникъ.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ послѣ вечера у лорда Гэнсдона.

Въ курильнѣ на Тоуэрской улицѣ сидѣли за бутылкой вина старикъ съ добродушнымъ лицомъ и юноша въ формѣ пѣвчаго придворной капеллы, предлагавшій своему собесѣднику выкурить трубочку.

— Нѣтъ, Дикъ, я не любитель этого. Въ Лондонѣ слишкомъ быстро усваиваются всякія глупости, какъ, напримѣръ, эти курильни-академіи. Я никогда не бывалъ въ нихъ и сегодня не былъ бы здѣсь, если бы ты не уговорилъ меня. Давно мы не видѣлись съ тобой... ты похорошѣлъ за это время.

— Очень радъ это слышать, дѣдушка Тимоти,—сказалъ польщенный Дикъ.—Если бы мнѣ дозволили отпустить усы, я былъ бы еще красивѣе; къ сожалѣнію, это воспрещено пѣвчимъ придворной капеллы... Ну, какъ вы поживаете, дѣдушка Тимоти?

— Потихоньку. Мнѣ нынче приходится много бѣгать изъ Блэкфрайра въ Бэнксайдъ, гдѣ на этихъ дняхъ состоится освященіе новаго театра „Глобусъ".

— Ну, объ этомъ вы разскажите мнѣ послѣ,—возразилъ Дикъ. — А теперь посмотримъ, что тутъ дѣлается; вѣдь я сегодня тоже въ первый разъ въ курильнѣ! Посмотримъ, какъ дѣйствуетъ эта виргинская трава.

За столами вокругъ искусныхъ курильщиковъ сидѣли большей частью молодые, одѣтые по послѣдней модѣ джентльмены, старавшіеся усвоить различные пріемы куренія. Одни курили, удерживая долгое время дымъ во рту; другіе выпускали дымъ то изо рта, то изъ ноздрей; и только немногіе умѣли выпускать дымъ тонкой струйкой и колечками. За особымъ столикомъ сидѣли два мальчика; одинъ изъ нихъ крошилъ табачные листья, между тѣмъ какъ другой поддерживалъ маленькій огонь и серебряными щипцами подавалъ курильщикамъ угольки.

— Куренье въ сущности нелѣпость, — сказалъ Дикъ, откладывая въ сторону дымившуюся еще трубку.—Красныя вина графа Эссекса вкуснѣе Ралейевской травы.

— Не знаешь ли ты, когда вернется графъ?—прервалъ его Тимоти.

— Какъ не знать? Мы, придворные, все знаемъ, — засмѣялся Дикъ. — И я очень радъ, что Эссексъ отплатилъ Ралею, какъ слѣдуетъ.

— Не знаю. Что же случилось?

— Вы вѣдь знаете, что они другъ друга терпѣть не могутъ, и, когда Ралей вернулся изъ страны золота безъ обѣщаннаго золота и сокровищъ, графъ не давалъ ему прохода своими насмѣшками. Когда же Эссексъ совершилъ свое отважное нападеніе на Кадиксъ и вернулся съ богатой добычей, насмѣшки его надъ Ралеемъ еще болѣе усилились. Но особенно сильно разгорѣлась ихъ вражда съ тѣхъ поръ, какъ Ралея поставили подъ начальство Эссекса, назначивъ его контръ-адмираломъ флота, отправлявшагося противъ испанскихъ колоній въ Америкѣ. Судно Ралея такъ сильно пострадало во время бури, что онъ принужденъ былъ остаться для ремонта у Азорскихъ острововъ. Эссексъ приказалъ ему направиться къ острову Файяль, а когда Ралей самовольно овладѣлъ столицею этого острова, графъ предалъ его военному суду, который приговорилъ Ралея къ смерти. Его помиловали только благодаря заступничеству графа Говарда, и съ тѣхъ поръ Ралей совсѣмъ смирился передъ Эссексомъ.

— Какъ бы Ралей не отомстилъ ему! — замѣтилъ Тимоти.—Значитъ, графъ вскорѣ вернется въ Лондонъ?

— Не хотите ли вы спѣть ему серенаду, что такъ освѣдомляетесь о времени его возвращенія?—пошутилъ Дикъ.

Старикъ грустно покачалъ головой.

— Вѣдь ты знаешь,—сказалъ онъ,—что сэръ Лонгсуордъ находится въ свитѣ графа, а у меня дома нѣкто съ нетерпѣніемъ ждетъ его возвращенія.

— А, Люси!—вздохнулъ Дикъ.—Я до сихъ поръ не могу простить Лонгсуорду, что онъ тогда опередилъ меня, и думаю, Люси сдѣлала бы лучшую партію, если бы вышла замужъ за меня.

Тимоти съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты славный, хорошій юноша,—сказалъ онъ,—и я увѣренъ, что ты современемъ составишь себѣ громкое имя какъ артистъ, но мою Люси я все-таки не могъ бы тебѣ отдать.

Дикъ вскочилъ.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Этого пока я еще не смѣю тебѣ сказать, — отвѣтилъ старикъ, — и я не знаю еще даже, могу ли я выдать Люси за сэра Лонгсуорда, хотя я уже обѣщалъ ему.

— И хорошо сдѣлаете, — одобрилъ Дикъ, — пусть онъ останется съ носомъ... Скажите мнѣ, почему члены труппы лорда-камергера выстроили новый театръ?

— Собственно мнѣ слѣдовало бы умолчать о настоящей причинѣ,—улыбнулся Тимоти,—но...

— Будьте покойны, все останется между нами!—увѣрилъ его Дикъ.

Тимоти посмотрѣлъ на него съ лукавой улыбкой и сказалъ:

— Труппа была весьма недовольна тѣмъ, что въ Блэкфрайрскомъ театрѣ начали играть пѣвчіе придворной капеллы.

— Гм, какъ глупо! — презрительно замѣтилъ Дикъ. — Среди пѣвчихъ есть крупные таланты. Къ сожалѣнію, скромность моя не позволяетъ мнѣ назвать одно знакомое вамъ имя. Мнѣ кажется, причина всей этой исторіи — зависть и недоброжелательство.

Старикъ съ улыбкой погрозилъ ему пальцемъ, сказавъ:

— Не будь выскочкой, Дикъ! Тебѣ еще далеко до твоего учителя Бербэджа. Надо еще много учиться; только скромные люди дѣлаютъ успѣхи.

— Вы правы, дѣдушка Тимоти, — согласился Дикъ, почесывая за ухомъ, — иногда я бываю страшно нахаленъ. Знаете, это оттого, что служишь при дворѣ; но я постараюсь исправиться, дѣдушка Тимоти.

— По какой дорогѣ вы пойдете?—спросилъ онъ, выходя со старикомъ изъ курильни.

— Я пойду черезъ Лондонскій мостъ въ театръ „Глобусъ“.

Эдуардъ Аллейнъ.

— Такъ я пойду съ вами. Я сегодня весь день свободенъ, и мнѣ хочется посмотрѣть новый театръ.

Они направились къ южному берегу Темзы, гдѣ по сосѣдству съ медвѣжьимъ звѣринцемъ находилось Бэнксайд-

ское предмѣстье. Находившійся тамъ театръ „Глобусъ", какъ и всѣ театры того времени, былъ построенъ изъ дерева, и сцена его была покрыта тростниковой крышей. Онъ сгорѣлъ до тла въ іюнѣ 1613 г. во время представленія трагедіи Шекспира „Генрихъ VIII". Названіе свое театръ „Глобусъ" получилъ частью вслѣдствіе формы внутренняго помѣщенія, частью вслѣдствіе находившейся надъ главнымъ входомъ фигуры Геркулеса съ глобусомъ и съ подписью: Totus mundus agit histrionem (весь міръ играетъ въ актеры). Этотъ театръ предназначался для лѣтнихъ представленій; поэтому некрытое помѣщеніе для зрителей было значительно больше, чѣмъ въ Блэкфрайрскомъ театрѣ, служившемъ для зимнихъ представленій.

Театръ „Глобусъ" принадлежалъ Генслоу, тестю знаменитаго драматурга Эдуарда Аллейна, члена труппы лорда-адмирала, игравшей въ „Театрѣ Розъ".

Генслоу ежедневно бывалъ въ „Глобусѣ", и Тимоти и Дикъ застали его тамъ вмѣстѣ съ Аллейномъ, котораго онъ также завербовалъ въ свою труппу. На вѣжливый поклонъ вошедшихъ необычайно тучный и высокій Генслоу отвѣтилъ съ высокомѣрной снисходительностью.

— Ну, чтó мистеръ Шекспиръ поручилъ мнѣ передать?— спросилъ онъ Тимоти, благосклонно поглядывая на Дика — Труппа лорда-контролера не можетъ обойтись безъ Шекспира во время своихъ гастролей въ „Глобусѣ".

— Мистеръ Шекспиръ теперь очень занятъ,—отвѣтилъ Тимоти,—онъ только вчера вернулся изъ Стратфорда.

— Въ этомъ году онъ что-то часто уѣзжаетъ туда!— замѣтилъ Генслоу, съ трудомъ скрывая свое любопытство.

— У него были на то основательныя причины,—возразилъ Тимоти.—Въ прошломъ году онъ схоронилъ тамъ своего единственнаго сына Гамнета. Кромѣ того ему отъ времени до времени хочется навѣстить семью.

— Ну, ну, ужъ этому-то я не совсѣмъ вѣрю'—засмѣялся Генслоу.

Церковь Св. Троицы въ Стратфордѣ.

— Что касается его жены Анны, вы, пожалуй, правы,— согласился Тимоти, — но свою дочь и стариковъ-родителей Шекспиръ очень любитъ. Это я знаю навѣрно.

— Значитъ, онъ ѣздилъ въ Стратфордъ навѣстить семью?—допытывался Генслоу.

— Да; кромѣ того онъ купилъ себѣ тамъ за шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ просторный домъ съ садомъ и службами.

— Неужели!—воскликнулъ въ изумленіи Генслоу, складывая свои толстыя руки.—Удивительно, какъ быстро богатѣютъ поэты. Когда онъ прибылъ въ Лондонъ совсѣмъ бѣднякомъ и обратился ко мнѣ за ссудою, зная, что я...

— Что вы даете деньги подъ проценты,—сухо замѣтилъ Тимоти.

— Не говорите этого,—возразилъ Генслоу съ досадой.— У меня доброе сердце, и я всегда охотно помогаю...

— Намъ слѣдуетъ сдѣлать визитъ Шекспиру,—прервалъ его Аллейнъ, — и лично переговорить съ нимъ о нашемъ дѣлѣ.

— Ты правъ, зятекъ, — согласился Генслоу. — Наймемъ лодку, чтобы скорѣе добраться до Блэкфрайра.

И, уходя съ своимъ зятемъ, онъ ласково потрепалъ Дика по плечу, сказавъ:

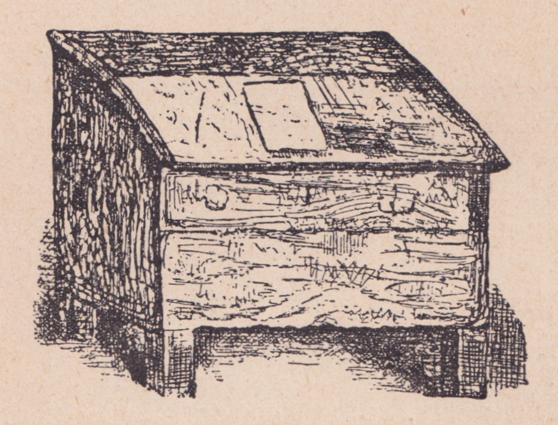
— Вы стройный молодой человѣкъ, и, мнѣ кажется, вамъ бы повезло на сценѣ, если вы не слишкомъ долго будете ходить въ этомъ пестромъ нарядѣ пѣвчаго придворной капеллы. Приходите тогда ко мнѣ. Такого молодца я охотно приму въ свою труппу на женскія роли.

Матеріальное положеніе Шекспира, дѣйствительно, быстро улучшилось. Онъ жилъ скромно и радовался, когда могъ посылать свои сбереженія семьѣ въ Стратфордъ. Онъ умѣлъ практически примѣнять въ жизни познанія, пріобрѣтенныя имъ въ юности у отца и у адвоката. Онъ служилъ лучшимъ примѣромъ, что для генія не является безусловной необходимостью быть непрактичнымъ человѣкомъ, который не умѣетъ обращаться съ деньгами и нуждается

слова „копить“. Рядомъ съ великимъ поэтическимъ дарованіемъ Шекспиръ обладалъ способностью разбираться въ мелочахъ жизни съ ея заботами и непріятностями и при этомъ все-таки оставаться на высотѣ своего призванія.

Поэтъ все еще жилъ въ Блэкфрайрѣ, въ той же самой скромной комнатѣ, и тамъ же на прежнемъ мѣстѣ стоялъ тотъ же простой письменный столъ, за которымъ созданы были столь великія поэтическія творенія.

На этомъ столѣ поэтъ написалъ двѣ драмы изъ отечественной исторіи: „Іоанна“ и „Ричарда II“, а теперь онъ работалъ

Бюро Шекспира.

надъ „Генрихомъ IV“, задавшись цѣлью представить по возможности полную картину борьбы королевскихъ родовъ Ланкастеръ и Іоркъ.

На эту мысль его навели воспоминанія о тѣхъ историческихъ мѣстахъ, которыя онъ такъ часто посѣщалъ въ юности. У Шекспира была потребность творить, и великій успѣхъ его произведеній заставлялъ его стремиться къ совершенствованію.

Онъ только что окончилъ сцену между принцемъ Генрихомъ и Фальстафомъ въ корчмѣ „Кабанья Голова“ во второмъ

дѣйствіи, какъ раздался стукъ въ дверь, и вошелъ Генслоу съ Аллейномъ.

Шекспиръ отложилъ свою рукопись, недовольный тѣмъ, что помѣшали его работѣ, и, предложивъ гостямъ сѣсть, освѣдомился о цѣли ихъ прихода.

Генслоу объяснилъ ему.

— Я согласенъ, — заговорилъ Шекспиръ, выслушавъ его.—Если вы заключите условіе съ членами труппы лорда-контролера, то можете разсчитывать на мое участіе, разумѣется, съ условіемъ, что мой другъ Бербэджъ также будетъ участвовать. Извините за откровенность, мистеръ Аллейнъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ артисту.

— Ваша откровенность вызываетъ еще больше уваженія къ вамъ! — отвѣтилъ Аллейнъ. — И я думаю, что мы поладимъ съ Бербэджемъ.

— Въ этомъ я увѣренъ: другихъ отношеній быть не можетъ между двумя такими великими артистами,—замѣтилъ Шекспиръ.

— Мой Эдуардъ ягненокъ, онъ никогда не ссорится,— вмѣшался Генслоу. — Скажите, какъ вамъ нравится театръ „Глобусъ“?

— Онъ недуренъ, въ особенности теперь, когда вы выкрасили его въ кирпичный цвѣтъ.

— Это мой любимый цвѣтъ,—захихикалъ Генслоу. — А какъ вы находите Геркулеса надъ входомъ съ земнымъ шаромъ и латинскою надписью: Totum muldum agum histerium.

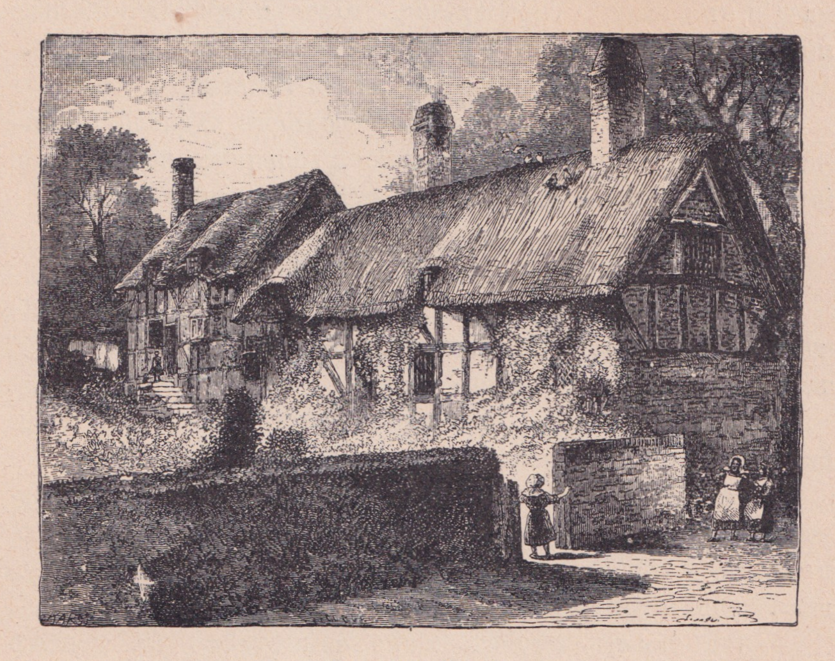
— Не такъ, батюшка, вы перепутали надпись!—прервалъ его улыбаясь въ смущеніи Аллейнъ.

— Ну, ладно,—проворчалъ Генслоу,—тамъ говорится что-то о hisperium.

— Histrionem,—поправилъ его Аллейнъ, которому стало стыдно за невѣжество тестя.

— Все равно!—возразилъ Генслоу.—Мы нуждаемся для

новаго театра въ интересныхъ исторіяхъ, вродѣ Ромео и Юліи или вродѣ рыжаго жида Шейлока. Намъ нуженъ хорошій сборъ, и я пришелъ заключить съ вами условіе, мистеръ Шекспиръ. Я хочу создать изъ Глобуса образцовый театръ и для этого пригласилъ лучшихъ артистовъ, какъ-то: Бербэджа, Кемпе, Геминджа, Попе, Ловина, Армсена, и кромѣ того множество мальчиковъ изъ

Домъ Анны Хэсвей.

пѣвческихъ капеллъ для женскихъ ролей. Словомъ, мы очаруемъ весь Лондонъ, если у насъ будутъ подходящія пьесы...

— А пьесы долженъ поставлять я? — улыбнулся Шекспиръ.

— Вы угадали! Если вы обяжетесь написать для „Глобуса“ нѣсколько пьесъ, то будете получать часть доходовъ

съ „Глобуса". За каждое представленіе я дамъ вамъ пятую часть сбора.

— Я принимаю ваше предложеніе, — согласился Шекспиръ.—Теперь я кончаю новую пьесу „Генрихъ IV" и вскорѣ могу ее предложить вамъ.

— Чудесно!—воскликнулъ Генслоу.—Зрители уже по заглавію будутъ знать, что на сценѣ появится пурпурная мантія, отороченная горностаемъ. Это имъ понравится. Нельзя ли помѣстить въ пьесу сраженіе?

— Оно есть въ пьесѣ,—улыбнулся Шекспиръ.

— Отлично!—воскликнулъ въ восторгѣ Генслоу.—Значитъ, я могу пустить въ дѣло купленные недавно три шлема и три копья. Король, разумѣется, умираетъ?

Поэтъ молча наклонилъ голову.

— Его убиваютъ?

— Нѣтъ, онъ умираетъ въ постели,—отвѣтилъ съ улыбкой Шекспиръ, забавляясь напрасными попытками Аллейна заставить замолчать своего тестя.

Но тотъ въ своемъ увлеченіи ничего не замѣчалъ и, свистнувъ отъ удовольствія, воскликнулъ:

— Это будетъ величественное представленіе! Во-первыхъ, смерть въ постели небывалое на сценѣ явленіе, во-вторыхъ, у меня есть старинная, можно сказать, историческая кроватъ дяди моего дѣда.

— Въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своей пьесы,—замѣтилъ насмѣшливо Шекспиръ.—Кромѣ того въ ней будетъ шинокъ „Кабанья Голова" и ужасно толстый мужчина.

— „Кабанья Голова"! Ужасно толстый мужчина!.. Это будетъ божественно!—воскликнулъ Генслоу, бросаясь цѣловать уклонявшагося отъ его любезностей поэта.

Затѣмъ онъ схватилъ свою шляпу и палку и сказалъ:

— Мы не будемъ вамъ больше мѣшать, мистеръ Шек-

спиръ. Пишите и творите! Постарайтесь кончить пьесу къ концу недѣли. Ура, да здравствуетъ театръ „Глобусъ".

И, подбросивъ нѣсколько разъ отъ радости свою шляпу, Генслоу вышелъ изъ комнаты подъ руку со своимъ зятемъ; но Шекспиръ еще слышалъ, какъ онъ на лѣстницѣ радостно восклицалъ:

„Царская мантія и горностай! Поле сраженія, смерть въ постели! „Кабанья Голова"! Ужасный толстякъ!"

Поэтъ смѣясь снова принялся за прерванную работу и весь этотъ день посвятилъ обрисовкѣ характера своего толстаго героя сэра Джона Фальстафа.

Въ слѣдующіе дни никто не помѣшалъ работѣ поэта. Графы Соутгэмптонъ и Пэмброкъ, часто прежде заглядывавшіе къ нему, были теперь заняты приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ графа Эссекса, а когда графъ черезъ нѣсколько дней прибылъ въ столицу, друзьямъ поэта совсѣмъ некогда было навѣстить его. Благодаря этому, Шекспиру удалось къ концу недѣли кончить „Короля Генриха IV".

Это новое великое произведеніе Шекспира было быстро разучено актерами, благодаря заботамъ Генслоу.

Наступилъ день перваго представленія „Генриха IV", и еще до начала его Генслоу прибѣжалъ въ уборную къ актерамъ и, потирая руки, весело воскликнулъ:

— Мы продали билетовъ уже больше, чѣмъ на двадцать фунтовъ!

И дѣйствительно, такого сбора еще не бывало ни въ одномъ театрѣ. Это ободрило актеровъ, и Джонъ Ловинъ, игравшій роль Фальстафа, весело заплясалъ по гардеробной, несмотря на полъ-тюка ваты, въ которую онъ былъ укутанъ.

Во время первыхъ сценъ новой драмы зрители оставались спокойны. Когда же сцена преобразилась въ шинокъ „Кабанья Голова" и начался діалогъ между принцемъ Генрихомъ и Фальстафомъ, зрителями стало овладѣвать

такое неудержимое веселье, что при уходѣ Фальстафа сотни голосовъ съ хохотомъ закричали: „Генри Чэттль, ура! Генри Чэттль!“

Хорошо, что выведенный на сцену въ лицѣ Фальстафа тучный поэтъ Генри Чэттль не присутствовалъ въ театрѣ, потому что зрители навѣрное потребовали бы, чтобы онъ самъ вышелъ на сцену.

Эта копія удалась Шекспиру сверхъ всякаго ожиданія, и, хотя его Фальстафу недоставало того добродушія, которымъ отличался Генри Чэттль, зрители тотчасъ признали въ сэрѣ Джонѣ сэра Генри изъ клуба „Кабанья Голова“.

Не нарушая общаго хода пьесы, этотъ толстякъ, надѣленный поэтомъ неистощимымъ юморомъ и остроуміемъ, настолько приковывалъ къ себѣ вниманіе зрителей, что казалось, будто онъ составлялъ главное лицо пьесы. Этотъ сэръ Джонъ служитъ образцомъ выродившагося шалопая-рыцаря со всѣми его порочными наклонностями, но претендующаго на почетъ и уваженіе, и только геній Шекспира сумѣлъ заставить насъ восхищаться неистощимымъ юморомъ такой порочной личности, какъ Фальстафъ.

Успѣхъ, достигнутый драмой „Король Генрихъ IV“, превзошелъ всѣ предыдущіе, и наплывъ публики былъ такъ великъ, что пьеса эта давалась въ Глобусѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго представленія этой пьесы Шекспиръ встрѣтилъ на улицѣ Генри Чэттля. Поэтъ смутился, тѣмъ болѣе что толпа мальчишекъ преслѣдовала толстяка по пятамъ со смѣхомъ и крикомъ: „Сэръ Джонъ! Сэръ Джонъ! Здравствуйте, сэръ Джонъ!“

— Я очень сожалѣю, что васъ такъ безпокоятъ, — сказалъ Шекспиръ толстяку.—Если-бъ только я могъ предположить, что мой Фальстафъ будетъ имѣть для васъ столь непріятныя послѣдствія, то...

— Клянусь Св. Екатериной, дорогой другъ,—воскликнулъ Чэттль, — я вамъ искренно благодаренъ за вашу шутку! Правда, мнѣ не особенно пріятно, что эти мальчишки бѣгутъ за мной, но великіе люди не должны обращать вниманія на такія мелочи. Да, Шекспиръ, вы сразу прославили меня, и теперь всѣ хотятъ видѣть сэра Генри Чэттля и познакомиться съ нимъ. Я получаю ежедневно такое множество приглашеній на завтраки, обѣды, ужины, что не успѣваю всюду бывать! Увѣряю васъ, что теперь мнѣ приходится съѣдать ежедневно почти полъ-быка и выпивать бочку лучшаго вина. Всѣми этими благами я обязанъ вамъ, другъ Шекспиръ.

Съ этими словами Генри Чэттль обнялъ и расцѣловалъ поэта, сказавъ:

— До свиданія, божественный другъ! Я спѣшу на обѣдъ въ Эссексъ-кэстль!

Слѣдомъ за нимъ побѣжала съ крикомъ и хохотомъ толпа мальчишекъ, и Шекспиръ отъ души посмѣялся, глядя ему вслѣдъ.

Наѳанаилъ Фильдъ

ГЛАВА X.

Танцующая королева.

Въ нижнемъ этажѣ Уайтголльскаго замка находился обширный залъ, гдѣ обучались мальчики, пѣвчіе королевской капеллы. Вдоль стѣнъ тянулся рядъ колоннъ, поддерживавшихъ потолокъ. За одной изъ колоннъ находилась потайная дверь, соединявшая залъ съ покоями королевы. Благодаря этому королева могла неожиданно появляться среди учениковъ своего хора; и это она дѣлала часто, особенно, когда учитель жаловался ей на своихъ рѣзвыхъ и

непослушныхъ учениковъ. Вообще Елизавета относилась снисходительно къ ихъ шалостямъ, но, когда бывала въ дурномъ расположеніи духа, наказывала довольно строго.

Въ это утро была назначена репетиція комедіи Бэна Джонсона: „Каждый на свой ладъ“. Молодой поэтъ былъ еще совсѣмъ неизвѣстенъ молодымъ артистамъ, и потому они неохотно принимались за заучиваніе своихъ ролей.

— Пьесу эту не стали бы ставить у насъ, если бы мистеръ Шекспиръ не рекомендовалъ ее королевѣ,—замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Намъ слѣдовало бы послать автору адресъ съ выраженіемъ неудовольствія,—прибавилъ другой.

— Хоть бы нашъ учитель урѣзалъ эту длинную пьесу,— вздохнулъ третій.

— Это можетъ сегодня же сдѣлать мистеръ Астонъ; онъ только что пріѣхалъ сюда!—засмѣялся Дикъ.—Его бритва сбрѣетъ хоть всю эту длинную рукопись.

— Астонъ? Кто это?—воскликнули мальчики.

— Прошу говорить о немъ съ бóльшимъ почтеніемъ!— съ комическою важностью сказалъ Дикъ. — Это весьма важная персона! Онъ осмѣливается брить даже самого короля!

— Ты опять разсказываешь намъ небылицы!

— Честное слово, правда! — утверждалъ Дикъ.

— Такъ говори, кто этотъ мистеръ Астонъ?

— Но, если ты опять надуешь насъ, мы послѣ поколотимъ тебя въ дортуарѣ.

— Да, да, тогда будетъ потасовка!—засмѣялись мальчики.

— Эхъ, вы, трусы! Мало вамъ попадало отъ меня?—съ презрѣніемъ сказалъ Дикъ, угрожающе поднимая кулаки, заставившіе товарищей поспѣшно отступить.—Впрочемъ, я не навязываюсь съ своими новостями; не хотите слушать, такъ не надо!

Мальчики стали упрашивать Дика, но онъ заупрямился.

— Сейчасъ пробьетъ десять часовъ,—возразилъ онъ,—учитель можетъ войти!

— Ты отлично знаешь, — возразилъ одинъ изъ мальчиковъ,—что до прихода учителя остается по крайней мѣрѣ четверть часа.

— Ну, разсказывай!—крикнули мальчики.

— Чего же тутъ еще разсказывать! — возразилъ Дикъ, кокетливо набрасывая на плечи свой короткій плащъ.—Астонъ Роджеръ—лейбъ-брадобрей короля Іакова Шотландскаго. Король пожаловалъ ему дворянское достоинство за то, что онъ постоянно перевозитъ личную корреспонденцію короля съ нашей государыней. Этотъ Астонъ пользуется полнымъ довѣріемъ своего короля и обязанъ каждый разъ по возвращеніи докладывать ему о состояніи здоровья нашей королевы. Какъ вы знаете, наша королева назначила своимъ преемникомъ сына Маріи Стюартъ. Должно быть, ее немножко мучаетъ совѣсть...

— Тс,—шепнулъ самый младшій изъ мальчиковъ,—такъ нельзя говорить. Если королева или кто-нибудь изъ придворныхъ услышитъ такой разговоръ, мы всѣ завтра будемъ качаться на висѣлицѣ.

Всѣ разсмѣялись, но робкій мальчуганъ отошелъ въ самый дальній уголъ зала, чтобы не слышать разговора мальчиковъ.

— Однако, королева Елизавета отлично знаетъ цѣль посѣщеній Астона, и всякій разъ, раньше чѣмъ принять его, она танцуетъ подъ скрипку при полуотворенной двери, чтобы посланный короля Іакова видѣлъ, насколько она еще бодра и моложава. Этимъ она хочетъ показать, что королю Іакову еще долго ждать, пока онъ наслѣдуетъ ея престолъ.

Мальчики захихикали.

— Откуда ты знаешь все это?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я это самъ видѣлъ. Когда меня призвали къ королевѣ, чтобы зачислить въ капеллу, брадобрей короля шотландскаго находился въ передней. Такимъ образомъ я сдѣлался свидѣтелемъ этой забавной сцены. А потомъ, когда я учился у Бербэджа, котораго иногда навѣщали графы Соутгэмптонъ и Эссексъ, я изъ разговоровъ ихъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Скажи, должно быть, очень забавно было смотрѣть, какъ танцовала наша шестидесяти-пяти-лѣтняя королева?— спрашивали смѣясь мальчики. — Представь намъ это, Дикъ! Ты отлично подражаешь! Мы всегда въ восторгѣ отъ твоего таланта!

— А вдругъ войдетъ учитель?—нерѣшительно возразилъ Дикъ, польщенный словами товарищей.

— Пустяки, мы поставимъ сторожить у дверей маленькаго Нэтта. Онъ предупредитъ насъ, когда покажется учитель.

Это предложеніе было всѣми одобрено, и маленькаго Нэтта поставили сторожить у дверей.

— Ну, начинай!—крикнули мальчики.

Дикъ поставилъ вмѣсто скрипача одного мальчика и затѣмъ съ изумительной вѣрностью началъ подражать негибкой, тяжелой поступи старѣющейся королевы, съ комическою важностью придерживая кончиками пальцевъ буфы своихъ брюкъ. Выступая съ величественной граціей, онъ иногда дѣлалъ невѣрные па и при этомъ корчилъ гримасы, какъ бы отъ боли.

Окружавшіе его мальчики покатывались со смѣху.

Наконецъ Дикъ въ изнеможеніи опустился на стулъ и, какъ бы съ трудомъ переводя духъ, прошепталъ: „Позовите теперь сэра Астона“. Затѣмъ, подражая такъ же вѣрно и голосу королевы, шалунъ милостиво махнулъ рукой и сказалъ: „Добро пожаловать, дорогой сэръ. Я заставила васъ

долго ждать въ передней, но мои молодыя силы требуютъ движенія, и потому я ежедневно танцую цѣлый часъ".

Послѣдовалъ новый взрывъ хохота; но вдругъ все смолкло, когда изъ-за колонны, гдѣ находилась потайная дверь, раздался хорошо знакомый всѣмъ суровый голосъ:

— Ну, кончена ли комедія?

Изъ-за колонны выступила королева Елизавета, и всѣ мальчики замерли отъ ужаса. Только маленькій Нэттъ, стоявшій у двери и издали смотрѣвшій на представленіе, былъ доволенъ, что не находился среди мальчиковъ.

Скрестивъ руки на груди, королева величественно подошла къ мальчикамъ. Зловѣщій огонекъ засверкалъ въ ея небольшихъ глазахъ.

— Негодный мальчишка! Такъ вотъ какъ я танцую, въ изнеможеніи опускаюсь на стулъ и высокопарно разговариваю съ сэромъ Астономъ!

— Ваше величество!.. Пощадите!.. — бормоталъ Дикъ, падая на колѣни передъ королевой.

Елизавета осмотрѣлась.

— Гдѣ вашъ учитель?—строго спросила она.

— Онъ еще не пришелъ,—робко отвѣтили ученики.

— Не пришелъ, хотя уже пробило десять часовъ?—продолжала королева.

Въ эту минуту вошелъ учитель. Онъ былъ очень смущенъ: маленькій Нэттъ уже успѣлъ сообщить ему о случившемся.

— Вы приходите слишкомъ поздно!—крикнула Елизавета въ отвѣтъ на низкій поклонъ учителя.—Я требую, чтобы впредь уроки начинались аккуратно, чтобы мальчики не могли заниматься глупыми выходками. Я охотно прощаю,—обратилась она къ мальчикамъ,—въ этомъ всѣ вы имѣли случай неоднократно убѣждаться; но я вижу, что

Танцующая королева.

вы слишкомъ распущены, и на этотъ разъ ваша дерзость не пройдетъ вамъ даромъ.

Среди зловѣщей тишины королева въ раздумьѣ прошлась по залу. Болѣе всѣхъ опасался за свою судьбу Дикъ. У товарищей его были родители, а онъ былъ круглый сирота. Чтó будетъ съ нимъ, если королева не переложитъ гнѣвъ на милость?

Наконецъ Елизавета остановилась. Болѣе спокойное выраженіе ея лица свидѣтельствовало, что она рѣшилась на что-то, и, подходя къ Дику, все еще стоявшему на колѣняхъ, она сказала:

— Я, какъ мать родная, забочусь о мальчикахъ моего хора и всегда рада случаю наградить и отличить ихъ. Я слѣжу за тѣмъ, чтобы съ вами не обращались слишкомъ строго, и вы охотно бы служили мнѣ. Подумайте объ этомъ, и, если ваши сердца еще не совсѣмъ зачерствѣли, вы поймете, какъ прискорбно вашей королевѣ видѣть, что надъ нею смѣются тѣ, которымъ она оказывала добро.

— Ваше величество, я сознаю свою вину, — горько плакалъ Дикъ, умоляюще протягивая къ ней руки,—не лишайте только меня вашей милости. Обѣщаюсь вашему величеству никогда не дѣлать ничего подобнаго, только смилуйтесь надо мной!

Елизавета не удостоила мальчика взгляда. Лицо ея приняло жесткое выраженіе, и, указывая на мальчиковъ, она сказала учителю:

— Всѣ они заслужили наказаніе. Посадить ихъ въ Уайтголльскую тюрьму на двадцать четыре часа. На хлѣбъ и на воду! — прибавила она.

— Неужели и меня, ваше величество? — послышался у дверей тонкій голосокъ.—Елизавета посмотрѣла въ ту сторону и увидѣла въ дверяхъ сначала выглядывавшую головку, а затѣмъ и всю фигуру маленькаго мальчика, кото-

рый засѣменилъ къ ней по гладкому полу. То былъ маленькій Нэттъ, который, громко всхлипывая, въ страхѣ говорилъ:
—Я не знаю, что мальчики тутъ дѣлали, я даже не смотрѣлъ, какъ Дикъ танцовалъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой! Неужели и меня посадятъ въ тюрьму? Вѣдь хлѣбъ и воду я могу ѣсть и въ нашемъ дортуарѣ!

Королева слегка улыбнулась, а когда учитель подтвердилъ, что Нэттъ не виновенъ, она ласково погладила кудрявую головку мальчика и благосклонно сказала:

— Ты славный мальчикъ, я позволяю тебѣ уйти къ родителямъ, пока другіе будутъ сидѣть въ заключеніи.

Нэттъ засмѣялся сквозь слезы отъ восторга, что исполнится его завѣтное желаніе снова увидѣть родителей.

— Должны ли мальчики, ваше величество, съ сегодняшняго дня отбывать наказаніе?—спросилъ учитель.

— Даже съ этой минуты!—приказала королева.

— А какъ поступить съ зачинщикомъ?

— Исключить его изъ числа учениковъ придворнаго хора!—приказала Елизавета.—Пусть переодѣнется въ свое платье и тотчасъ удалится изъ Уайтголля.

Изъ груди Дика вырвался болѣзненный крикъ, а когда онъ съ мольбой протянулъ руки къ королевѣ, она уже скрылась за потайной дверью.

Закрывъ лицо руками, Дикъ горько заплакалъ; но вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то мягкая рука коснулась его головы, и оглянувшись онъ увидѣлъ передъ собою маленькаго Нэтта.

— Не плачь, не плачь!—говорилъ ему мальчикъ.—Богъ тебя не оставитъ. Правда, ты сдѣлалъ глупую шалость, но, когда ты такъ плачешь, мнѣ тоже хочется плакать.

— Благодарю тебя, Нэттъ, за доброе слово,—сказалъ Дикъ, вытирая слезы.—Куда я дѣнусь теперь? Я не знаю даже, гдѣ буду ночевать сегодня.

— Ночевать можно въ гостиницахъ!—замѣтилъ Нэттъ.

— Да, можно, когда есть деньги,—согласился Дикъ,—но у меня въ карманѣ всего полпенса.

Нэттъ поспѣшно опустилъ руку въ карманъ своей куртки и, вынувъ кошелекъ, сунулъ одинъ шиллингъ въ руку изумленному Дику со словами:

— Прощай, Дикъ, желаю тебѣ всего хорошаго.

И онъ исчезъ раньше, чѣмъ Дикъ успѣлъ опомниться.

Дикъ съ грустью посмотрѣлъ на монету и въ душѣ благодарилъ своего маленькаго товарища, а полчаса спустя мальчикъ уже покинулъ Уайтголль.

Смѣнивъ форму на свою старую затасканную одежду, изъ которой онъ уже совсѣмъ выросъ, Дикъ въ смущенiи шелъ по улицѣ, замѣтивъ насмѣшливыя улыбки прохожихъ.

— О, зачѣмъ видѣлъ я, какъ танцуетъ королева!—вздыхалъ онъ.—Куда теперь идти? Къ Тимоти? Да, если бы тамъ не было Люси... и въ этомъ костюмѣ?.. Нѣтъ, ни за что!—рѣшительно сказалъ онъ.—Пойду къ директору театра „Глобусъ“, онъ обѣщалъ принять меня въ свою труппу.

Сказано—сдѣлано. Онъ направился къ Бэнксайду и засталъ Генслоу въ его конторѣ за просмотромъ счетовъ. Увидѣвъ передъ собою мальчика въ плохой затасканой одеждѣ, онъ рѣзко крикнулъ ему:

— Чего вамъ надо? Мнѣ нѣкогда разговаривать съ такими оборванцами. Я членъ попечительства о бѣдныхъ нашего прихода. Обратитесь туда.

— Развѣ я сталъ похожъ на нищаго съ тѣхъ поръ, какъ снялъ форму ученика придворной капеллы?—сказалъ Дикъ съ глубокимъ вздохомъ.—Вы меня, кажется, не узнаете, а когда я приходилъ сюда съ Тимоти, вы сказали мнѣ, чтобы я пришелъ къ вамъ, когда я покину придворную капеллу.

— А,—протянулъ Генслоу,—значитъ, вы тотъ, какъ, бишь, васъ зовутъ?

— Дикъ!

— Это ваше имя; я спрашиваю какъ ваша фамилія?

— Поуткэтль,—отвѣтилъ запинаясь Дикъ.

— Это чортъ знаетъ, какая фамилія!—расхохотался директоръ.

— Правда, она очень неблагозвучна! — согласился въ смущеніи Дикъ,—и потому я до сихъ поръ не называюсь по фамиліи.

— И съ такой номенклатурой вы хотите поступить на сцену? — сурово спросилъ Генслоу, — не говоря уже о дефектахъ въ вашемъ костюмѣ. Впрочемъ, если бы даже всего этого не было, все-таки вы мнѣ ненужны: у меня довольно молодыхъ людей для женскихъ ролей.

Разочарованный Дикъ грустно посмотрѣлъ на директора и сказалъ:

— Вся моя надежда была на васъ.

— Это мнѣ всѣ говорятъ. Если бы я сталъ обращать вниманіе на это, мнѣ пришлось бы всегда щеголять въ зеленомъ костюмѣ надежды. Какъ видите, я умѣю острить,—захихикалъ директоръ.

— Слышу,—сказалъ Дикъ нахмурившись.—Если хотите, я тоже посмѣюсь вашимъ остротамъ; но остроумнѣе всего было бы принять меня на службу. Я пошелъ бы на самое маленькое жалованье.

Генслоу наслышался не мало похвалъ таланту Дика и теперь именно нуждался въ немъ, потому что исполнявшій женскія роли мальчикъ захворалъ.

— У меня доброе сердце и я, такъ и быть, приму васъ,—сказалъ директоръ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—Но я не могу назначить вамъ больше трехъ шиллинговъ въ недѣлю.

Несмотря на такое ничтожное вознагражденіе, Дикъ уже хотѣлъ-было принять предложеніе, какъ вошелъ Бербэджъ.

— Дикъ, на кого ты похожъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?— воскликнулъ онъ.

Дикъ разсказалъ своему учителю, какая стряслась надъ нимъ бѣда.

— Зачѣмъ же ты не обратился прямо ко мнѣ?—спросилъ Бербэджъ съ улыбкой, выслушавъ разсказъ о танцующей королевѣ.

— Я не хотѣлъ безпокоить васъ,—возразилъ Дикъ,— тѣмъ болѣе, что мистеръ Генслоу еще прежде обѣщалъ пристроить меня въ свой театръ.

— Да, да,—кивнулъ директоръ,—я обѣщалъ и исполню обѣщанное!

— Я буду получать три шиллинга въ недѣлю,—продолжалъ Дикъ.

— Что!—воскликнулъ Бербэджъ, переводя взглядъ съ одного на другого.—И вы, мистеръ Генслоу, осмѣливаетесь предлагать моему талантливому ученику такую ничтожную плату?

— Я не прочь и прибавить немного, — поспѣшно сказалъ Генслоу.

— Ты пойдешь со мной, — сказалъ Бербэджъ Дику.— Прежде всего я добуду тебѣ приличный костюмъ, а затѣмъ представлю лорду-контролеру. Его труппа нуждается теперь въ такомъ мальчикѣ. До свиданія, мистеръ Генслоу.

— Подождите, куда же вы спѣшите!—вскричалъ встревожившись директоръ. — Мы можемъ же сговориться на счетъ этого молодого господина.

— Я не торгуюсь, когда дѣло идетъ о талантѣ,—возразилъ съ достоинствомъ Бербэджъ.—Или вы назначите моему ученику три фунта въ мѣсяцъ, или мы прекратимъ этотъ разговоръ.

— Какой вы хорошій счетоводъ, мистеръ Бербэджъ!— застоналъ Генслоу.—Шестьдесятъ шиллинговъ въ мѣсяцъ! Это почти цѣлое состояніе!

— Эти ничтожные три фунта вы съ избыткомъ выручите, если я уговорю моего друга Шекспира написать подходящую пьесу для дебюта Дика.

— О, вы сущій ангелъ въ человѣческомъ образѣ!—воскликнулъ преобразившись Генслоу, собираясь обнять Бербэджа. Но послѣдній отстранилъ его словами:

— Я не люблю лобзаній Іуды.

Генслоу шутя погрозилъ ему пальцемъ и тотчасъ составилъ условіе, которое Дикъ долженъ былъ подписать.

— У этого молодого человѣка такая курьезная фамилія, что съ нею ему непристойно выступить на сцену.

— Какъ его фамилія?

— Подумайте, его зовутъ Поуткэтль.

Бербэджъ весело разсмѣялся.

— Назовемъ его Фильдъ,—предложилъ Бербэджъ,—въ память того, что онъ впервые встрѣтилъ своего бывшаго хозяина, мистера Формана, въ полѣ.

— Отлично,—сказалъ Генслоу съ довольной улыбкой, провожая учителя и ученика до дверей.

Купивъ необходимую одежду сіяющему отъ радости юному артисту, Бербэджъ сказалъ ему:

— Я пойду къ Шекспиру поговорить съ нимъ о твоемъ дебютѣ, а ты отправляйся на мою квартиру; тамъ ты можешь остаться, пока мы не пристроимъ тебя. Кстати я дамъ тебѣ слѣдующія наставленія: твои ребяческія выходки должны прекратиться; для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ уважаемымъ артистомъ, недостаточно одного таланта, нужна серьезная неутомимая работа. Хотя я сказалъ, что у тебя есть талантъ, но ты не воображай о себѣ слишкомъ много. Самомнѣніе губитъ всякое дарованіе, это значитъ идти назадъ, а истинный слуга искусства долженъ стремиться впередъ. Запомнишь ли ты мои совѣты, Дикъ Фильдъ?

— Я былъ бы дурнымъ мальчикомъ, если бы не принялъ къ сердцу совѣтовъ такого опытнаго человѣка, какъ вы,— сказалъ Дикъ, со слезами пожимая руку своего учителя.— Сегодняшнее утро научило меня очень многому, и отнынѣ я всецѣло посвящу себя искусству. Ахъ, мистеръ Бербэджъ, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я того дня, когда предстану передъ публикой въ какой-нибудь веселой роли!

— Предоставь объ этомъ позаботиться мнѣ и моему другу Шекспиру,—возразилъ Бербэджъ, прощаясь съ Дикомъ. И онъ съ улыбкой посмотрѣлъ вслѣдъ Дику, который черезъ каждые десять шаговъ останавливался, чтобы полюбоваться своимъ новымъ костюмомъ, и затѣмъ посылалъ своему благодѣтелю воздушные поцѣлуи.

Бербэджъ весело отправился къ Шекспиру, который, сидя за письменнымъ столомъ, былъ погруженъ въ работу.

— Не слышалъ ли ты чего-нибудь новаго о безпорядкахъ въ Ирландіи?—спросилъ его поэтъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Бербэджъ,—ты, кажется, знаешь объ этомъ больше меня.

— Полно, вѣдь тебѣ небезызвѣстно, что католики, несмотря на всякія снисхожденія и поблажки нашего правительства, знать не хотятъ протестантскую Англію. Вождь ихъ Гугъ О'Нелль, возведенный королевой Елизаветой въ графы Тайронъ, поднялъ возстаніе, съ цѣлью освободить свое отечество изъ-подъ англійскаго ига, и для этого воспользовался вернувшимися изъ Испаніи и Франціи ирландцами, служившими подъ испанскими знаменами.

— Это безпокойный народъ,—замѣтилъ Бербэджъ, — его не легко усмирить. Если бы я имѣлъ право голоса въ парламентѣ, то предложилъ бы предоставить Ирландію самой себѣ.

— Ты не особенно тонкій политикъ,—улыбнулся Шекспиръ.—Скажи-ка, не слышалъ ли ты чего-нибудь новаго объ Эдмундѣ Спенсерѣ?

— Нѣтъ.

— Онъ навлекъ на себя ненависть ирландцевъ тѣмъ, что въ бытность свою шерифомъ Коркскимъ притѣснялъ народъ. Инсургенты напали на замокъ Килькольманъ, и онъ едва спасся со своей семьей. Говорятъ, онъ уже прибылъ въ Лондонъ.

— Въ такомъ случаѣ мы, вѣроятно, вскорѣ встрѣтимъ его въ одномъ изъ клубовъ,—замѣтилъ Бербэджъ. — Но теперь брось политику и выслушай меня.

И онъ разсказалъ Шекспиру о судьбѣ Дика, которая очень заинтересовала поэта. Ему нравился этотъ веселый жизнерадостный мальчикъ, и онъ очень жалѣлъ, что королева такъ строго отнеслась къ его задорной шалости.

— По-моему для Дика счастье, что его исключили изъ придворной капеллы,—замѣтилъ Бербэджъ,—ему пора перестать быть дилетантомъ. У мальчика недюжинный талантъ, и, если ты исполнишь мою просьбу, его карьера будетъ обезпечена.

— Въ чемъ дѣло, Ричардъ?

— Напиши для него пьесу, въ которой онъ могъ бы выказать весь свой задоръ и игривый юморъ.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать — возразилъ Шекспиръ, откидываясь на спинку стула.—Какъ тебѣ извѣстно, я пишу теперь трагедію «Ричардъ III», но въ ней нѣтъ комической роли.

— Не можешь ли ты отложить трагедію на недѣлю и обработать какую-нибудь подходящую комедію?

Шекспиръ подумалъ и сказалъ:

— Это можно сдѣлать. Есть подходящая старая пьеса. Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ и заключается въ укрощеніи строптивой женщины. Эту пьесу я бы могъ передѣлать и,—смѣясь закончилъ поэтъ,—мнѣ кажется, что роль строптивой дѣвушки отлично подойдетъ къ нашему Дику. Въ этой роли онъ можетъ дать полную волю своему задору.

— Отлично!—воскликнулъ обрадованный Бербэджъ. — Я думаю, мальчишка съ ума спятитъ отъ радости, когда я ему разскажу, что ты пишешь дли него такую роль!

— Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше не писать,— пошутилъ Шекспиръ.

— Пиши, пиши!—смѣясь сказалъ Бербэджъ,—я беру всю отвѣтственность на себя.

Шекспиръ отложилъ рукопись своей трагедіи въ сторону и, прочитавъ снова старую пьесу, принялся за ея передѣлку. Само собою разумѣется, что геній поэта легко справился съ этой задачей, и уже черезъ нѣсколько дней онъ окончилъ комедію «Укрощеніе строптивой». Въ этой комедіи Шекспиръ сильными, но симпатичными штрихами обрисовалъ намъ избалованную отцомъ Катю, отъ капризовъ которой страдаютъ всѣ близкіе, не исключая отца; но наконецъ является благородный Петручіо и, женившись на строптивой дѣвушкѣ, укрощаетъ ее своимъ твердымъ обращеніемъ.

Когда Шекспиръ вручилъ комедію для прочтенія Дику, ожидавшему ее съ большимъ нетерпѣніемъ, и потомъ спросилъ его, охотно ли онъ возьмется за роль Кати, тотъ весело отвѣтилъ:

— Вѣдь я самъ нѣчто вродѣ Кати, задоръ которой укротилъ не Петручіо, а ея величество. Правда, во мнѣ осталось еще много задору, но теперь я могу безнаказанно дать ему волю въ роли Кати. О, дорогой учитель, какъ я вамъ благодаренъ за это!

Дикъ быстро разучилъ свою роль, а затѣмъ начались репетиціи новой комедіи. Дикъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ перваго представленія, но Бербэджу пришлось много повозиться съ мальчикомъ, который, вмѣсто строптивой Кати, изображалъ какого-то необузданнаго сорванца. Но наконецъ знаменитому артисту удалось обуздать Дика, и онъ изобразилъ

на первомъ представленіи такую очаровательную Катю, что сразу сдѣлался любимцемъ публики.

Зрители вызывали безъ конца Дика Фильда и его учителя Бербэджа, игравшаго Петручіо. Генслоу былъ очень доволенъ успѣхомъ новаго артиста своей труппы и пересталъ сожалѣть, что назначилъ ему такое большое жалованье.

«Укрощеніе строптивой» выдержало очень много представленій, потому что всѣ желали посмотрѣть веселую, задорную Катю въ исполненіи талантливаго Дика Фильда, имя котораго сразу стало извѣстнымъ.

Еженедѣльная ярмарка въ Стратфордѣ.

Френсисъ Бэконъ.

ГЛАВА XI.

Превратности судьбы.

Весь Лондонъ былъ сильно взволнованъ. Всюду на улицахъ и площадяхъ стояли толпы народа, осыпавшія рѣзкою бранью мятежныхъ ирландцевъ. Возстаніе въ Ирландіи усиливалось, и рѣшено было поставить надъ возмутившимся народомъ болѣе строгаго намѣстника. Хотя сэръ Джонъ Перротъ, съ достоинствомъ и умѣньемъ занимавшій эту должность, дѣлалъ всякія снисхожденія и поблажки, чтобы расположить къ себѣ католиковъ-ирландцевъ, но всѣ его усилія умиротворить страну разбивались о фанатизмъ католическаго духовенства.

Послѣднія извѣстія изъ Ирландіи вынудили королеву

Елизавету наконецъ созвать государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала Эффингэма.

— Мнѣ приходится сообщить вамъ, господа лорды, дурныя вѣсти,—начала Елизавета.—Наши войска потерпѣли подъ Блэкуотеромъ такое сильное пораженіе, какого съ нами еще не случалось въ Ирландіи. Провинціи Ульстеръ, Коннаутъ и Лестеръ также примкнули къ возстанію, и папа римскій уже привѣтствовалъ Тайрона, какъ князя Ульстерскаго. Духовенство и іезуиты обнадежили ирландцевъ, что они, съ помощью Испаніи, на этотъ разъ окончательно стряхнутъ съ себя англійское иго, и что отъ господства Англіи останется лишь одно воспоминаніе.

— Рѣшительный намѣстникъ,—замѣтилъ Робертъ Сесиль, замѣнявшій въ совѣтѣ своего отца, лорда Бэрлея,—скоро подавилъ бы возстаніе съ помощью вооруженной силы.

— Въ вашихъ словахъ нѣтъ ничего новаго,—возразилъ Эссексъ,—то же уже высказалъ въ парламентѣ Бэконъ Веруламскій.

— Неужели онъ говорилъ это?—съ волненіемъ прервала его Елизавета.—Значитъ, онъ противорѣчитъ себѣ: всего нѣсколько недѣль тому назадъ онъ въ парламентѣ же съ дерзкою смѣлостью отклонилъ мое требованіе ассигновать средства для намѣстника Ирландіи. Скажите, развѣ возможно тамъ дѣйствовать съ успѣхомъ безъ денегъ?

— Ваше величество судите теперь строго о Бэконѣ,— возразилъ Эссексъ.—Философскій, проницательный умъ этого молодого ученаго обратилъ на него вниманіе всего свѣта. Было время, когда и моя всемилостивѣйшая государыня относилась благосклонно къ нему, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и посѣщая его отца, хранителя государственной печати, дивилась необычайнымъ дарованіямъ мальчика. Въ то время ваше величество шутя называли его своимъ маленькимъ хранителемъ печати.

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ, графъ, — строго возразила Елизавета. — Можно интересоваться талантливымъ мальчикомъ и ненавидѣть его взрослымъ.

— Однако, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бэконъ былъ выбранъ въ нижнюю палату, — напомнилъ Эссексъ, — онъ принадлежалъ къ придворной партіи. Но чѣмъ больше я сходился съ этимъ умнымъ человѣкомъ, задавшимся великой цѣлью изучить всѣ области человѣческаго знанія, тѣмъ сильнѣе разгоралась къ нему вражда моего политическаго противника, лорда Бэрлея, который сумѣлъ помѣшать Бэкону занять государственную должность, соотвѣтствующую его способностямъ. Ваше величество находились въ то время подъ вліяніемъ наговоровъ его недруговъ.

Елизавета хотѣла возразить, но Эссексъ, повысивъ голосъ, продолжалъ:

— Вотъ почему вы отнеслись столь немилостиво къ его второй рѣчи въ парламентѣ, гдѣ онъ требовалъ большей свободы слова.

— Мнѣ кажется, — возразила королева, злобно засмѣявшись,—что депутаты нижней палаты пользуются достаточной свободой слова, чтобы сказать *да* или *нѣтъ*. Если бы Бэконъ позволилъ себѣ въ царствованіе моего отца вести себя такъ возмутительно въ парламентѣ, то никогда бы не былъ допущенъ ко двору.

— Графъ Эссексъ имѣетъ основаніе заступаться за своего друга, — вмѣшался съ снисходительной улыбкой графъ Сесиль;—въ послѣднемъ засѣданіи нижней палаты Бэконъ предлагалъ назначить его намѣстникомъ Ирландіи, а занять этотъ постъ графъ давно стремится, чтобы быть свободнымъ и независимымъ.

— Въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь, — возразила Елизавета, пытливо глядя на Эссекса.—Графъ очень самолюбивъ и высокомѣренъ, и народная толпа еще болѣе возбуждаетъ

его къ этому, восхищаясь его отважнымъ, предпріимчивымъ нравомъ. Нашъ гордый графъ хотѣлъ бы быть самостоятельнымъ и не зависѣть отъ своей повелительницы.

— Если моей государынѣ угодно, подъ впечатлѣніемъ минуты, лишать меня своей благосклонности, мнѣ остается только покориться и молчать.

Глаза Елизаветы засверкали гнѣвомъ при этомъ смѣломъ замѣчаніи.

— Мы отклоняемся отъ предмета нашего обсужденія,—немного помолчавъ заговорила королева болѣе спокойнымъ, но все еще нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.—Я отставила отъ должности лорда Перрота, и потому новый намѣстникъ уже завтра долженъ выступить съ войскомъ въ Ирландію. Одобряете ли вы, милорды, избраніе на этотъ отвѣтственный постъ лорда Монтжоя?

Всѣ присутствующіе выразили одобреніе, за исключеніемъ Эссекса, который не могъ подавить своей досады и воскликнулъ:

— Ваше величество выбрали самаго неподходящаго человѣка!

— Графъ, вы выражаетесь слишкомъ смѣло,—возразила блѣднѣя Елизавета.—Ваши слова оскорбляютъ лорда, и я требую за него удовлетворенія.

— Хотя моя милостивая государыня не разъ поднимала мечъ, чтобы посвящать въ рыцари,—пошутилъ Эссексъ, принужденно улыбаясь,—но правила фехтованія ей неизвѣстны, и потому я могу дать удовлетвореніе только тѣмъ, что докажу неспособность Монтжоя.

Елизавета нервно забарабанила пальцами по столу, что служило вѣрнѣйшимъ признакомъ ея безмѣрнаго гнѣва.

— Обдумайте ваши слова,—крикнула она дрожащимъ голосомъ графу,—иначе у меня можетъ явиться желаніе наказать васъ за вашу дерзость.

Эссексъ слегка пожалъ плечами и началъ приводить такія вѣскія доказательства неспособности Монтжоя, что никто изъ членовъ государственнаго совѣта не нашелся, что̀ ему возразить. Но Елизавета пыталась опровергнуть его слова. Завязался горячій споръ, и гнѣвъ королевы все болѣе возрасталъ по мѣрѣ того, какъ Эссексъ съ остроумною ѣдкостью опровергалъ приводимые королевой въ пользу Монтжоя аргументы. Но такъ какъ королева продолжала заступаться за своего протеже, графъ всталъ и съ презрительной улыбкой отвернулся отъ нея.

Этого тщеславная, гордая королева не могла вынести при столькихъ свидѣтеляхъ. Съ необычайной для своего возраста быстротой она подошла къ Эссексу и со всѣхъ силъ ударила его по щекѣ со словами:

— Теперь ступай и прикажи себя повѣсить!

Графъ вскрикнулъ и схватился за мечъ. Генералъ-адмиралъ бросился между королевой и обезумѣвшимъ графомъ. Задыхаясь отъ гнѣва, Эссексъ поднялъ правую руку какъ бы для клятвы и крикнулъ:

— Женщина не можетъ дать удовлетворенія, но отъ Генриха VIII я не вынесъ бы подобнаго оскорбленія!

И онъ выбѣжалъ изъ зала къ берегу Темзы, гдѣ его ожидала раззолоченная галера.

— Домой!—приказалъ онъ кормчему и гребцамъ, и галера быстро понеслась по волнамъ. Едва успѣла галера причалить къ Эссексъ-Кэстлю, какъ графъ выскочилъ на берегъ и быстро направился къ замку.

Но, проходя по аллеѣ замка, онъ увидѣлъ своихъ друзей Соутгэмптона и Бэкона, которые, прогуливаясь, очевидно поджидали его. Онъ бросился къ нимъ и судорожно схватилъ обоихъ за руки. Друзья въ испугѣ смотрѣли на него.

— Хорошо, что вы здѣсь,—началъ онъ, задыхаясь. — Я долженъ видѣть около себя людей, иначе я съ ума сойду!

— Ради Бога, Робертъ, что съ тобою?—вскричалъ Соутгэмптонъ.

— О, старая комедiантка!—заскрежеталъ Эссексъ, сжимая кулаки.—Я ничего не могъ сдѣлать для васъ въ государственномъ совѣтѣ. Королева скупилась на милости и наградила только меня.

И онъ дико расхохотался.

— Не знаю чѣмъ тебя наградила государыня,—замѣтилъ съ безпокойствомъ Соутгэмптонъ, — но судя по твоему возбужденiю, она тебя этимъ не порадовала.

— Ты угадалъ, мой другъ. Пощечиной не порадуешь, хотя бы ее нанесла царская рука!

— Что ты говоришь! Неужели она... — испугался Соутгэмптонъ.

— Она дала мнѣ пощечину,—договорилъ Эссексъ.

— Боже мой, какъ же это случилось?

— Дай мнѣ сначала придти въ себя, — сказалъ Эссексъ, сворачивая съ друзьями въ тѣнистую аллею.—Я тебѣ послѣ все разскажу. А теперь,—сказалъ онъ, обращаясь къ Бэкону,—поговоримъ о вашемъ дѣлѣ. Вы не можете разсчитывать на карьеру при дворѣ и на государственной службѣ; вамъ придется остаться адвокатомъ. Королева относится къ вамъ недоброжелательно, чему, впрочемъ, нечего удивляться, если принять во вниманiе наговоры вашихъ и моихъ противниковъ. Но я надѣюсь, что вы отнесетесь къ этому, какъ философъ. Я виноватъ, что уговорилъ васъ примкнуть къ оппозицiи въ парламентѣ, и вы сдѣлались жертвой моихъ плановъ. Моя обязанность вознаградить васъ за это и потому позвольте мнѣ сдѣлать купчую на ваше имя на мое имѣнiе близъ Барнета. Это мѣстечко какъ бы создано для философа. Тамъ вы найдете тишину и покой для своихъ занятiй, а хорошiй доходъ съ имѣнiя обезпечитъ вамъ безбѣдное существованiе.

Бэконъ былъ, повидимому, тронутъ великодушіемъ друга и крѣпко пожалъ ему руку; но Эссексъ отклонилъ выраженія благодарности и привѣтливо продолжалъ:

— Я только исполняю долгъ чести. Но, друзья, войдемте въ домъ. Я не хочу встрѣтиться съ моей женой, пока мы не обсудимъ, что дѣлать. Пощечина королевы не пустякъ, мое лицо и теперь еще горитъ, какъ отъ клейма палача.

Едва успѣли они войти въ роскошный кабинетъ Эссекса, какъ явился посланный отъ лорда-казначея и передалъ графу запечатанный конвертъ. Гэнсдонъ умолялъ Эссекса не теряя времени просить прощенія у обиженной королевы и закончилъ письмо словами:

«На свѣтѣ часто приходится терпѣть несправедливости благодаря врагамъ. Вы знаете, что я вашъ другъ, и поэтому мнѣ было бы очень прискорбно, если бы вы своимъ упорствомъ дали восторжествовать своимъ противникамъ. Англійскій народъ съ гордостью взираетъ на васъ; но его уваженіе смѣнилось бы презрѣніемъ, если бы онъ узналъ, что вы уступили своимъ врагамъ и удалились отъ дѣлъ. Повторяю подавите свой гнѣвъ, чтобы восторжествовать надъ врагами».

— Что вы скажете на это?—спросилъ Эссексъ, передавая друзьямъ письмо.

— Лордъ-казначей желаетъ тебѣ добра,—отвѣтилъ Соутгэмптонъ, пробѣжавъ письмо.—Обдумавъ все спокойно, ты долженъ будешь сознаться, что поступилъ неприлично, и что королева не могла вынести такого униженія въ присутствіи своихъ совѣтниковъ. Другое дѣло, если бы тебя оскорбилъ мужчина, но нѣжная рука государыни...

— Хороша нѣжная рука! — прервалъ его снова возбуждаясь Эссексъ.—Взгляни, какъ горитъ моя щека! На ней и теперь еще видны слѣды морщинъ старческой руки. Но я не успокоюсь, пока не заставлю ее плясать по моей дудкѣ!... А какого мнѣнія нашъ философъ?

— Я раздѣляю мнѣніе Соутгэмптона, — нерѣшительно отвѣтилъ Бэконъ. — Мнѣ кажется, что честь мужчины не можетъ быть оскорблена рукой государыни. Она не можетъ съ оружіемъ въ рукахъ дать удовлетворенія и потому должна считаться какъ бы несовершеннолѣтней.

— Да вы не только философъ, но и софистъ, — насмѣшливо замѣтилъ Эссексъ. — Нѣтъ! — снова вспылилъ онъ, — я не послѣдую вашему совѣту и не подчинюсь. Развѣ власть государыни не имѣетъ предѣловъ? Я глубоко оскорбленъ и не могу забыть этого. Это я сейчасъ напишу лорду Гэнсдону.

Какъ ни старались друзья отговорить Эссекса, онъ отправилъ письмо Гэнсдону.

Бэконъ счелъ благоразумнымъ покинуть Лондонъ и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ имѣніе, подаренное ему Эссексомъ.

Нѣсколько дней спустя Соутгэмптонъ снова посѣтилъ своего друга.

— Ну, какъ твои дѣла? — спросилъ онъ, входя. — Успокоился ли ты и сознаешь ли, что королева никакъ не можетъ сдѣлать перваго шага къ примиренію?

Эссексъ улыбнулся, продолжая молчать.

— Подумай только, — продолжалъ убѣждать Соутгэмптонъ, — если ты откажешься отъ своего положенія при дворѣ, у тебя отнимутъ также патентъ, составляющій значительную долю твоихъ доходовъ.

— Ну, тогда я самъ буду пить мои красныя вина и буду жить въ тиши въ своей деревнѣ, — шутя сказалъ Эссексъ. — Нѣтъ, Генри, — съ твердою рѣшимостью прибавилъ онъ, — все это не заставило бы меня уступить королевѣ. Къ тому же я долженъ тебѣ сознаться, что мнѣ надоѣли ея капризы; я жажду свободы и былъ бы независимъ, если бы меня назначили фельдмаршаломъ въ Ирландіи. Но теперь я измѣнилъ свои планы.

— Это какое посланіе? — спросилъ Соутгэмптонъ, когда Эссексъ съ нѣкоторой торжественностью вынулъ изъ стола письмо и передалъ его другу.

То было письмо отъ Гэнсдона, который приглашалъ Эссекса на аудіенцію къ королевѣ, недавно отозвавшейся о графѣ необычайно милостиво и снисходительно.

— Какая быстрая перемѣна! — замѣтилъ съ изумленіемъ Соутгэмптонъ. — Чѣмъ она вызвана? Вѣроятно, Гэнсдонъ способствовалъ примиренію?

— Можетъ быть,—сказалъ Эссексъ;—но его старанія не увѣнчались бы успѣхомъ, если бы Елизавета не была склонна къ примиренію. Нѣтъ, для внезапной перемѣны настроенія у королевы могутъ быть только двѣ причины: или она нуждается во мнѣ, потому что дѣла въ Ирландіи все болѣе запутываются, или же мое письмо къ Гэнсдону внушило ей уваженіе къ моей твердости и мужеству.

— Ты, конечно, поѣдешь на аудіенцію?

— Я сейчасъ собираюсь ѣхать въ Уайтголль,—улыбнулся Эссексъ. — Теперь я могу явиться туда, доказавъ уже королевѣ, что не боюсь ея власти.

Друзья разстались, и часъ спустя Эссексъ входилъ въ залъ Уайтголльскаго замка. Елизавета сидѣла на тронѣ, окруженная своими министрами и придворными, и милостиво привѣтствовала графа.

Эссексъ держался очень сдержанно, въ особенности въ то время, когда королева и члены государственнаго совѣта приступили къ обсужденію событій въ Ирландіи.

— Мы недавно не могли придти къ соглашенію насчетъ назначенія намѣстника, — замѣтила королева, милостиво взглянувъ на Эссекса. — Этотъ вопросъ необходимо рѣшить сегодня.

— Я во всякомъ случаѣ стою за Монтжоя, — сказалъ Эссексъ.

Елизавета изумилась, а члены государственнаго совѣта покосились на Эссекса.

— Боже мой! — воскликнула королева,—неужели мы не можемъ придти къ соглашенію! Мы какъ бы играемъ въ солнце и мѣсяцъ.

— Такое разнообразіе прекрасно!—любезно замѣтилъ графъ и, указывая на королеву, сказалъ,—налюбовавшись днемъ блестящимъ свѣтиломъ, мы отдыхаемъ отъ нашего восторга при тихомъ свѣтѣ луны.

— Графъ, зачѣмъ играть въ прятки?—ласково сказала польщенная Елизавета.—Вѣдь я знаю, какого вы мнѣнія, и откровенно сознаюсь, что вы были правы, когда въ послѣднемъ засѣданіи высказались противъ Монтжоя. Лордъ Монтжой, дѣйствительно, не достаточно опытенъ въ военномъ дѣлѣ; онъ больше занимался наукой, чѣмъ войной. Кромѣ того, онъ былъ въ Нидерландахъ и Бретани не главнокомандующимъ. Поэтому всѣ голоса поданы за васъ, графъ, и вы должны отправиться въ Ирландію. Надѣюсь,—сказала королева, видя что Эссексъ задумался,—что вы исполните просьбу вашей королевы.

— Благодарю, ваше величество, за оказываемую мнѣ милость,—сказалъ Эссексъ послѣ короткаго молчанія,—но, къ сожалѣнію, я вынужденъ теперь отказаться отъ этой высокой чести.

Члены государственнаго совѣта съ безпокойствомъ переглянулись.

— Со времени послѣдняго рѣзкаго обращенія со мной,— продолжалъ спокойно Эссексъ,—я уже иначе распорядился своимъ временемъ. Во всякомъ случаѣ, прошу дать мнѣ время на размышленіе.

— Такъ какъ графъ отказывается отъ такого почетнаго назначенія,—сказалъ графъ Сесиль,—намъ волей - неволей приходится, въ видѣ опыта, послать въ Ирландію Монтжоя.

Можетъ быть, тѣмъ временемъ графъ измѣнитъ свое рѣшеніе.

Это предложеніе было принято, и члены государственнаго совѣта удалились, за исключеніемъ Эссекса, котораго Елизавета знакомъ удержала.

— Зачѣмъ вы противорѣчите мнѣ?—спросила она ласково.—Дѣтей, которыхъ наказываютъ, любятъ больше всего, а намедни вамъ дала почувствовать свою руку не королева, а подруга вашей матери. Мнѣ горько, что вы изъ-за такого пустого случая жертвуете благомъ отечества.

Эссексъ не былъ подготовленъ къ такой ласковой рѣчи. Онъ смутился и только минуту спустя могъ отвѣтить:

— Назначеніе ирландскимъ намѣстникомъ было для меня слишкомъ неожиданно. Кто можетъ поручиться, что я не погибну въ этой борьбѣ за отечество? Какъ хорошій хозяинъ, я долженъ сначала устроить дѣла своей семьи. Надѣюсь, что подруга моей матери извинится за меня передъ королевой.

— Она сдѣлаетъ это,—сказала Елизавета, ласково глядя на графа,—и я думаю, что королева попрежнему будетъ милостива къ вамъ, если вы обѣщаете теперь же замѣнить въ Ирландіи неспособнаго Монтжоя.

— Клянусь честью исполнить это!—воскликнулъ не задумываясь Эссексъ, цѣлуя руку Елизаветы.

— Значитъ, миръ возстановленъ, — улыбнулась Елизавета, — и я могу пригласить доблестнаго графа на сегодняшнее представленіе новой пьесы Шекспира? Мнѣ говорили, что въ ней какой-то мальчикъ отлично играетъ. Значитъ, намъ предстоитъ двойное удовольствіе.

Графъ обѣщалъ явиться въ назначенное время и, откланявшись, поспѣшилъ къ своему другу Соутгэмптону сообщить о своемъ примиреніи съ королевой.

Вечеромъ въ Уайтголльскомъ замкѣ собралось блестящее

общество. Изъ всѣхъ гостей королева особенно отличала Эссекса и Соутгэмптона, а такъ какъ придворные всегда слѣдовали примѣру государыни, то всѣ они поспѣшили также оказать обоимъ графамъ всевозможное вниманіе; но послѣдніе не обращали на нихъ никакого вниманія, продолжая бесѣдовать съ своими друзьями, лордомъ Гэнсдономъ и графомъ Пэмброкомъ.

Учебный залъ придворной капеллы былъ въ этотъ вечеръ роскошно убранъ. На одномъ концѣ передъ колоннами возвышалась сцена.

Елизавета со свитой и гостями заняли мѣста, и мальчики придворной капеллы построились въ рядъ между колоннами.

«Укрощеніе строптивой» очень понравилось Елизаветѣ, и она много смѣялась. Комедія была всѣми одобрена. Всѣ обратили вниманіе на исполнителя роли Кати. Его смѣлая, непринужденная игра привела королеву въ восторгъ, и она громко высказывала это. Имя Фильда съ восхищеніемъ повторялось всѣми. Вдругъ изъ-за колоннъ раздался тоненькій голосокъ:

— Вѣдь это Дикъ, котораго отсюда выгнали! Да, да, это Дикъ!

Непрошенаго крикуна, нарушившаго придворный церемоніалъ, тотчасъ вывели изъ зала. То былъ маленькій Нэттъ, узнавшій своего бывшаго товарища.

Когда спектакль кончился, королева приказала призвать Шекспира и спросила его, кто былъ исполнителемъ роли Кати.

Поэтъ не смѣлъ утаить истины и въ заключеніе сказалъ:

— Дикъ обрадовался, какъ ребенокъ, когда узналъ, что ему дозволено будетъ играть передъ вашимъ величествомъ. Онъ надѣялся, что государыня не будетъ больше гнѣваться на него, когда убѣдится въ его талантѣ.

— Если у мальчика вѣра такъ же сильна, какъ надежда, то ему нечего бояться. Позовите его ко мнѣ, мистеръ Шекспиръ.

Нѣсколько минутъ спустя Шекспиръ вернулся къ королевѣ съ изящно одѣтымъ Дикомъ, сіявшимъ отъ радости.

— Ты хорошо сыгралъ Катю,—сказала ему Елизавета,—и, мнѣ кажется, ты хорошо сдѣлалъ, посвятивъ себя сценическому искусству.

— Къ этому я давно стремился, ваше величество,—пробормоталъ Дикъ.

Графъ Пэмброкъ.

— Если я не ошибаюсь,—сказала Елизавета глядя на Дика,—у тебя раньше было желаніе посвятить себя танцамъ и пантомимѣ?

Въ эту минуту Дикъ готовъ былъ спрятаться въ мышиную нору. Опустивъ глаза, онъ покраснѣлъ до ушей.

— Однако, для этого рода искусства,—продолжала съ улыбкой Елизавета,—у тебя нѣтъ таланта: въ этомъ я сама убѣдилась. Но сегодня ты заслужилъ похвалу своей игрой. Явись завтра къ лорду-казначею, онъ передастъ тебѣ мое звонкое одобреніе.

Съ этими словами королева отпустила Дика, который внѣ себя отъ радости чуть не споткнулся, удаляясь съ безчисленными поклонами.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, мистеръ Шекспиръ,— обратилась къ поэту королева, когда Дикъ вышелъ.—Вы знаете, я люблю посмѣяться; смѣхъ дѣйствуетъ благотворно на государей и необходимъ имъ. Иначе у насъ разлилась бы желчь. Мнѣ очень понравился юморъ вашего Джона Фальстафа, и я желала бы снова увидѣть его въ другой пьесѣ. Но пусть это будетъ фарсъ, и, чѣмъ смѣшнѣй, тѣмъ лучше. Должны же мы показать возмутившимся ирландцамъ, что мы увѣрены въ побѣдѣ, и потому веселимся, а это мы можемъ только съ помощью вашего генія.

Шекспиръ поблагодарилъ поклономъ.

— Можете ли вы въ двѣ недѣли написать пьесу, въ которой Фальстафъ играетъ главную роль?

Поэтъ отвѣтилъ утвердительно, и королева благосклонно отпустила его.

— Бербэджу придется опять недѣли на двѣ отказаться отъ моего общества,—подумалъ Шекспиръ, возвращаясь изъ Уайтголльскаго дворца.—У меня уже есть главное комическое лицо для пьесы; его можно перенести съ исторической почвы на гражданскую. Остается только найти подходящее содержанiе и завязку. Все это я, вѣроятно, найду въ моихъ итальянскихъ разсказахъ.

Дома поэтъ тотчасъ занялся чтенiемъ итальянскихъ разсказовъ. Главные моменты для новой пьесы онъ выбралъ изъ двухъ разсказовъ Странарола и Фiорентини; въ этомъ ему много помогло его выдающееся знанiе сценическихъ требованiй. Само собою разумѣется, что вся прелесть пьесы состояла въ дополненiяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера генiальнаго поэта.

Шекспиръ окончилъ свою комедiю «Виндзорскiя кумушки» раньше назначеннаго королевой срока.

Пьеса сначала была поставлена при дворѣ, и королева снова пришла въ восторгъ отъ комической фигуры Джона Фальстафа, оригиналъ котораго она случайно видѣла за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

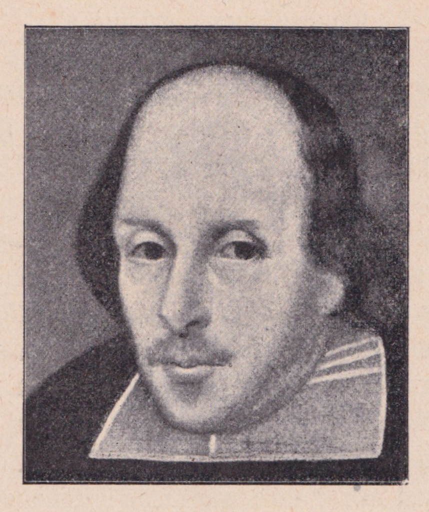
Предупредительная готовность, съ которой Шекспиръ исполнилъ ея желаніе, окончательно завоевала поэту расположеніе Елизаветы. Съ этихъ поръ поэтъ часто бывалъ при дворѣ, и королева охотно вступала съ нимъ въ остроумный споръ, нисколько не обижаясь, что поэтъ почти всегда оставался побѣдителемъ. Она любила также приводить его въ смущеніе и ставить въ затруднительное положеніе, но Шекспиръ былъ находчивъ и всегда оставался спокойнымъ.

Такъ, напримѣръ, когда при дворѣ давалась его пьеса «Король Ричардъ III», въ которой Шекспиръ игралъ короля Эдуарда, Елизавета заняла мѣсто на сценѣ. Шекспиръ заподозрилъ, что она задумала подшутить надъ нимъ, и былъ насторожѣ. Во время сцены, когда король Эдуардъ отправляетъ своего гонца, Елизавета съ умысломъ уронила свою перчатку, которую, за отсутствіемъ ея свиты, приходилось поднять Шекспиру, но это совсѣмъ не согласовалось бы съ его ролью. Однако, поэтъ быстро нашелся и, обращаясь къ уходящему гонцу, повелительно произнесъ:

Но раньше, чѣмъ отправиться къ нему,
Подай сестрѣ моей перчатку!

Эта находчивость до того понравилась королевѣ, что она во всеуслышаніе высказала поэту свое одобреніе.

Портретъ Шекспира 1609 г., съ котораго Дрэшоутъ сдѣлалъ гравюру для перваго полнаго собранія сочиненій поэта.

ГЛАВА XII.

Печальные дни.

Улицы, ведущія къ сѣверному предмѣстью Финсбюри, были переполнены народомъ. Среди парадныхъ экипажей аристократіи особенное вниманіе обращалъ на себя запряженный двумя хорошенькими пони. Многіе снимали шляпы и привѣтствовали глубокимъ поклономъ сидящую въ экипажѣ даму.

— Почтеніе передъ леди Эссексъ, — сказалъ мыловаръ, обращаясь къ двумъ другимъ мастеровымъ, съ которыми онъ шелъ въ Финсбюри.—Въ ней еще не остыла любовь къ родинѣ, переданная ей ея покойнымъ отцомъ. Леди много тратитъ на вооруженіе нашихъ войскъ.

— Пожалуй, что такъ,—сказалъ ткачъ,—но деньги идутъ изъ графскаго кармана; сама леди не богата.

— Правда, Томъ,—подтвердилъ третій товарищъ, съ виду плотникъ.—Нашъ Эссексъ всегда былъ и останется главою всякаго дѣла.

— Однако, только жена могла уговорить его принять командованіе надъ войсками, выступающими въ Ирландію,—замѣтилъ мыловаръ.—Съ королевой графъ тоже не ладитъ; онъ даже отказался принять санъ намѣстника.

— Это понятно,—засмѣялся ткачъ;—если онъ удалится отъ двора, враги окончательно лишатъ его милости королевы.

— Ну, это Эссексу не страшно,—возразилъ плотникъ,—его первый врагъ, лордъ Бэрлей, умеръ на прошлой недѣлѣ, а второй, сэръ Вальтеръ Ралей, въ плаваніи. Я увѣренъ, что графъ Эссексъ побѣдитъ ирландцевъ и вернется въ Уайтголль прославленнымъ полководцемъ.

— Сомнѣваюсь!—возразилъ мыловаръ.

— Конечно!—отвѣтилъ плотникъ.—Вѣдь самъ графъ сказалъ, что нужно только захватить въ Ульстерѣ главнаго мятежника Тайрона, чтобы подорвать въ самомъ корнѣ его могущество, а тогда остальная страна покорится сама собой.

— Эссексъ вполнѣ заслуживаетъ одобренія,—сказалъ ткачъ,—онъ проявляетъ теперь необыкновенную дѣятельность и въ то же время бодръ и веселъ.

Этими немногими словами простой мастеровой ясно опредѣлилъ положеніе дѣлъ. Когда англійскій народъ узналъ, что горячо-любимый имъ Эссексъ будетъ командовать войсками въ предстоящемъ походѣ, общій духъ сразу поднялся. Опять зажглась во всѣхъ сердцахъ, во всѣхъ слояхъ общества любовь къ родинѣ, и развлеченія смѣнились горячимъ интересомъ къ войнѣ съ Ирландіей. Вся молодежь устремилась къ Эссексу, желая служить подъ его начальствомъ. Изъ графствъ ежедневно прибывали толпы рекрутовъ, получали оружіе и обучались. Учебнымъ плацомъ служили поля,

лежащія къ сѣверу, съ которыхъ жатва была уже снята. Зрѣлище этихъ военныхъ упражненій привлекало массу народа, и вотъ почему весь Лондонъ стремился теперь въ Финсбюри. Здѣсь, на обширномъ полѣ, былъ расположенъ военный лагерь, къ большому неудовольствію дочерей мыловара, которымъ принадлежали эти поля. Это и была причина того, почему мыловаръ не особенно сочувственно отозвался о графѣ Эссексѣ.

Картина лагеря представляла пестрое, живописное зрѣлище: отряды войскъ въ панцыряхъ съ длинными пиками, алебардщики въ ихъ своеобразномъ вооруженіи, мушкетеры въ кольчугахъ и шлемахъ. Иногда военачальники устраивали военныя прогулки, чтобы дать возможность пріѣзжимъ провинціаламъ еще разъ увидѣть своихъ сыновей, служащихъ въ войскѣ.

Въ Лондонѣ въ это время былъ большой наплывъ пріѣзжихъ. Гостиницы, увеселительныя мѣста и театръ Глобусъ пожинали обильную жатву. Мѣста въ театрѣ Глобусъ были разобраны на всѣ представленія; каждый пріѣзжій хотѣлъ попасть хоть на одинъ спектакль быстро прославившагося театра.

По улицамъ и переулкамъ день и ночь не прекращалось движеніе. Толпа въ патріотическомъ восторгѣ бурно привѣтствовала Эссекса и королеву, и послѣдняя покровительствовала выраженію этихъ чувствъ. Она показывалась народу почти ежедневно и устраивала праздники не только для знатныхъ, но и для народа. Такъ въ Гринвичѣ, своемъ любимомъ мѣстопребываніи, она дала большой званый обѣдъ. Въ роскошно украшенной искусственными цвѣтами лодкѣ она выѣхала изъ Уайтголля въ сопровожденіи своей свиты, среди которой находился и графъ Эссексъ. Дальше за ними слѣдовало въ шести лодкахъ высшее дворянство въ голубыхъ атласныхъ костюмахъ. Голубыя перья развѣ-

Королева Елизавета и графъ Эссексъ.

вались надъ головными уборами, туалеты дамъ сверкали драгоцѣнными камнями. За лодками пэровъ слѣдовали безчисленныя лодки дворянъ. Все было разукрашено, всѣ были разодѣты по праздничному.

По обоимъ берегамъ Темзы стояли лондонцы, и при видѣ королевы и графа Эссекса раздавались дружные безконечные крики восторга. Когда же роскошный поѣздъ лодокъ позднимъ вечеромъ при свѣтѣ факеловъ и пушечныхъ выстрѣлахъ возвращался въ Уайтголль, масса народа попрежнему стояла на берегахъ, выражая королевѣ свой восторгъ и благодарность за избраніе въ полководцы противъ ирландцевъ любимаго графа Эссекса.

Въ этотъ вечеръ, ради большого праздника, всѣ театры были закрыты, и Тимоти оставался дома со своей внучкой. Но это не была болѣе старая квартира, которую онъ прежде занималъ. Высокіе потолки, элегантная обстановка, все говорило о благосостояніи ея владѣльца. Но то была квартира не дѣдушки Тимоти, а лорда Лонгсуорда, недавно обвѣнчавшагося съ Люси.

Хотя Тимоти долго противился замужеству своей внучки, онъ наконецъ долженъ былъ изъявить Роберту свое согласіе, особенно потому, что срокъ, назначенный имъ самимъ, давно истекъ.

Дикъ присутствовалъ на бракосочетаніи Люси, какъ свидѣтель, но это отличіе совсѣмъ не радовало его. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что Люси предпочла ему Лонгсуорда, и даже въ этотъ вечеръ, сидя въ квартирѣ новобрачныхъ, онъ не умѣлъ скрыть своихъ чувствъ.

— И я могъ бы нанять теперь такую же квартиру, — говорилъ онъ, указывая на изящную обстановку, — мистеръ Генслоу увеличилъ мое содержаніе, а по приказанію королевы я получилъ отъ лорда-казначея двадцать фунтовъ стерлинговъ.

— Это очень много,—улыбнулся Робертъ, — и если вы

будете бережливы, то современемъ у васъ составится хорошее состоянiе.

— На что мнѣ презрѣнное золото? — сказалъ Дикъ брезгливо,—когда я...

Онъ остановился и взглянулъ на Люси.

Молодая женщина ласково положила ему руку на плечо и сказала:

— Вы теперь уже достойный служитель искусства, и съ вашимъ талантомъ вы навѣрное достигнете совершенства. Тогда у васъ, какъ у жреца, искусство будетъ вашей невѣстой, а у такой невѣсты то преимущество, — окончила шутя Люси, — что она никогда не состарится.

— Вы очень любезны, — возразилъ Дикъ, рисуя пальцемъ на столѣ, — да, я всегда буду стремиться къ тому, чтобы достигнуть совершенства, но жрецъ... я не знаю, не отказаться ли мнѣ отъ такой чести и остаться только хорошимъ артистомъ. Артистъ можетъ по крайней мѣрѣ жениться.

— Ты сумасбродный, неисправимый юноша, — засмѣялся Тимоти, — но славный малый и навѣрное не откажешься охранять Люси, когда Робертъ отправится съ графомъ Эссексомъ въ Ирландiю.

Мысль о близкой разлукѣ вызвала на глазахъ молодой женщины слезы; она обвила руками шею своего мужа и не могла говорить отъ горя.

— Война въ Ирландiи кончится быстро, — утѣшалъ ее Робертъ, — а такъ какъ Гриди не ѣдетъ съ нами, ты не должна безпокоиться обо мнѣ.

— Я боюсь этого коварнаго человѣка, — прошептала Люси. — Мнѣ все кажется, что онъ снова сдѣлаетъ тебя несчастнымъ.

— Этого онъ не можетъ сдѣлать, — возразилъ Робертъ, тихо гладя бѣлокурые волосы жены.—Я пользуюсь милостью королевы, графъ Эссексъ доволенъ моей службой, и дурного

я ничего не дѣлаю. Какъ можетъ Гриди мнѣ повредить? Кромѣ того со времени своей дуэли, когда онъ убилъ Марло, онъ живетъ въ тишинѣ и одиночествѣ, потому что на него не разъ нападали на улицѣ и обходились съ нимъ весьма безцеремонно.

— Да, — вскричалъ Дикъ, засмѣявшись, — а однажды его даже сильно поколотили.

— Откуда вы это знаете?

— Я самъ видѣлъ это и командовалъ моими старыми товарищами-учениками, къ которымъ присоединились нѣсколько остъиндскихъ матросовъ, которые также не благоволили Гриди. Короче сказать: онъ получилъ вполнѣ заслуженное возмездіе, и я, конечно, нисколько не сокрушаюсь объ этомъ.

— Только бы онъ не подумалъ, что все это исходитъ отъ Роберта,—вздохнула Люси,—и не сталъ бы въ своемъ одиночествѣ замышлять месть, какъ паукъ въ темнотѣ.

— Какая ты трусиха, — улыбнулся Робертъ, цѣлуя жену въ лобъ.

Онъ постарался перевести разговоръ на другую тему, и Дикъ не замедлилъ помочь ему въ этомъ изъ состраданія къ Люси.

— Въ эти дни у насъ въ театрѣ Глобусъ будетъ очень весело. Неправда ли? — подмигнулъ онъ старому Тимоти.

— Ты всегда готовъ все разболтать!—замѣтилъ смѣясь старикъ.

Самъ Тимоти не говорилъ никогда о томъ, что происходило въ театрѣ, и это была его особенность.

— Мистеръ Шекспиръ, — продолжалъ Дикъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Тимоти,—опять написалъ новую, веселую пьесу «Много шуму изъ ничего». Сначала онъ хотѣлъ дать этой пьесѣ серьезное содержаніе, которое заимствовалъ изъ «Роланда» Аріосто, но затѣмъ исключилъ трагическій конецъ

и создалъ рядомъ съ серьезными образами поистинѣ чудесныя фигуры, юморъ которыхъ заражаетъ всѣхъ. Я игралъ въ этой пьесѣ Беатриче, молодую дѣвушку, которая, несмотря на свои задорныя насмѣшки, все-таки обладаетъ добрымъ, прекраснымъ сердцемъ. Она и молодой дворянинъ Бенедиктъ, котораго играетъ Бербэджъ, постоянно подтруниваютъ другъ надъ другомъ. Право, стоитъ посмотрѣть насъ обоихъ,—вы покатились бы со-смѣху.

— Нельзя сказать, чтобы нашъ другъ Дикъ былъ слишкомъ скроменъ, — замѣтилъ Тимоти улыбаясь.

— Чѣмъ же я виноватъ,—возразилъ Дикъ,—что у меня есть талантъ, и что въ Бербэджѣ я нашелъ такого прекраснаго учителя. Но о себѣ я больше не буду говорить, а скорѣе перейду къ самой сути. Въ этой веселой пьесѣ выведены два полицейскихъ служителя, которые своей глупостью невольно обличаютъ клевету. Одинъ изъ этихъ полицейскихъ служителей украшаетъ свою рѣчь все время иностранными словами, которыя онъ частью коверкаетъ, частью употребляетъ некстати, точь въ точь какъ нашъ директоръ Генслоу, и о немъ, вѣроятно, думалъ Шекспиръ, когда создавалъ эту смѣшную фигуру. Эта комедія была разучена во время отсутствія Генслоу, который хотѣлъ въ теченіе зимы дать нѣсколько представленій въ Оксфордѣ и потому уѣхалъ туда. Онъ не догадывался, что Кемпе, игравшій Клюкву, вывелъ на сцену его. Въ этомъ и состоитъ главная шутка, больше всего насмѣшившая меня.

Дикъ былъ правъ: когда насталъ день перваго представленія пьесы «Много шуму изъ ничего», въ театрѣ Глобусъ дѣло дошло до двойной комедіи. Присутствовавшій въ уборной Генслоу помѣстился за заднимъ занавѣсомъ, чтобы слѣдить за ходомъ дѣйствія и за игрой актеровъ. Генслоу очень скоро догадался, кого Шекспиръ изобразилъ, создавая образъ Клюквы.

— Тьфу, пропасть!—прошепталъ онъ,—это вѣдь не кто иной, какъ я!—и подобно курицѣ, которая видитъ, что высиженные ею утята идутъ въ воду, Генслоу забѣгалъ за занавѣсомъ взадъ и впередъ, повторяя при каждомъ иностранномъ словѣ, исковерканномъ Клюквой: «клянусь, въ самомъ дѣлѣ это я!»

Во время ближайшаго антракта онъ потребовалъ отъ Шекспира объясненія, и нелегко было какъ поэту, такъ и присутствовавшимъ актерамъ сдерживать смѣхъ, особенно, когда Генслоу въ своей пылкой рѣчи опять сталъ коверкать иностранныя слова.

— Вы заблуждаетесь,—сказалъ Бербэджъ,—вы вѣдь не полицейскій служитель!

— Нѣтъ, — подтвердилъ директоръ, — но эта Клюква уснащаетъ свои нелѣпыя рѣчи исковерканными иностранными словами!

— Но, Боже мой,—возразилъ Бербэджъ, пожимая плечами,—почему человѣкъ не можетъ позволить себѣ маленькаго удовольствія?

— Потому что онъ совсѣмъ простой человѣкъ,—возразилъ горячо Генслоу.—Индуктировать свою рѣчь иностранными словами можетъ только человѣкъ уже метаморфическій или студіозусъ. Этотъ казусъ бываетъ со мной, а Клюква страдаетъ ступельцитетомъ!

— Ну, да,—согласился Бербэджъ,—и уже поэтому вы не можете думать, что это вы.

— Ну, мистеръ Шекспиръ,—повернулся къ нему Генслоу, все еще не успокоившись, — что вы скажете въ свое оправданіе?

— Я хотѣлъ дать вамъ возможность высказаться,—сказалъ поэтъ.—Когда я создавалъ образъ Клюквы, я думалъ о сэрѣ Томасѣ Люси въ Чарлекотѣ, который преслѣдовалъ меня въ юности и заставилъ покинуть родину. При этомъ

я позволилъ себѣ маленькую месть противъ него и разжаловалъ его, уважаемаго мирового судью, въ полицейскіе служителя, а чтобы онъ себя узналъ, я украсилъ его рѣчь иностранными словами.

— Ахъ, если такъ,—произнесъ Генслоу успокоившись,—то вы поступили правильно, наказавъ этого высокомѣрнаго человѣка.

Съ этой минуты Генслоу сталъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ пьесы съ настоящимъ благоговѣніемъ и сердечно смѣялся надъ глупыми словами простодушнаго полицейскаго. Изъ его диковинныхъ иностранныхъ словъ онъ запомнилъ нѣкоторыя, чтобы при случаѣ преподнести ихъ кому-нибудь при разговорѣ.

«Много шуму изъ ничего» давалось безъ перерыва въ театрѣ Глобусъ; но скоро послѣ того онъ закрылся. Наступала суровая осень, и публика не рѣшалась посѣщать представленія въ открытомъ лѣтнемъ театрѣ. Прежде чѣмъ возвратиться въ Блэкфрайръ, труппа лорда-контролера вмѣстѣ съ Генслоу отправилась въ Оксфордъ, гдѣ встрѣтила въ студенческой молодежи тонкое пониманіе и живой интересъ къ произведеніямъ Шекспира.

Отъѣздъ изъ Лондона совершился такъ внезапно, что Шекспиръ не успѣлъ проститься со своимъ покровителемъ графомъ Эссексомъ. Онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ узналъ, что графъ Эссексъ съ войскомъ переправился въ Ирландію.

Съ уходомъ войскъ шумная жизнь Лондона смѣнилась тишиной. Въ городѣ настали скучные дни. Небо покрылось свинцовыми тучами, шелъ дождь, и снѣжный вихрь носился по площадямъ и улицамъ, обволакивая все кругомъ густымъ туманомъ.

Съ нетерпѣніемъ ждали лондонцы Рождества и связанныхъ съ нимъ обычныхъ забавъ. Въ началѣ декабря погода

прояснилась. Настали солнечные, морозные дни, которые благопріятствовали веселью народа всѣ двѣнадцать дней отъ Рождества до Крещенія.

Окна и двери домовъ украсились гирляндами плюща и лавра. Съ перваго дня Рождества, посвященнаго благочестію, во всѣхъ семьяхъ обмѣнивались пирогами, съ изображеніемъ

Святочныя увеселенія въ Лондонѣ во времена Шекспира.

Христа-младенца, и во всѣхъ домахъ ходила въ круговую украшенная пестрыми лентами кружка крѣпкаго, прянаго пива.

Съ наступленіемъ сумерекъ комнаты освѣщались множествомъ восковыхъ свѣчей и веселымъ огнемъ пылающихъ каминовъ. Повсюду царили радость и веселье, и только въ жилищѣ Люси лица были печальны. Молодая женщина, для которой разлука съ мужемъ и безъ того была тяжела, долго

не получала отъ него извѣстій. Тимоти не рѣшался ее утѣшать, такъ какъ о графѣ Эссексѣ и его войскѣ носились самые противорѣчивые слухи. Извѣстно было только, что графъ измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе атаковать Тайрона въ Ульстерѣ, и направился съ своимъ войскомъ въ Мюнстеръ и Лестеръ, растрачивая свои силы въ мелкихъ битвахъ безъ особенной пользы.

Дикъ, проводившій праздничный вечеръ у Тимоти и Люси, тоже не находилъ словъ для ея утѣшенія. Онъ злился, что Люси, несмотря на его присутствіе, тоскуетъ объ отсутствующемъ мужѣ.

Въ то время, когда они втроемъ сидѣли у камина и задумчиво смотрѣли въ потрескивающее пламя, прихлебывая пиво, черезъ Вестминстерскія ворота проскакалъ всадникъ на взмыленномъ конѣ. Онъ находился уже много дней въ пути. Его томила мучительная жажда, но онъ отказывался отъ гостепріимства лондонцевъ, протягивавшихъ по старинному обычаю изъ дверей и оконъ полныя кружки пива проходящимъ друзьямъ и знакомымъ. Неизвѣстнаго всадника приглашали знаками приблизиться и выпить глотокъ, но онъ отрицательно качалъ головою и продолжалъ мчаться въ Уайтголль.

По улицамъ двигались толпы ряженыхъ, и всадникъ, пробираясь черезъ толпу, вынужденъ былъ часто останавливаться. Наконецъ онъ прискакалъ во дворъ замка и соскочилъ съ коня.

Къ нему подошелъ часовой и спросилъ его, какое дѣло у него въ Уайтголлѣ.

— Я Робертъ Лонгсуордъ, — отвѣтилъ онъ, — пріѣхалъ изъ Ирландіи съ вѣстями отъ графа Эссекса.

Часовой доложилъ дежурному офицеру. Робертъ узналъ его, такъ какъ часто встрѣчался и бесѣдовалъ съ нимъ въ пріемной графа Эссекса, и офицеръ всегда относился къ

нему съ большимъ уваженіемъ. Тѣмъ болѣе былъ онъ пораженъ теперь, когда офицеръ холодно сказалъ ему:

— Я провожу васъ къ одной изъ дамъ ея величества.

— Я обязанъ передать лично королевѣ тайное посланіе графа Эссекса.

— Заявите это сами придворной дамѣ,—коротко отвѣтилъ офицеръ, молча провожая Роберта во дворецъ.

Съ недоумѣніемъ слѣдовалъ за нимъ Робертъ, не рѣшаясь спросить его о причинѣ такой рѣзкой перемѣны. Тяжелое путешествіе утомило его. Онъ долженъ былъ собрать послѣднія силы, чтобы приготовиться къ обстоятельному и серьезному разговору съ королевой.

Офицеръ вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ дежурную комнату придворныхъ дамъ. Яркое сіяніе свѣчей ворвалось въ проходъ, и Робертъ узналъ среди дамъ, сидѣвшихъ у камина, леди Ноттингэмъ.

— Этотъ господинъ желаетъ быть представленнымъ ея величеству,—обратился къ ней офицеръ, отдавая честь;— онъ явился съ письмомъ отъ графа Эссекса.

Леди отпустила офицера и обратилась къ Роберту:

— Вы не можете видѣть королеву.

— Мнѣ необходимо видѣть ея величество,—возразилъ Робертъ, въ сердцѣ котораго возникло предчувствіе чего-то недобраго, когда леди заговорила съ нимъ съ необычайной холодностью.—Это письмо я долженъ лично вручить ея величеству и по полученіи отвѣта спѣшить обратно. Прошу васъ, не мѣшайте мнѣ исполнить волю графа; это слишкомъ важно, и мнѣ тяжело было бы навлечь на себя его немилость.

— Мнѣ кажется,—возразила леди рѣзко,—вамъ слѣдуетъ больше опасаться гнѣва королевы, чѣмъ немилости графа.

— Мнѣ нечего бояться гнѣва королевы,—возразилъ Робертъ,—я исполняю свой долгъ и не совершилъ никакого проступка.

Леди Ноттингэмъ презрительно взглянула на него и сказала ледянымъ тономъ:

— Вы можете просить аудіенціи, но вамъ все-таки не удастся видѣть ея величество.

Это взволновало Роберта.

— Я не прошу аудіенціи, я ея требую!—сказалъ онъ.

Язвительно засмѣявшись, лэди Ноттингэмъ повернулась къ нему спиной и удалилась.

«Что это значитъ?» спросилъ себя въ изумленіи Робертъ.— Эта самая леди казалась такой преданной Эссексу, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ королевой, а теперь вдругъ она противится его приказу?

Раздумывая объ этомъ, онъ услышалъ у входной двери шумъ. Радостный крикъ сорвался съ его губъ, когда онъ увидѣлъ Ральфа. «Теперь все разъяснится», подумалъ онъ, подходя къ камердинеру и протягивая ему руку, которую тотъ, однако, едва пожалъ. Уклоняясь отъ взгляда Роберта, онъ ограничился только слѣдующими словами:

— Вы вернулись изъ Ирландіи? Что же, остатокъ войска мы такъ и не увидимъ?

— Какъ вы можете такъ говорить, сэръ! — возразилъ укоризненно Робертъ, котораго сильно огорчило странное поведеніе Ральфа.—Напротивъ, графъ Эссексъ надѣется скоро вернуться съ войскомъ и съ побѣдой.

— Это очень сомнительно!—произнесъ съ горькой ироніей Ральфъ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ Робертъ съ жаромъ,— графъ намѣренъ повернуть на сѣверъ и въ Ульстерѣ захватить мятежниковъ.

— Неужели?—насмѣшливо сказалъ Ральфъ.—Наконецъ-таки онъ совершитъ этотъ великій подвигъ!

— Боже! Какъ можете вы говорить такъ? — съ досадой вскричалъ Робертъ.—Чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать про-

тивъ главныхъ силъ мятежниковъ, вновь завербованныя войска королевы должны были закалиться въ мелкихъ битвахъ, а теперь, раньше чѣмъ нанести мятежникамъ рѣшительный ударъ, графъ Эссексъ хочетъ имѣть письменное согласіе королевы. За этимъ согласіемъ я пріѣхалъ и добиваюсь свиданія съ ея величествомъ. Леди Ноттингэмъ отказалась помочь мнѣ...

— Извините, — прервалъ его Ральфъ, — это имя напоминаетъ мнѣ, что я долженъ нѣчто передать леди.

Съ этими словами онъ быстро вышелъ въ другую дверь, оставивъ Роберта въ еще большемъ замѣшательствѣ.

Нѣсколько минутъ спустя опять показалась леди Ноттингэмъ; она наклонилась надъ каминомъ и сухо сказала Роберту: — Королева не желаетъ васъ видѣть, но позволила вамъ вручить мнѣ письмо графа. Я передамъ ей его.

— Но я не имѣю на это полномочій! — воскликнулъ въ смущеніи Робертъ.

— Тогда вы можете оставить письмо у себя, — возразила леди равнодушно, и, взявъ съ камина книгу, она стала ее перелистывать.

Робертъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Хорошо, леди, — сказалъ онъ послѣ короткаго размышленія,—я вамъ довѣряюсь. Вотъ письмо. Долженъ ли я ожидать отвѣта королевы? Мнѣ хотѣлось бы еще сегодня ночью отправиться въ обратный путь.

— Отдохните у себя дома, — отвѣтила холодно леди. — Завтра рано утромъ въ вашихъ рукахъ будетъ письмо королевы.

И леди Ноттингэмъ удалилась.

Робертъ сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Повинуясь долгу, онъ не осмѣлился повидаться прежде съ женой, о которой такъ сильно тосковалъ. Но теперь онъ былъ свободенъ и пришпорилъ опять своего усталаго коня. Мысль, что черезъ четверть часа онъ прижметъ къ сердцу любимую Люси, быстро

заставила забыть непріятное впечатлѣніе, вызванное неожиданно холоднымъ пріемомъ въ Уайтголлѣ.

Съ бьющимся отъ радости сердцемъ остановился онъ у дома, въ которомъ было самое дорогое въ мірѣ для него существо. Онъ поспѣшно передалъ коня слугѣ, приказавъ ему отвести въ стойло измученное животное, и взбѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ; дверь была отворена, и по случаю праздника въ сѣняхъ пировали слуги. Не обращая виманія на ихъ изумленные возгласы, Робертъ отворилъ дверь въ комнату и увидѣлъ сидѣвшее передъ каминомъ маленькое общество.

Узнавъ мужа, Люси вскрикнула и, смѣясь сквозь слезы, поникла на его груди.

— Моя дорогая,—произнесъ Робертъ взволнованнымъ голосомъ, лаская свою молодую жену.

— Останешься ли ты теперь со мной? — прошептала она сквозь слезы.

— Къ сожалѣнію, я долженъ завтра рано утромъ опять ѣхать, — отвѣтилъ Робертъ. — Долгъ зоветъ меня. Но я вернусь скоро съ графомъ и войскомъ, и тогда, тогда, моя Люси, мы уже никогда не разстанемся... до тѣхъ поръ, пока Богъ не призоветъ къ себѣ одного изъ насъ!

Головка молодой женщины лежала на лѣвомъ плечѣ Роберта, и онъ протянулъ правую руку Тимоти и Дику.

Начались разспросы, и хотя вѣсть о странномъ пріемѣ Роберта во дворцѣ омрачила нѣсколько общую радость, но вскорѣ радость свиданія и чудесный вечеръ взяли верхъ и даже Дикъ повеселѣлъ.

Но восторгъ стремительный нерѣдко
Имѣетъ и стремительный конецъ,
И гибнетъ онъ въ зенитѣ ликованья.
Такой восторгъ—то порохъ и огонь,
Что гибнутъ вдругъ въ минуту ихъ лобзанья.

Этимъ пророческимъ словамъ Шекспира въ «Ромео и Юліи», вложеннымъ въ уста Лоренцо, суждено было исполниться.

Весело болтая, счастливые супруги все еще сидѣли у камина, какъ вдругъ изъ сѣней донеслисъ испуганные крики слугъ.

— Что это?—спросила Люси, боязливо прижавшись къ мужу.

— Должно быть, пришли ряженые, и глупыя дѣвушки перепугались,—спокойно отвѣтилъ Робертъ.

Съ этими словами онъ поднялся, чтобы узнать причину шума. Въ то же время дверь быстро отворилась, и въ комнату вошелъ шерифъ въ своемъ красномъ одѣяніи въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ. Позади нихъ въ отворенныя двери выглядывали испуганные слуги.

Робертъ отступилъ въ изумленіи. Коснувшись его плеча своей бѣлой палочкой, шерифъ торжественно произнесъ:

— По приказу всемилостивѣйшей королевы я арестую васъ, сэръ Робертъ Лонгсуордъ!

Люси вскрикнула отъ ужаса и такъ крѣпко обняла мужа, что какъ бы желала показать, что никакія силы въ мірѣ не могутъ разлучить ихъ.

— Успокойся, дорогая Люси,—просилъ дрожащимъ голосомъ Робертъ.—Я не знаю за собою никакой вины. Наша государыня справедлива, она скоро вернетъ мнѣ свободу.

И, обращаясь къ шерифу, онъ спросилъ, въ чемъ его обвиняютъ.

— Въ государственной измѣнѣ,—былъ короткій отвѣтъ.

Судьба, такъ внезапно поразившая Роберта, и опасенія за него и за Люси такъ сильно потрясли Тимоти, что онъ не могъ подняться со стула. Дикъ также дрожалъ всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ Люси рыдая повторяла: «Мое предчувствіе! Оно меня не обмануло!»

— Прошу васъ, сэръ Лонгсуордъ, — вторично прервалъ шерифъ,—слѣдовать за мною въ Флитскую тюрьму.

Грудь Роберта тяжело опускалась и поднималась; какъ бы прощаясь, онъ посмотрѣлъ на свою жену и мрачно сказалъ:

— Я готовъ!

— Нѣтъ, я не пущу тебя!—вскричала Люси, когда онъ хотѣлъ освободиться изъ ея объятій, такимъ раздирающимъ сердце голосомъ, что даже шерифъ и его суровая свита почувствовали состраданіе къ бѣдной женщинѣ.—Я умру, если тебя отнимутъ отъ меня!

— Тогда ты сдѣлала бы меня совсѣмъ несчастнымъ,—сказалъ Робертъ, съ судорожными рыданіями покрывая поцѣлуями лицо жены.—Богъ справедливъ,—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Онъ сжалится надо мной и не допуститъ моей гибели! Скоро я опять буду свободенъ. Покажи, что ты мужественна, Люси, поддержи меня, а вы, отецъ Тимоти и Дикъ, заботьтесь о бѣдняжкѣ, берегите и утѣшайте ее.

Онъ хотѣлъ тихо освободиться отъ нѣжныхъ объятій, но Люси была уже въ обморокѣ. Робертъ нѣжно отнесъ ее въ спальню и, опустившись возлѣ нея на колѣни, произнесъ короткую, горячую молитву. Укрѣпленный, онъ поднялся, вытеръ слезы и, еще разъ пожавъ руки опечаленному дѣдушкѣ Тимоти и плачущему Дику, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Теперь, шерифъ, я готовъ слѣдовать за вами!

И выпрямившись, онъ твердыми шагами покинулъ домъ, гдѣ жили тѣ, кого онъ любилъ больше всего на свѣтѣ.

Поэтъ Эдмундъ Спенсеръ.

ГЛАВА XIII.

Домашній арестъ.

Положеніе дѣлъ въ Ирландіи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе неблагопріятнымъ для англичанъ. Мятежники дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, и мужество англичанъ падало. Они не рѣшались дать ирландцамъ рѣшительнаго сраженія, и даже офицеры открыто протестовали противъ этого. Вслѣдствіе этого Эссексъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ Тайрономъ. Условія и требованія послѣдняго превосходили всякую мѣру. Но Эссексъ тѣмъ не менѣе принялъ ихъ въ виду угрожающаго положенія Испаніи, готовившейся напасть на Англію; союзъ же Тайрона съ Испаніей можно было предотвратить только принятіемъ его условій.

Но едва ли можно было ожидать, чтобы гордая Елизавета одобрила уступки, сдѣланныя Эссексомъ ирландцамъ. Къ

тому же противники графа постарались еще сильнѣе разжечь ея недовольство противъ него.

Страннымъ должно казаться, что въ это время Бэконъ Веруламскій всѣми силами сталъ добиваться доступа ко двору. Добившись наконецъ этого, онъ тотчасъ продалъ подаренное ему Эссексомъ имѣніе, чтобы на вырученныя деньги поправить свои разстроенныя денежныя дѣла. Въ то же время онъ все болѣе сталъ отстраняться отъ своего великодушнаго друга Эссекса и присоединился къ несправедливымъ обвиненіямъ членовъ государственнаго совѣта, желавшихъ привлечь Эссекса къ отвѣтственности за неудачный походъ въ Ирландію.

Королева вернула Бэкону свою благосклонность и часто приглашала его на засѣданія государственнаго совѣта, который созывала въ это время ежедневно. Искусными рѣчами Бэконъ сумѣлъ еще болѣе возбудить недовольство королевы противъ Эссекса.

— Правда,—говорилъ онъ въ одномъ изъ засѣданій,—имѣя санъ эрла и англійскаго маршала, Эссексъ въ правѣ назначать полководцевъ и возводить достойныхъ въ рыцарское званіе; но патенты на это должны быть утверждены вашимъ величествомъ.

— И я того же мнѣнія!—воскликнула въ волненіи Елизавета. — Эссексъ самовластно назначилъ Соутгэмптона начальникомъ кавалеріи. Онъ поступилъ противъ моего желанія, потому что Соутгэмптонъ совсѣмъ неопытенъ въ военномъ дѣлѣ. Меня удивляетъ, что Эссексъ осмѣлился не исполнить моего приказанія!

— Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ это,—сказалъ Бэконъ, пожимая плечами,—а потомъ въ каждомъ донесеніи онъ оправдываетъ и хвалитъ своего друга и продолжаетъ, вопреки желанію вашего величества, возводить въ рыцарское достоинство своихъ подчиненныхъ. Но главное, онъ отступилъ отъ

утвержденнаго плана дѣйствій и не направился на сѣверъ противъ Тайрона. Этимъ онъ подвергъ себя тяжелой отвѣтственности.

— Но онъ утверждаетъ, — замѣтила королева, — что его планъ дѣйствій былъ выданъ мятежникамъ; полученныя отъ Гриди свѣдѣнія подтверждаютъ это.

— Допустимъ, что такъ, — продожалъ Бэконъ, слащаво улыбаясь, — тѣмъ болѣе, что предатель пойманъ; но это не уменьшаетъ вины Эссекса. Только благодаря его небрежности могла произойти подобная измѣна! Затѣмъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такое огромное войско, онъ изнурилъ его своими безцѣльными передвиженіями по нездоровымъ мѣстностямъ, вызвавшими болѣзни въ войскѣ, а потомъ долженъ былъ просить новыхъ подкрѣпленій.

— Обвиненія виконта Бэкона не такъ важны, какъ мои! — воскликнулъ Вальтеръ Ралей, недавно вернувшійся изъ своего плаванія.—Я открыто обвиняю графа въ измѣнѣ.

Королева испугалась. Она знала высокомѣрный нравъ Эссекса и не считала его способнымъ на измѣну.

— Взвѣсьте ваши слова, сэръ Ралей!—сказала Елизавета дрогнувшимъ голосомъ. — Я вижу, что враги графа при дворѣ злѣе, чѣмъ я думала.

— Обида, нанесенная графомъ моей королевѣ, мучительно отзывается въ моемъ сердцѣ, — сказалъ Ралей, смиренно опуская голову. — Мои надежные шпіоны донесли мнѣ, что Эссексъ вступилъ въ тайные переговоры съ мятежникомъ Тайрономъ и часто видѣлся съ нимъ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что онъ обѣщалъ мятежнику сдѣлать его первымъ лицомъ въ Англіи, какъ только онъ покорится ему.

— Ваши шпіоны, — саркастически замѣтила Елизавета, — обладаютъ, вѣроятно, необычайно тонкимъ слухомъ, что могли подслушать *тайный* разговоръ.

Елизавета все еще вступалась за Эссекса передъ его

противниками, хотя ея мнѣніе о немъ было уже поколеблено. Она не подозрѣвала, что графъ Эссексъ именно въ этотъ день собирался вернуться въ Лондонъ съ частью своихъ войскъ, чтобы вынудить утвержденіе заключеннаго имъ съ Тайрономъ соглашенія, а затѣмъ со всей своей арміей ринуться въ войну съ Испаніей. Но его друзья, Соутгэмптонъ и Пэмброкъ, доказывали ему, что такой образъ дѣйствій можетъ быть принятъ за попытку къ возмущенію. Они убѣждали его отказаться отъ этого плана и постараться склонить королеву добровольно изъявить на это свое согласіе.

Но и это средство было небезопасно, тѣмъ болѣе, что безъ разрѣшенія королевы Эссексъ не имѣлъ права покинуть свою тѣснимую непріятелемъ армію.

Съ послѣдняго засѣданія государственнаго совѣта прошло около недѣли. Веселая старая Англія не долго находилась въ серьезномъ настроеніи, и уже во вторникъ на Масляной въ Лондонѣ справляли обычный маскарадъ.

Шекспиръ, всегда охотно посѣщавшій народные празднества, не былъ въ этотъ день расположенъ смотрѣть, какъ веселятся лондонцы. Онъ отправился съ своимъ другомъ Бербэджемъ за городъ, по Оксфордской дорогѣ къ привѣтливой деревушкѣ, живописно расположенной между двумя лѣсистыми холмами. Теплые лучи солнца ярко освѣщали ландшафтъ, предвѣщая скорое наступленіе весны, и на многихъ деревьяхъ уже сучья покрылись блѣдною зеленью.

Въ этотъ день друзья не были заняты въ театрѣ. Несмотря на веселый ландшафтъ, они были заняты серьезнымъ разговоромъ, касавшимся участи Роберта Лонгсуорда.

Звѣздная Палата уже начала процессъ противъ него, обвиняя его въ выдачѣ ирландцамъ плана кампаніи англичанъ. Обвинителемъ выступилъ Гриди съ двумя свидѣтелями. Бѣдная Люси не напрасно опасалась его. Гриди завидовалъ положенію Лонгсуорда при Эссексѣ и той благосклонности,

которою Робертъ пользовался у королевы. Кромѣ того наущеніямъ Роберта приписывалъ Гриди враждебное отношеніе къ нему лондонскихъ учениковъ и остъиндскихъ матросовъ, недавно на улицѣ жестоко поколотившихъ его. Возненавидѣвъ Лонгсуорда, онъ хотѣлъ погубить его и какъ муху въ паутинѣ опуталъ его своимъ тяжкимъ обвиненіемъ.

Если бы Люси знала, какая опасность угрожала ея супругу, она бы не вынесла этого тяжелаго удара. Со времени ареста Роберта она ужасно исхудала, и Тимоти и Дикъ, а также Шекспиръ и Бербэджъ всячески утѣшали и развлекали ее.

— Если бы только кто-нибудь изъ нашихъ покровителей былъ въ Лондонѣ,—говорилъ Шекспиръ своему другу,—несчастнаго Лонгсуорда скоро бы выпустили на свободу. Я убѣжденъ, что обвиненія Гриди не что иное, какъ низкая злоба.

— А что ты скажешь, если бы я попросилъ тебя устроить мнѣ аудіенцію у королевы?

— Напрасный трудъ,—возразилъ съ грустью Шекспиръ,—въ это тревожное время королева ничего не хочетъ знать о поэзіи, и, чтобы избѣжать аудіенцій, она уѣхала въ свой загородный замокъ Нонсэчъ, гдѣ и собирается теперь государственный совѣтъ.

— Боюсь, что все это плохо кончится,—вздохнулъ Бербэджъ.

— Пожалуй, ты правъ,—сказалъ Шекспиръ съ грустной улыбкой, указывая на погребальное шествіе, которое направлялось изъ деревни Сенъ-Джиль къ небольшой часовнѣ, стоявшей посреди кладбища.—Встрѣтить покойника въ такія тяжелыя времена дурная примѣта.

— Неужели ты такъ суевѣренъ?

— Кто изъ поэтовъ не суевѣренъ?—возразилъ Шекспиръ, прибавивъ шагу.

— Ты хочешь проводить покойника?—спросилъ Бербэджъ.

Шекспиръ кивнулъ головой.

— По-моему совсѣмъ не интересно смотрѣть, какъ опускаютъ въ могилу какого-нибудь мужика.

— Тамъ священникъ,—сказалъ Шекспиръ,—онъ скажетъ надгробное слово.

— Конечно,—замѣтилъ съ ироніей Бербэджъ,—онъ будетъ говорить о великихъ заслугахъ покойнаго, который съ такого-то и по такой-то годъ въ потѣ лица своего возилъ навозъ, пахалъ поля, ходилъ за скотомъ и заботился о своей семьѣ. Тутъ мало интереснаго.

— Поэтъ и артистъ вездѣ могутъ поучиться,—замѣтилъ Шекспиръ.—Кто знаетъ, можетъ быть, среди провожатыхъ мы встрѣтимъ интересную личность, достойную нашего вниманія?

Они подошли къ погребальной процессіи. По простому, грубо сколоченному гробу можно было заключить, что въ немъ покоится бѣдный человѣкъ. За гробомъ шла, рыдая, блѣдная женщина съ взрослыми дѣтьми.

— Кого хоронятъ,—спросилъ Шекспиръ стоявшаго у дороги каменщика, который набожно снялъ передъ гробомъ шапку.

— О, сэръ,—отвѣтилъ каменщикъ,—говорятъ, покойный пользовался большимъ уваженіемъ среди знатныхъ людей. Тамъ въ деревнѣ говорятъ, что онъ сочинялъ стихи. Впрочемъ, я вѣдь въ этомъ ничего не понимаю.

— Вотъ видишь, другъ мой,—сказалъ Шекспиръ Бербэджу,—какія иногда встрѣчаются удивительныя вещи. Поэтъ среди крестьянъ! Это очень интересно! Какъ его звали?—спросилъ онъ каменщика.

— Эдмундъ Спенсеръ,—отвѣтилъ тотъ.—Нашъ священникъ говоритъ, что онъ сочинилъ чудесное стихотвореніе въ честь нашей королевы. Но что съ вами, сударь?—прервалъ

себя каменщикъ, съ тревогой глядя на Шекспира, который сильно поблѣднѣлъ и, чтобы не упасть, ухватился за Бербэджа.

— Развѣ Спенсеръ былъ такъ бѣденъ,—спросилъ Бербэджъ, поддерживая своего друга.—Отъ какой болѣзни онъ умеръ?

— Онъ былъ очень бѣденъ, когда поселился съ своей семьей у насъ въ деревнѣ,—сказалъ каменщикъ.—Говорятъ, онъ бѣжалъ изъ Ирландіи. Священникъ уговаривалъ его обратиться за помощью къ королевѣ, отъ которой онъ раньше получалъ жалованье, но съ тѣхъ поръ какъ онъ поступилъ на службу къ намѣстнику, ему прекратили выдачу его, а покойный былъ слишкомъ гордъ, чтобы просить милостыню... Ну, люди съ достаткомъ въ нашей деревнѣ помогали его семьѣ, онъ же лично ничего не принималъ, предпочитая голодать, и теперь умеръ съ голоду. Третьяго дня мы его нашли мертвымъ тутъ въ лѣсочкѣ. Онъ былъ хорошій человѣкъ, но очень гордый.

— Какой печальный конецъ для поэта!—воскликнулъ Шекспиръ сквозь слезы.—Пойдемъ, Ричардъ, догонимъ ихъ и...

Онъ не могъ договорить отъ волненія и, бросивъ каменщику монету, поспѣшилъ за процессіей.

Когда друзья достигли кладбища, священникъ уже началъ свою рѣчь. Въ теплыхъ словахъ описалъ онъ заслуги покойнаго, и хотя лишь немногіе изъ окружавшихъ могилу имѣли понятіе о поэтическомъ дарованіи Эдмунда Спенсера, но у всѣхъ на глазахъ блестѣли слезы.

Шекспиръ и Бербэджъ также подошли къ открытой могилѣ, чтобы бросить туда три горсточки земли, а затѣмъ стали утѣшать рыдающую вдову и плачущихъ дѣтей.

— Мы постараемся избавить васъ отъ нужды. Графиня Дорсетъ—искренняя почитательница поэзіи вашего покойнаго мужа и, безъ сомнѣнія, приметъ въ васъ участіе. Я ей раз-

скажу о вашемъ бѣдственномъ положеніи,—и съ этими словами Шекспиръ сунулъ ей въ руку свой кошелекъ.

Бѣдная вдова хотѣла отказаться отъ подарка незнакомцевъ, но, когда Шекспиръ шепнулъ ей свою фамилію, она горячо поблагодарила его.

— Отъ поэта поэтъ можетъ принять помощь!—сказалъ Шекспиръ и, покинувъ кладбище, поспѣшилъ съ Бербэджемъ въ городъ.

Они разстались у Портландской площади, откуда Шекспиръ тотчасъ отправился къ графинѣ Дорсетъ. Проходя мимо Эссексъ-кэстля, поэтъ съ грустью взглянулъ на высокія окна. Но вдругъ лицо его засіяло радостью при видѣ выходившаго изъ дворца Соутгэмптона.

Съ радостнымъ крикомъ бросился поэтъ къ своему другу.

— Дорогой Вилліамъ!—воскликнулъ графъ, обнимая поэта.—Наша случайная встрѣча съ тобой въ такое тяжелое время хорошее предзнаменованіе. Мы только что прибыли изъ Ирландіи съ небольшой свитой, и я поспѣшилъ сюда, чтобы подготовить леди Эссексъ къ внезапному пріѣзду ея супруга.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ Шекспиръ.

— Онъ поспѣшилъ прямо въ Нонсэчъ, чтобы снова заручиться благосклонностью королевы.

— Дай Богъ, чтобы его приняли благосклонно!—вздохнулъ Шекспиръ.

— Неужели ты думаешь, что его могутъ принять иначе?—спросилъ Соутгэмптонъ.

— Эссексъ покинулъ армію и вмѣстѣ съ этимъ интересы отечества,—возразилъ Шекспиръ.—Недовольство королевы очень усилилось вслѣдствіе враждебныхъ наговоровъ, и я боюсь, что королева приметъ графа, какъ измѣнника.

— Избави Богъ!—воскликнулъ пораженный Соутгэмптонъ, но тотчасъ безпечно прибавилъ:—я полагаюсь на неизмѣнное счастье нашего друга; оно до сихъ поръ не покидало его.

— Дай Богъ, чтобы твои слова сбылись,—возразилъ Шекспиръ,—и чтобы тебя не постигъ гнѣвъ королевы.

— Въ чемъ же я могъ провиниться?

— Ты также покинулъ свой отрядъ,—замѣтилъ Шекспиръ.

— Нѣтъ, мой другъ,—улыбаясь возразилъ Соутгэмптонъ,—Эссексъ предусмотрѣлъ это, и, раньше чѣмъ мы поѣхали сюда, лишилъ меня командованія надъ конницей. Этимъ онъ надѣется смягчить гнѣвъ Елизаветы, которая главнымъ образомъ недовольна его непослушаніемъ. Теперь и эта причина устранена, и, вѣроятно, королева помилуетъ графа за его покорность.

Въ то время какъ друзья высказывали другъ другу свои опасенія, Эссексъ уже подъѣхалъ къ лѣтней резиденціи Нонсэчъ. Спрыгнувъ у воротъ съ коня, онъ, весь запыленный, направился прямо въ покои королевы. Его внезапное появленіе и къ тому же въ такомъ неприличномъ видѣ испугало придворныхъ.

— Гдѣ государыня?—крикнулъ Эссексъ стоявшему наверху лѣстницы Ральфу.

— Ей нездоровится, — отвѣтилъ тотъ сухо,—она не можетъ принять васъ.

Графъ саркастически засмѣялся и, взбѣжавъ по лѣстницѣ, отстранилъ камердинера, преградившаго ему путь въ покои королевы.

Онъ вошелъ безъ доклада и поспѣшно подошелъ къ пораженной отъ изумленія королевѣ. Опустившись на колѣни, онъ схватилъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ со словами:

— Не дай моимъ противникамъ торжествовать надо мной! Выслушай меня благосклонно, и ты убѣдишься въ моей невиновности. О, въ какомъ мракѣ блуждалъ бы я, еслибы мнѣ не свѣтило солнце твоего благоволенія!

Вслѣдъ за вбѣжавшимъ Эссексомъ показалась цѣлая толпа придворныхъ, поспѣшившихъ на защиту королевы;

но Елизавета знакомъ приказала имъ удалиться и осталась наединѣ съ графомъ.

Сначала она съ угрозой подняла руку, но затѣмъ приказала стоявшему на колѣняхъ графу подняться и съ улыбкой протянула ему руку.

Эссексъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Я выслушаю твои оправданія,—сказала Елизавета благосклонно,—и сравню ихъ съ обвиненіями твоихъ противниковъ. Но съ условіемъ, что ты будешь говорить правду!

— Я готовъ подвергнуться самому тяжкому наказанію, если не смогу подтвердить клятвой каждое свое слово.

И въ краткихъ, сжатыхъ выраженіяхъ графъ описалъ весь походъ, который, осложняясь съ каждымъ днемъ, довелъ его наконецъ до того затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ подъ конецъ очутился.

Елизавета молча выслушала его и, отпуская своего любимца, ласково посовѣтовала ему отдохнуть послѣ утомительнаго пути и затѣмъ снова явиться къ ней.

Выходя изъ покоевъ королевы, Эссексъ встрѣтилъ леди Ноттингэмъ, злобный взглядъ которой не предвѣщалъ ему ничего хорошаго. Послѣ оказаннаго графу благосклоннаго пріема Джемсъ Ральфъ сдѣлался привѣтливѣе и озаботился, чтобы графъ могъ привести въ порядокъ свой туалетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился, чтобы Эссексу подали обѣдъ; графъ только теперь почувствовалъ голодъ, сдерживаемый до сихъ поръ сильнымъ возбужденіемъ.

Черезъ часъ Эссекса снова потребовали къ королевѣ. Онъ былъ очень изумленъ, когда королева начала гнѣвно осыпать его упреками.

— Я вижу, что леди Ноттингэмъ была у вашего величества,—сказалъ Эссексъ упавшимъ голосомъ,—она обладаетъ роковымъ искусствомъ измѣнять настроеніе вашего величества.

— Это можно было бы сказать, если бы мнѣ было двадцать лѣтъ, — замѣтила Елизавета, нахмуривъ брови. — Должно быть, вы забыли, кто королева Елизавета? — И, подходя къ нему съ скрещенными на груди руками, она продолжала: — я царствую надъ гордой націей и наказываю и награждаю по заслугамъ; иноземные властители съ уваженіемъ произносятъ мое имя, а вы, графъ, все-таки осмѣливаетесь думать, что я подчиняюсь какой-то леди Ноттингэмъ? Я знаю, у васъ при дворѣ много враговъ. Къ ихъ словамъ я отношусь съ большою осторожностью и была бы рада, если бы могла опровергнуть ихъ обвиненія. Къ сожалѣнію, я этого не могу сдѣлать... Вашимъ самовольнымъ возвращеніемъ вы отняли у меня всякую возможность къ вашему оправданію... Вы всегда утверждаете, что вы королевскаго рода; поэтому неудивительно, что вы мечтаете о престолѣ, по примѣру Болинброка, и...

— Ваше величество! — прервалъ ее пораженный Эссексъ.

Но Елизавета строго продолжала:

— И съ этой цѣлью вы заигрываете съ папистами и приверженцами Испаніи.

— О, не обвиняйте меня такъ жестоко! — вскричалъ графъ съ мольбой. — Злобная клевета моихъ враговъ давитъ меня. Клянусь предъ Богомъ и вашимъ величествомъ, что я, какъ истинный протестантъ и истый англичанинъ, не хотѣлъ бы пережить гибели моей вѣры и моего отечества! Я никогда не желалъ быть никѣмъ инымъ, какъ только вѣрнымъ подданнымъ моей государыни, но не подчиненнымъ недостойныхъ и низкихъ ленниковъ.

Елизавета посмотрѣла на него привѣтливѣе.

— Ваше счастье, — сказала Елизавета послѣ короткаго молчанія, — что мнѣ удалось арестовать негодяя Роберта Лонгсуорда, выдавшаго ирландцамъ вашъ планъ кампаніи. Теперь вамъ будетъ легче оправдаться.

— Что вы сказали, ваше величество? — воскликнулъ въ изумленіи Эссексъ.—Робертъ Лонгсуордъ—измѣнникъ? Это не можетъ быть! Согласно уговору, самъ Тайронъ выдалъ мнѣ англійскаго измѣнника, продавшаго свое отечество!... Такъ вотъ почему Лонгсуордъ, несмотря на мое приказаніе, не вернулся!... Это меня очень удивляло, потому что нѣтъ болѣе преданнаго, честнаго человѣка! Кто же посмѣлъ взвести на него такое гнусное обвиненіе?

— Гриди донесъ Звѣздной Палатѣ объ измѣнѣ Лонгсуорда,—отвѣтила Елизавета нетвердымъ голосомъ.

Возбужденіе Эссекса возрастало, и онъ поклялся, что не успокоится, пока не отомститъ Гриди за Лонгсуорда.

— Завтра утромъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—я внесу въ Звѣздную Палату обвиненіе противъ этого негодяя и надѣюсь, что моего свидѣтельства будетъ достаточно, чтобы доказать невиновность Лонгсуорда.

— Прежде всего подумайте о себѣ, графъ,—замѣтила наставительно королева.—Оправдайтесь сначала сами, а потомъ ужъ вступайтесь за другихъ!

И она повелительно указала ему на дверь.

Послѣ этого разговора прошло всего нѣсколько часовъ. Сидя въ своемъ кабинетѣ, Эссексъ бесѣдовалъ съ женой и своимъ другомъ Соутгэмптономъ. Въ это время ему доложили, что явился офицеръ королевской лейбъ-гвардіи. Графъ привѣтливо встрѣтилъ его и принялъ отъ него запечатанный пакетъ.

Пробѣжавъ содержаніе, Эссексъ поблѣднѣлъ.

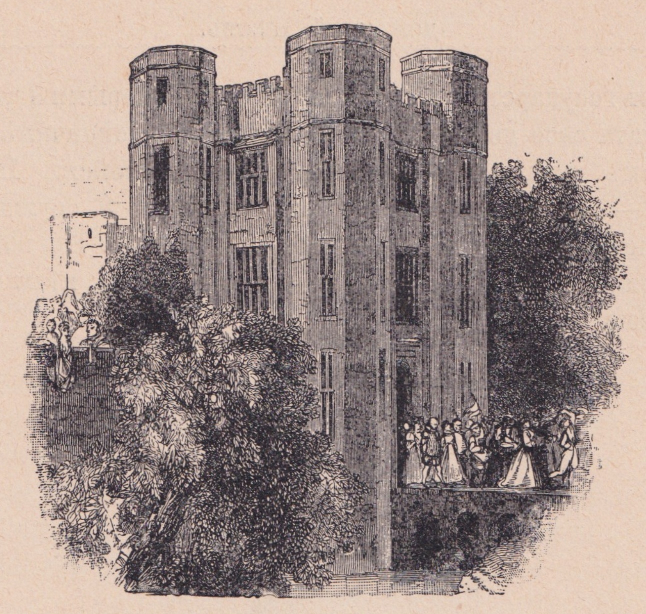
— Что съ тобой, Робертъ?—спросила леди Эссексъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, ничего,—отвѣтилъ графъ съ глубокимъ вздохомъ.—Государственный совѣтъ объявляетъ мнѣ, что съ этой минуты я нахожусь подъ арестомъ въ собственномъ домѣ, и что никто не имѣетъ права посѣщать меня, исключая

членовъ государственнаго совѣта, передъ которыми я долженъ оправдать свое поведеніе въ Ирландіи и,—докончилъ онъ съ горькимъ смѣхомъ, — свое бѣгство отъ войска. Прощай, Генри, — обратился онъ къ Соутгэмптону. — Я осужденъ на одиночество, и ты не смѣешь бывать у меня. Но вотъ кто поддержитъ меня въ несчастьѣ!—добавилъ онъ, нѣжно обнимая свою жену.

Церкви въ Ковентри и представленіе мистерій.

Входъ въ замокъ Кенильвортъ.

ГЛАВА XIV.

Вина и искупленіе.

Миновали весна и лѣто, и наступили сѣверныя бури съ перепадающими изрѣдка снѣжинками, предвѣщавшими наступленіе зимы. Въ обычно веселомъ Лондонѣ настали теперь скучные пасмурные дни. Военныя дѣйствія противъ Ирландіи прекратились, офицеры вернулись отъ своихъ отрядовъ, и разный свободный военный людъ бродилъ по окрестностямъ и улицамъ столицы. Цѣны на припасы возросли. Толпы нищихъ увеличивались и становились назойливѣе, такъ что никто не отваживался показываться въ отдаленныхъ переулкахъ предмѣстій.

Опасаясь возстанія въ столицѣ, королева объявила Лон-

донъ на военномъ положеніи. По городу ходили вооруженные патрули, арестовывали подозрительныхъ лицъ, а бунтовщиковъ, послѣ короткаго суда, вѣшали.

Хотя Эссексъ спокойно переносилъ свой продолжительный домашній арестъ и, противъ всякаго ожиданія, выказалъ необыкновенное смиреніе, королева предпочла, въ виду усилившагося въ городѣ волненія, отдать графа подъ надзоръ лорда-хранителя печати, который перевелъ его въ Іоркгаузъ и не дозволилъ никому навѣщать его или переписываться съ нимъ. Процессъ противъ Эссекса въ Звѣздной Палатѣ не былъ еще начатъ, а между тѣмъ Бэконъ уже тщательно выработалъ обвинительный актъ.

Причина этого промедленія заключалась въ колебаніи Елизаветы. Гнѣвъ ея противъ Эссекса то быстро возрасталъ, то снова утихалъ, и тогда она относилась къ нему съ величайшей снисходительностью.

Единственнымъ развлеченіемъ королевы въ это смутное время былъ театръ. Лордъ Гэнсдонъ старался всячески разнообразить репертуаръ, и среди этихъ заботъ о королевѣ не поддавался меланхоліи къ немалой радости шута Гейнса, который съ каждымъ днемъ становился веселѣе.

Къ великому сожалѣнію Гэнсдона Шекспиръ за это время не написалъ ни одной новой пьесы. Кромѣ второй части «Генриха II», въ которой онъ снова вывелъ извѣстную всѣмъ личность Джона Фальстафа, онъ ничего не создалъ. Его муза бездѣйствовала. Печальныя политическія событія, арестъ его покровителя Эссекса, скорбь его друга Соутгэмптона, все это угнетало геній Шекспира, и воображеніе поэта не могло парить на должной высотѣ. Заботясь о своемъ матеріальномъ благосостояніи, онъ часто посѣщалъ свою семью въ Стратфордѣ и увеличивалъ тамъ свое имѣніе, пріобрѣтая сосѣднія земли. Въ своемъ семейномъ кругу онъ весело шутилъ съ своей любимой дочерью Анной и съ любовью

бесѣдовалъ съ своими престарѣлыми родителями, закатъ жизни которыхъ онъ скрасилъ своими неутомимыми заботами. Здѣсь онъ былъ счастливъ и доволенъ и неохотно возвращался въ Лондонъ, и если бы не было Бербэджа, Соутгэмптона и Пемброка, онъ, можетъ быть, и совсѣмъ удалился бы отъ столичной сутолоки.

Научившись во время своихъ частыхъ пребываній въ Стратфордѣ цѣнить семейную жизнь, Шекспиръ любилъ въ Лондонѣ проводить время въ семейномъ кругу дѣдушки Тимоти. Туда снова вернулось счастье.

Эссексъ и Соутгэмптонъ постарались доказать невинность Роберта, при чемъ главнымъ доказательствомъ послужило то, что Тайронъ выдалъ Эссексу настоящаго измѣнника. Доносъ Гриди былъ признанъ неосновательнымъ къ его великому неудовольствію, и счастливый Робертъ вернулся къ своей женѣ. Дѣдушка Тимоти съ радостнымъ умиленіемъ смотрѣлъ теперь на счастье своихъ дѣтей. Дикъ остался вѣрнымъ другомъ дома, и Люси любила его, какъ брата: она была много обязана ему за его теплое участіе, которое онъ оказывалъ ей въ горькія минуты ея жизни, а Робертъ всегда отзывался о немъ, какъ о преданномъ другѣ.

Однажды вечеромъ эти счастливые люди снова были всѣ вмѣстѣ, и Дикъ весело разсказывалъ о разныхъ забавныхъ выходкахъ и шуткахъ актеровъ. Огонь въ каминѣ весело пылалъ, и зажженныя восковыя свѣчи распространяли пріятный свѣтъ.

Вдругъ раздался стукъ въ наружную дверь.

— Кто это можетъ быть?—спросила Люси, крѣпче прижимаясь къ своему мужу.

Ея испуганный взглядъ показывалъ, что воспоминаніе о томъ вечерѣ, когда арестовали Роберта, не изгладилось изъ ея памяти.

Служанка отворила дверь, и въ комнату вошелъ шутъ Гейнсъ.

— Простите, что я потревожилъ васъ,—началъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ.—Я могъ бы еще на улицѣ позвонить,

Церковь въ Стратфордѣ.

но на моемъ колпакѣ осталось всего два бубенчика; остальные всѣ осыпались, а такъ какъ мой господинъ внесъ ихъ

въ списокъ погибшихъ, я, какъ добрый дуракъ, похоронилъ ихъ съ почетомъ.

Эту рѣчь онъ произнесъ съ опущенными глазами, и присутствовавшіе замѣтили, что онъ старался скрыть свое волненіе, вызвавшее у него слезы. Должно быть, этому послѣднему шуту стараго времени было тяжело разстаться съ пестрымъ нарядомъ, который онъ носилъ такъ долго и благодаря которому онъ могъ говорить всѣмъ правду въ глаза.

Старикъ Тимоти поднялся и, дружески хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Человѣкъ долженъ пріучаться переносить все съ терпѣніемъ, и тогда онъ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ.

— Такъ увѣнчайте меня лаврами!—воскликнулъ Гейнсъ траги-комично,—я лишился моихъ бубенчиковъ, моего кнута и моего остроумія!

— Что-жъ вы не присядете?—спросилъ Тимоти.

— Нѣтъ, старинушка, сначала я исполню порученіе моего господина,—отвѣчалъ Гейнсъ.—Сидѣть мнѣ не полагается, потому что пославшій меня высоко поставленъ надъ простыми смертными, а потому и слуга долженъ стоять. Вы вѣрно думаете, что нѣчто необычайное привело меня къ вамъ? Ошибаетесь. Вспомните старую поговорку: «Много шуму изъ ничего». Вотъ эта пьеса какъ разъ должна завтра вечеромъ быть представлена въ Уайтголлѣ. Мнѣ приказано еще сегодня вечеромъ объявить вамъ это, чтобы вы завтра пораньше привели въ порядокъ сцену въ залѣ пѣвческой капеллы.

— Будетъ исполнено, — отвѣтилъ Тимоти, — но теперь, займите же мѣстечко.

Шутъ Гейнсъ лукаво взглянулъ на говорившаго, поспѣшно принесъ изъ кучи дровъ, лежащей у камина, полѣно и усѣлся на немъ.

— Что это значитъ?—смѣясь спросилъ Дикъ.

— Мой прекрасный молодой другъ,—отвѣчалъ Гейнсъ—

сѣдовласый Тимоти просилъ меня занять мѣстечко, ну, вотъ шутъ и исполнилъ желаніе старика. Видишь, какое маленькое мѣстечко я теперь занимаю.

Люси сердечно засмѣялась. Испуганная позднимъ посѣщеніемъ, она бросилась къ окну, чтобы посмотрѣть на улицу, и Гейнсъ до сихъ поръ ее не замѣтилъ. Теперь же онъ подошелъ къ ней съ вопросомъ:

— Чей серебристый смѣхъ я слышу? Онъ звенитъ такъ нѣжно, какъ нѣкогда звенѣли мои бубенчики!..

— Благодарю васъ за комплиментъ!—засмѣялась Люси, подходя къ сидѣвшему у стола мужу.

Шутъ вытаращилъ глаза; его всегда улыбавшійся ротъ судорожно скривился, и лицо приняло необычайно серьезное выраженіе.

— Что съ вами?—вскричали всѣ, и Тимоти началъ трясти за руку остолбенѣвшаго шута.

— Что?!—вскричалъ Гейнсъ, не отводя глазъ отъ смутившейся Люси.—Кажется, я теперь только дѣлаюсь дуракомъ! Скажите, Тимоти, сошелъ ли я съ ума, или меня обманываютъ глаза мои?

— Но что съ вами? Объяснитесь?—покачивая головой, спросилъ старикъ.

— Объясниться!—повторилъ Гейнсъ.—Куда вамъ, жалкимъ смертнымъ понять дурака? Но... портретъ!.. портретъ!..

Съ этими словами чудакъ бросился къ двери и убѣжалъ такъ быстро, что никто не успѣлъ его остановить. Всѣ съ изумленіемъ переглянулись, покачивая головой.

— Мнѣ кажется, онъ совсѣмъ помѣшался!—сказалъ Дикъ, хорошо знавшій Гейнса, съ которымъ познакомился во время представленій, иногда дававшихся во дворцѣ Гэнсдона.

— Кто этотъ смѣшной чудакъ?—спросила Люси, вздохнувъ съ облегченіемъ.

Тимоти хотѣлъ отвѣтить, но въ эту минуту послышался странный отдаленный шумъ.

Всѣ насторожились. Казалось, что въ отдаленной части города вдругъ поднялся бѣшеный ураганъ, дикій ревъ котораго разносился далеко вокругъ.

Улицы быстро оживились. Сосѣдъ спрашивалъ сосѣда о причинѣ страннаго шума, но никто не могъ дать отвѣта. Тимоти и Дикъ также поспѣшили на улицу, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло, и успокоить оставшихся дома. Но такъ какъ никто не могъ дать имъ никакихъ свѣдѣній, они бросились въ ближайшую улицу и, примкнувъ къ любопытной толпѣ, направились къ мосту. Тамъ навстрѣчу имъ неслись крики: «Ура Эссексъ! Да здравствуетъ Эссексъ!»

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло,—сказалъ Дикъ.— Королева помиловала графа и вернула ему свободу. Народъ радуется этой вѣсти и...

— Ошибаетесь, молодой человѣкъ, — возразилъ проходившій мимо мастеровой изъ Вестминстера.—Это не крики радости, а возстаніе. Графъ Эссексъ вырвался изъ своего заключенія и соединился съ своими друзьями, чтобы осадить дворецъ королевы.

Эта неожиданная вѣсть какъ громомъ поразила Тимоти и Дика. Они поспѣшно вернулись домой, чтобы сообщить Роберту и Люси о случившемся.

Какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ случаяхъ, здѣсь также смѣшивали правду съ вымысломъ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что Эссексъ, разсчитывая на любовь народа, а также на переходъ на его сторону городской милиціи, намѣревался поднять возстаніе въ Лондонѣ. Но въ это время онъ уже не находился въ заключеніи у лорда-хранителя государственной печати, а въ теченіе нѣсколькихъ дней уже жилъ снова подъ арестомъ въ своемъ дворцѣ. Звѣздная Палата отрѣшила его отъ всѣхъ высокихъ дожностей: члена

тайнаго совѣта, эрла, маршала-начальника артиллеріи, и теперь отъ королевы зависѣла продолжительность его заключенія въ Эссексъ-кэстлѣ. Все это было слишкомъ тяжелымъ наказаніемъ для графа, котораго, за недостаткомъ доказательствъ, не могли ни въ чемъ обвинить, кромѣ въ самовольномъ возвращеніи въ Лондонъ.

Казалось, что графъ Эссексъ покорился своей участи и спокойно жилъ въ своемъ дворцѣ. Онъ все еще надѣялся, что королева вернетъ ему свою благосклонность. Но въ это время, противъ всякихъ ожиданій, отъ него отняли его патентъ на торговлю краснымъ виномъ, составлявшій главный источникъ его доходовъ. Тогда онъ рѣшилъ не допустить своихъ враговъ восторжествовать надъ нимъ теперь, какъ бѣднымъ рыцаремъ, лишеннымъ всякой власти и вліянія при дворѣ. Ему казалось, что, если ему удастся увидѣть королеву и объясниться съ ней, она защититъ его отъ злобы его враговъ. Но добиться свиданія съ нею Эссексъ могъ только силою. И онъ рѣшился прибѣгнуть къ этому отчаянному средству, разсчитывая на любовь къ нему народа, на своихъ друзей и товарищей по оружію и на свое неизмѣнное счастье, не покидавшее его съ самой юности.

Въ сегодняшній роковой вечеръ въ его дворцѣ, кромѣ его друзей, собралось множество вооруженнаго люда. Всадники Вальтера Ралея, постоянно наблюдавшіе за Эссексъ-кэстлемъ, замѣтили это подозрительное сборище и немедленно донесли своему начальнику. Ралей, въ свою очередь, сообщилъ королевѣ, которая послала лорда-хранителя государственной печати и его свиту для развѣдокъ объ этомъ движеніи. Они не вернулись въ Уайтголль, такъ какъ Эссексъ ихъ задержалъ. Онъ рѣшилъ взять приступомъ дворецъ королевы. Со своей вооруженной толпой двинулся Эссексъ по главнымъ улицамъ Лондона, призывая народъ къ возстанію. Это ему удалось, и скоро число его приверженцевъ настолько возросло, что онъ

отважился двинуться противъ Уайтголля. Воодушевленные крики слѣдовавшей за нимъ толпы, равно какъ и отчаянные вопли ужаса, вызваннаго повсюду возстаніемъ — все вмѣстѣ слилось въ тотъ глухой шумъ, который донесся до жилища стараго Тимоти и его близкихъ.

Въ Уайтголлѣ царило полное смятеніе. Всѣ суетились и бѣгали въ страхѣ; даже министры были озабочены, получая отъ гонцовъ неблагопріятныя вѣсти. Королева была очень блѣдна, но лицо ея выражало спокойствіе. Ея маленькіе глаза сверкали зловѣщимъ огнемъ, и руки были судорожно сжаты.

Оба министра, Сесиль и Ноттингэмъ, просили королеву, пока путь еще свободенъ отъ мятежниковъ, отправиться въ Тоуэръ, крѣпкія стѣны котораго могли служить ей надежной защитой.

Елизавета величественно поднялась. Упираясь лѣвой рукой о столъ, а правой подбоченившись, она презрительно сказала:

— Неужели вы думаете, что я боюсь Эссекса и его шайки? Онъ снова провинился какъ непослушный ребенокъ и заслужилъ быть наказаннымъ матерью. Я буду его ждать здѣсь.

— Ваше величество относитесь къ этому дѣлу слишкомъ легко,—замѣтилъ лордъ Ноттингэмъ.—Эссексъ теперь вовсе не добивается милости и прощенья своей государыни, нѣтъ, этого ему мало,—онъ самъ хочетъ быть королемъ.

Елизавета вскрикнула и схватилась за сердце, какъ бы получивъ смертельный ударъ. Увидѣвъ, что она задыхается, придворныя дамы въ испугѣ поспѣшили къ ней.

Королева остановила ихъ словами:

— Припадокъ прошелъ. Я выдержала короткую борьбу— вотъ и все. Теперь, милорды,—обратилась она къ собравшимся придворнымъ,—я снова ваша королева и буду ею до своей смерти.

«Да здравствуетъ король Эссексъ! Ура!» — раздались крики на улицѣ Св. Марты, и въ ту же минуту Вальтеръ Ралей съ возбужденнымъ лицомъ ворвался въ зало:

— Мы гибнемъ, ваше величество!—крикнулъ онъ задыхаясь.—Толпы мятежниковъ слишкомъ велики; мои всадники и немногія войска, оставшіяся въ нашемъ распоряженіи, не могутъ долго сопротивляться.

— Свободенъ ли берегъ Темзы?—спросилъ Сесиль.

— Пока еще свободенъ,—отвѣчалъ Ралей,—но черезъ минуту можетъ быть уже занятъ.

— Убѣдительно прошу ваше величество,—обратился Сесиль къ королевѣ,—исполните нашу просьбу, спасайтесь на тотъ берегъ. Въ эту минуту только Тоуэръ можетъ служить вамъ надежнымъ убѣжищемъ.

— Нѣтъ, дорогой лордъ,—возразила Елизавета съ чувствомъ собственнаго достоинства,—тамъ мѣсто для Эссекса и его сообщниковъ.

— Значитъ, ваше величество хотите допустить, чтобы онъ взялъ васъ въ плѣнъ?—вскричалъ Ноттингэмъ.—Вѣдь онъ этого добивается.

Королева съ презрѣніемъ осмотрѣлась.

— Кто хочетъ быть секретаремъ королевы? — спросила она.

Придворные съ изумленіемъ посмотрѣли на нее и выступили впередъ, приказавъ принести все необходимое для письма.

Все ближе и ближе раздавались грозные крики возставшаго народа. Придворные кавалеры и дамы испуганно переглядывались, и только одна Елизавета оставалась спокойна. Скрестивъ по привычкѣ руки на груди, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и диктовать секретарямъ:

— «Населенію Лондона! Привѣтствуйте графа Эссекса, ворвитесь во дворецъ королевы и предайте ее смерти! На

это вы можете смѣло рѣшиться, потому что ея немногія войска не въ силахъ сопротивляться вамъ...

— Государыня!—вскричали Ралей и министры.

Но королева продолжала диктовать:

«Тогда возникнетъ новое правительство, настанутъ снова времена католической Маріи, потому что графъ Эссексъ, котораго вы избрали королемъ, заключилъ съ Тайрономъ и папистами прочный союзъ. Силы Испаніи снова окрѣпнутъ, и она пошлетъ свой флотъ въ католическую Англію».

Пораженные присутствіемъ духа королевы лорды преклонили передъ нею колѣна.

— Это воззваніе, — продолжала Елизавета, — прикажите немедленно прибить въ ближайшихъ къ Уайтголлю кварталахъ. Я останусь здѣсь и буду ждать развязки.

— Развязка будетъ превосходная! — радостно вскричалъ Ралей, и, схвативъ листки, онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Тѣмъ временемъ мятежники достигли Уайтголля. Эссексъ гордо ѣхалъ на конѣ, отдавая приказанія начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ и сообщая имъ планъ приступа на Уайтголль.

Улицы, ведущія ко дворцу, были запружены любопытными зрителями и сторонниками Эссекса; послѣдніе готовы были тотчасъ примкнуть къ Эссексу, какъ только его войска добьются какого-нибудь успѣха.

Въ этой толпѣ находились также Робертъ Лонгсуордъ и Гриди, но они не видѣли другъ друга. Оба были противъ воли увлечены толпой, стремившейся потокомъ по узкимъ улицамъ.

Раздался сигналъ къ аттакѣ. Съ дикимъ крикомъ бросились отряды Эссекса на всадниковъ Ралея и королевскую гвардію, отступавшихъ подъ напоромъ мятежныхъ отрядовъ и слѣдовавшей за ними толпы.

— Да здравствуетъ Эссексъ! Ура!—раздавались со всѣхъ сторонъ крики.

Въ то же время стали раздаваться и отдѣльные возгласы:

— Да здравствуютъ паписты! Эссексъ вернетъ намъ блестящіе дни Маріи-католички!

Толпа смутилась. Теперь замѣтили воззванія, расклеенныя на углахъ улицъ. Замѣшательство охватило всѣхъ и передалось даже отрядамъ Эссекса.

Онъ не догадывался, къ какой хитрости прибѣгла королева, и не замѣчалъ страннаго смущенія, охватившаго народъ и его отряды. Въ это время на зубцахъ Уайтголля показался королевскій герольдъ и объявилъ Эссекса мятежникомъ и противникомъ реформаціи.

Едва прозвучали его слова, какъ всадники Ралея и королевская гвардія сдѣлали новый натискъ. На этотъ разъ имъ удалось отбросить ряды противниковъ, среди которыхъ все болѣе распространялось недоумѣніе.

Эта побѣда королевскаго войска была для Эссекса роковой. Его отряды разбѣжались, и только небольшая горсть бойцовъ осталась ему вѣрной. Въ то же время изъ густой толпы народа стали раздаваться крики: «Долой папистовъ!», а вслѣдъ затѣмъ со всѣхъ сторонъ послышались возгласы негодованія противъ Эссекса. Убѣдившись, что онъ покинутъ всѣми, и что только немногіе друзья остались ему вѣрными, онъ рѣшилъ бѣжать. Поворачивая своего коня, онъ замѣтилъ Роберта Лонгсуорда и крикнулъ ему въ отчаяніи:

— Все погибло, мой другъ! Спасайтесь!

И съ этими словами онъ поскакалъ во весь опоръ.

— Вы тоже мятежникъ? — раздался позади Роберта голосъ Гриди, приближавшагося къ нему съ обнаженной шпагой.—Я сейчасъ отправлю васъ въ преисподнюю, чтобы больше не видѣть вашего противнаго лица.

— Подходи, негодяй! — вскричалъ Робертъ внѣ себя отъ гнѣва при видѣ своего злѣйшаго врага.

— Эй, ребята!—раздался крикъ нѣсколькихъ матросовъ,— вѣдь это тотъ молодой дворянинъ, которому мы однажды помогли!

— А это Гриди!—вскричали другіе, — шпіонъ Звѣздной Палаты, ростовщикъ! Онъ погубилъ не мало народу!

— Бей его!—яростно заревѣла толпа.

Тѣмъ временемъ Гриди уже успѣлъ ранить Лонгсуорда въ плечо, и, хотя потеря крови была незначительна, онъ почувствовалъ, что силы его падаютъ. Въ это время матросы яростно набросились на Гриди, и къ нимъ присоединилась толпа народа. Робертъ содрогнулся при видѣ ужасной участи, постигшей его врага. Озвѣрѣвшая толпа народа повалила его и закидала камнями, а затѣмъ съ торжествующими криками, толкая его трупъ ногами, сбросила его въ Темзу.

Настала страшная ночь.

Повсюду свѣтъ факеловъ освѣщалъ улицы и площади, по которымъ бродили разнузданныя толпы бродягъ и солдатъ. Начались грабежи и поджоги, и городъ запылалъ зловѣщимъ заревомъ.

Эссексъ укрылся въ своемъ дворцѣ. Войска королевы, слѣдовавшія за нимъ, сломали ворота, и Вальтеръ Ралей первымъ проникъ въ комнату графа. Эссексъ вынужденъ былъ покориться. Соутгэмптонъ, все время не покидавшій своего друга, вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ въ Тоуэръ. Хотя онъ не участвовалъ въ возстаніи, но помогалъ графу въ защитѣ его замка.

Къ утру возстаніе было совершенно подавлено, и мирные граждане Лондона не мало удивились, когда узнали, что оба графа арестованы.

Лордъ Гэнсдонъ былъ слишкомъ возбужденъ событіями послѣдней ночи, чтобы разслѣдовать донесеніе своего шута. Лордъ отправился во дворецъ, чтобы выхлопотать помилованіе Эссексу, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ. Ели-

завета отвѣтила ему, что она охотно спасла бы Эссекса, но обязана исполнять законы страны.

— Черезъ нѣсколько дней Звѣздная Палата произнесетъ приговоръ,—заключила она.—По справедливости, судъ долженъ будетъ руководствоваться въ этомъ процессѣ тѣми же основаніями, на которыя онъ опирался при судопроизводствѣ Маріи Стюартъ. Каждая попытка къ возмущенію должна разсматриваться, какъ покушеніе на жизнь правителя, и потому я вынуждена исполнить тяжелый долгъ—допустить казнь человѣка, къ которому питала глубокую привязанность...

При послѣднихъ словахъ голосъ королевы задрожалъ, и она крѣпко сжала губы. Лордъ Гэнсдонъ почтительно поцѣловалъ руку королевы и въ глубокомъ раздумьѣ вернулся въ свой дворецъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ шута, который ему сообщилъ, что Тимоти ждетъ лорда наверху уже цѣлый часъ.

— Несправедливо, что знатные господа заставляютъ бѣдняковъ такъ долго дожидаться. У нихъ, зачастую, бываетъ больше дѣла!

— Кажется, ты сегодня опять дуришь?—замѣтилъ недовольнымъ голосомъ Гэнсдонъ.

— Нѣтъ, милордъ, — возразилъ шутъ.—Но время идетъ, а Тимоти долженъ устраивать сцену въ Уайтголлѣ.

— Спектакль не состоится,—мрачно возразилъ Гэнсдонъ.

— Я такъ и думалъ, когда увидѣлъ ночью, какъ по улицамъ бродятъ дикія толпы. Онѣ раньше времени сыграли «Много шуму изъ ничего».

— Молчи,—приказалъ лордъ и, поднявшись по лѣстницѣ, направился въ свою комнату.

У дверей стоялъ Тимоти; онъ боязливо взглянулъ на Гэнсдона и тихо сказалъ:

— Милордъ приказали мнѣ явиться?

— Войдите,—ласково сказалъ Гэнсдонъ, входя въ комнату.

Онъ снялъ шляпу съ перомъ и перчатки съ отворотами, сбросилъ плащъ и предложилъ Тимоти стулъ противъ него у стола.

— У васъ есть внучка?—спросилъ онъ помолчавъ.

Тимоти отвѣтилъ утвердительно.

— Сирота?

— Да,— отвѣтилъ протяжно Тимоти.—Отецъ ея умеръ вскорѣ послѣ матери.

— А вы отецъ матери или отца этой дѣвушки?—продолжалъ спрашивать лордъ, и, глядя на Тимоти, онъ съ напряженнымъ безпокойствомъ ждалъ отвѣта.

Тимоти въ замѣшательствѣ кашлянулъ и наконецъ отвѣтилъ:

— Мать дѣвушки была моей дочерью.

Выраженіе безпокойнаго ожиданія на лицѣ лорда смѣнилось горькимъ разочарованіемъ. Какъ бы собираясь отдать приказаніе, лордъ поднялся и направился къ выходу, но, очевидно, раздумавъ, вернулся и задумчиво подошелъ къ окну. Побарабанивъ по стеклу, онъ обернулся и съ грустью произнесъ:

— Да, тяжело терять дѣтей. Я понимаю ваше горе и глубоко жалѣю васъ. У меня судьба тоже отняла сына, на котораго я возлагалъ всѣ свои надежды. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я похоронилъ жену, и теперь ужъ больше некому скрасить мою старость.

Онъ медленно подошелъ къ столу и, положивъ руку на плечо Тимоти, продолжалъ:

— Правда, вы тоже потеряли жену, но у васъ есть внучка и хорошій зять, а я... я одинокъ... одинокъ!..

Тимоти былъ сильно тронутъ глубокимъ горемъ, звучавшимъ въ этихъ словахъ лорда.

— Люди считаютъ меня гордымъ,—началъ Гэнсдонъ послѣ краткаго молчанія,—и они были правы; но съ тѣхъ поръ, какъ родъ мой пресѣкся, я ужъ не тотъ. Въ сердцѣ моемъ царитъ только горе и тоска. Можетъ быть, солнце радости и засвѣтило бы мнѣ еще,—прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—если бы... но къ чему эта скорбь души... прошлаго не вернешь...

Съ поникшей головой подошелъ онъ къ двери въ сосѣднюю комнату и откинулъ занавѣсъ. Тамъ царилъ полусвѣтъ отъ висячей лампы.

— Подите сюда, Тимоти,—сказалъ онъ ласково, указывая на закрытыя крепомъ картины,—посмотрите,—продолжалъ онъ, снимая крепъ съ одной картины,—это мой сынъ Эдгаръ.—Онъ замолчалъ, чтобы подавить охватившій его порывъ горя, но, совладавъ съ собой, онъ снялъ крепъ съ другого портрета, прибавивъ:—это жена моего сына.

Съ губъ Тимоти сорвался крикъ изумленія, глаза его наполнились слезами, и, сложивъ руки, онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на портретъ.

На лицѣ лорда снова явилось выраженіе страннаго безпокойства.

— Не правда ли,—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вы тронуты тѣмъ, что эта леди похожа на вашу внучку? Мой шутъ былъ до того пораженъ этой странной игрой природы, что вчера убѣжалъ, не простившись съ вами. Ему казалось,—грустно прибавилъ Гэнсдонъ,—что онъ открылъ тайну, которая уже давно сдѣлалась для меня неразрѣшимой; но онъ не сообразилъ, что природа въ своемъ творчествѣ часто повторяется.

— Эта леди умерла здѣсь въ замкѣ?—съ усиліемъ спросилъ Тимоти.

— Нѣтъ. Если бы это такъ случилось, у меня, можетъ быть, также, какъ у васъ, осталась внучка... Отчего вы такъ взволнованы, дорогой мой?

Тимоти дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ отвести глазъ отъ женскаго портрета.

— Я долженъ, милордъ,—началъ онъ, тяжело переводя духъ,—открыть вамъ тайну; она давно тяготитъ мою душу. Моя Люси... моя дорогая прекрасная Люси... не моя внучка.

Лордъ Гэнсдонъ поблѣднѣлъ. Его руки безсильно повисли, и, прислонившись къ стѣнѣ, онъ откинулъ голову. Казалось, онъ предчувствовалъ, что̀ скажетъ ему старикъ, но не смѣлъ прерывать его изъ опасенія, что все окажется сномъ.

— Господь не далъ мнѣ дѣтей, — продолжалъ Тимоти, успокоиваясь.—Но, когда я съ труппой актеровъ путешествовалъ по Франціи, мнѣ и женѣ моей выпало счастье, о которомъ мы давно мечтали. Однажды, когда мы давали представленіе въ гостиницѣ городка Дулленъ, жена сообщила мнѣ, что какая-то знатная молодая дама съ маленькимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ остановилась въ нашей гостиницѣ. Намъ показалось страннымъ, что иностранка была одна, безъ провожатыхъ, въ которыхъ она несомнѣнно нуждалась, потому что была очень больна и едва могла ухаживать за своей маленькой дѣвочкой. Моя добрая жена тотчасъ предложила ей свои услуги. Сначала молодая дама отказывалась отъ нихъ, но уже черезъ нѣсколько часовъ послала за женой. Оказалось, что болѣзнь обострилась. Ночью она начала бредить и больше не приходила въ себя. Моя старуха до послѣдней минуты заботливо ухаживала за ней, а когда незнакомка умерла, мы издержали найденныя у ней небольшія деньги на приличныя похороны. Ребенка мы взяли къ себѣ и любили, какъ родную дочь. Несмотря на всѣ усилія, мы не могли найти родственниковъ маленькой дѣвочки и ея матери. Въ небольшомъ багажѣ умершей незнакомки не нашлось ничего, кромѣ украшеннаго жемчугомъ ожерелья, которое, съ разрѣшенія суда, я оставилъ у себя, чтобы

позднѣе передать его ребенку. До сегодняшняго дня моя Люси носитъ эту память своей покойной матери.

Лордъ Гэнсдонъ подошелъ къ разсказчику и, указывая на женскій портретъ, спросилъ:

— Похожъ ли этотъ портретъ на вашу Люси?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Тимоти, уже совсѣмъ овладѣвъ собою,—но это та молодая дама, которую мы похоронили въ Дулленѣ, и дочь которой мы взяли къ себѣ.

Потрясенный до глубины души, лордъ рыдая упалъ на колѣни передъ портретами и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Дни и ночи лежалъ я здѣсь, простершись передъ вами, съ мольбою простить мнѣ мой тяжкій грѣхъ и заступиться за меня передъ Всевышнимъ. Тяжелымъ камнемъ давила мою душу моя вина, дорогая Клементина! Я отвергъ тебя, считая недостойной породниться съ родомъ Гэнсдоновъ, и зашелъ такъ далеко въ своей безмѣрной гордости, что разлучилъ тебя съ твоимъ супругомъ и бросилъ тебя съ невиннымъ младенцемъ на произволъ судьбы. Когда же я узналъ, что тебя не стало, я хотѣлъ великодушно простить моего сына, но онъ вскорѣ послѣдовалъ за тобою. О, мои дѣти, я безконечно виноватъ передъ вами, но раскаяніе явилось слишкомъ поздно! Въ душѣ моей поднялась глубокая скорбь, и, чтобы искупить свою вину передъ вами, я хотѣлъ замѣнить вашей дочери отца и мать. Но было поздно: всѣ мои розыски оказались напрасными. Невыносимая скорбь терзала мнѣ душу, и только здѣсь, передъ вашими портретами, находилъ я минутное успокоеніе. Но наконецъ Господь внялъ моимъ мольбамъ, моимъ молитвамъ и помогъ мнѣ найти мою дорогую внучку. Теперь я чувствую, что хоть отчасти искупилъ свою вину, и что вы будете моими заступниками передъ Царемъ Царей!

Лордъ былъ глубоко взволнованъ и, вздохнувъ съ облегченіемъ, съ жаромъ пожалъ руку Тимоти.

— Я безконечно обязанъ вамъ, добрый старикъ,—сказалъ онъ,—вы сняли съ моей души тяжелое бремя, сжалившись надъ бѣдной, маленькой Люси.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Лордъ Гэнсдонъ поспѣшно направился туда. У дверей стояла Люси во всей своей сіяющей красотѣ, а рядомъ съ нею шутъ. Лордъ подозвалъ его къ себѣ и тихо спросилъ, сообщилъ ли онъ ей все.

— Она все знаетъ,—прошепталъ шутъ, быстро исчезая изъ комнаты. Лордъ Гэнсдонъ былъ теперь чрезвычайно радъ, что не отмѣнилъ своего приказанія, когда старикъ Тимоти ввелъ сначала его въ заблужденіе своимъ отвѣтомъ.

Молодая женщина бросилась къ Тимоти, нѣжно обнявъ его со словами:

— Я никакъ не могу понять того, что̀ мнѣ сказали. Но съ тобою я ни за что не разстанусь! Ты долженъ остаться со мной.

— Иначе и быть не можетъ,—ласково произнесъ лордъ, съ грустью глядя на Люси, у которой нашлось столько нѣжныхъ словъ для Тимоти и ни одного—для него.

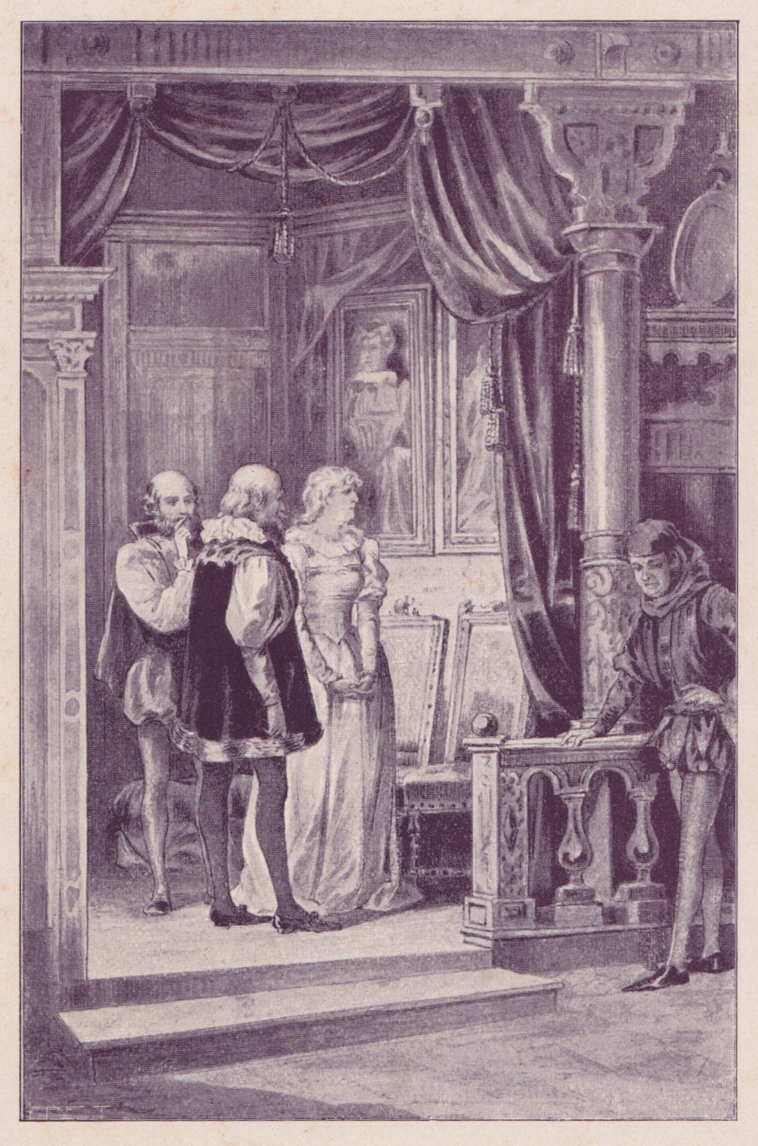
Но развѣ онъ могъ ожидать чего-либо другого. Развѣ онъ не былъ ей чужимъ?

Побѣдивъ это чувство, онъ схватилъ ея руку и нѣжно притянулъ ее къ себѣ со словами:

— Ты теперь мой свѣтъ, мое счастье! Я люблю тебя всѣмъ сердцемъ, моя дорогая внучка, и здѣсь,—продолжалъ онъ, вводя ее въ сосѣднюю комнату,—передъ портретами твоихъ покойныхъ родителей я молю тебя: не отталкивай меня отъ себя, оставь и своему сѣдому дѣдушкѣ мѣстечко въ своемъ сердцѣ. Я заслужу твою любовь!

— Мама!.. папа!..—прошептала Люси, глядя на портреты полными слезъ глазами, и, сложивъ руки, она горячо помолилась, а потомъ нѣжно обняла лорда и Тимоти со словами:

— Вотъ теперь возьмите вашу Люси, но сердце ея вы должны раздѣлить съ ея Робертомъ.

Люси передъ портретами родителей.

Никогда еще не свѣтило такъ ярко солнце радости въ роскошномъ дворцѣ лорда Гэнсдона, какъ въ этотъ часъ. Оно разогнало царившій тамъ долгій сумракъ, и мрачный взглядъ сѣдого лорда прояснился и повеселѣлъ. Душа его вздохнула свободно, и миръ воцарился въ его усталомъ сердцѣ.

Робертъ Лонгсуордъ, проводившій въ замокъ лорда свою молодую жену, также участвовалъ въ общей радости и сердечно обнялъ лорда Гэнсдона, который называлъ его своимъ дорогимъ внукомъ.

— Но гдѣ Гейнсъ?—спросилъ лордъ, когда всѣ сѣли за веселый пиръ.

— Онъ зарываетъ что-то въ саду,—отвѣтилъ съ улыбкой одинъ изъ прислуживавшихъ слугъ.

Гэнсдонъ поднялся, покачивая головой, и подошелъ къ окну, откуда виденъ былъ весь паркъ. Увидѣвъ, что шутъ возится съ лопатой подъ деревьями, лордъ приказалъ позвать его и не мало удивился происшедшей съ нимъ перемѣнѣ. Оказалось, что Гейнсъ замѣнилъ свой шутовской, полинялый нарядъ штатскимъ платьемъ и на вопросъ лорда, что̀ это значитъ, отвѣчалъ:

— Вчера вечеромъ я потерялъ послѣдній бубенчикъ съ моего колпака, а вмѣстѣ съ нимъ пропали и всѣ мои шутки и остроты. И вотъ я похоронилъ теперь въ саду свой дурацкій нарядъ и свои остроты, которыя очень нуждались въ покоѣ. Въ этомъ домѣ шутъ уже лишній; здѣсь царитъ теперь миръ и любовь.

— А откуда у тебя это платье?—спросилъ лордъ.

— Его я пріобрѣлъ на свои сбереженные пенсы,—лукаво отвѣтилъ Гейнсъ.—А вотъ и неоплаченный счетъ!

И съ глубокимъ поклономъ онъ подалъ своему господину счетъ. Всѣ весело разсмѣялись этой шуткѣ, а вмѣстѣ съ ними и самъ шутъ.

Нью-Плэсъ.

XV

Заключеніе.

Старая Англія доживала послѣдніе дни. Звѣздная Палата и пуритане пріобрѣтали все бо̀льшую силу. Въ довершеніе всего въ Лондонѣ свирѣпствовала чума, и всѣ, у кого были средства, бѣжали изъ столицы. Театры закрылись и призракъ ужасной болѣзни носился по всему городу. Генслоу со своей труппой давалъ представленія въ университетскихъ городахъ Кэмбриджѣ и Оксфордѣ, но Шек-

спиръ не принималъ въ нихъ участія. Его уныніе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Бэконъ Веруламскій назначенъ государственнымъ прокуроромъ и будетъ вести свой первый процессъ противъ человѣка, который всегда относился къ нему съ дружескимъ участіемъ.

Шекспиръ отправился въ Стратфордъ, чтобы въ своей семьѣ найти утѣшеніе. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ тамъ вѣстей изъ Лондона. Скоро пришло печальное извѣстіе, что графъ Эссексъ присужденъ къ смерти Звѣздной Палатой. Но Елизавета медлила утвердить приговоръ; очевидно, она ждала, что графъ будетъ просить о помилованіи. Но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, королева вынуждена была предоставить свершиться приговору Звѣздной Палаты. Съ безграничной тоской узналъ Шекспиръ о казни своего покровителя, который гордо и мужественно пошелъ навстрѣчу смерти.

О судьбѣ Соутгэмптона ничего не было извѣстно. Онъ все еще находился въ заключеніи въ Тоуэрѣ. Вслѣдствіе этого душою Шекспира овладѣла глубокая меланхолія, достигшая наивысшаго предѣла при внезапной смерти въ это же время его престарѣлаго отца.

Какъ велика была скорбь Шекспира, можно судить по могучимъ трагедіямъ, созданнымъ имъ въ послѣдующіе годы. Казалось, онъ упивался своей безграничной тоской, вызванной въ его душѣ смертью отца и графа Эссекса, пока не излилъ ее наконецъ въ новомъ великомъ произведеніи, пріобрѣвшемъ всемірную извѣстность.

«Гамлетъ, Принцъ Датскій»—такъ называлась трагедія, созданная Шекспиромъ въ этотъ тяжелый періодъ. Въ трехъ образахъ, Гамлета, Офеліи и Лаэрта, излилъ онъ свою скорбь о смерти отца, и, когда эта трагедія была поставлена на сценѣ осенью того же года, самъ Шекспиръ исполнялъ роль тѣни отца Гамлета съ такой потрясающей силой, что и какъ исполнитель былъ увѣнчанъ лаврами.

Въ прежніе годы онъ радовался своимъ успѣхамъ; теперь же, когда сердце его обливалось кровью въ его произведеніяхъ, онъ относился равнодушно ко всему. Онъ всегда былъ мраченъ, а когда другъ его Соутгэмптонъ годъ спустя получилъ свободу, онъ только грустно улыбнулся. Шекспиръ избѣгалъ счастливыхъ людей и упорно уклонялся отъ приглашеній лорда Гэнсдона посѣтить его въ его семейномъ кругу. Казалось, онъ приготовлялся къ смерти и выразилъ это чувство въ Гамлетѣ, влагая въ уста принца въ послѣднемъ актѣ слѣдующія слова:

Не послѣ, такъ теперь; теперь, такъ не послѣ;
А не теперь, такъ когда-нибудь да придется же.
Быть готовымъ—вотъ все!

Лордъ Гэнсдонъ жилъ счастливо съ своими дѣтьми, со старымъ Тимоти и съ почтеннымъ мистеромъ Гейнсомъ. По желанію лорда Тимоти совсѣмъ отказался отъ сцены и спокойно проживалъ во дворцѣ добраго лорда, который поручилъ Люси заботиться о «первомъ дѣдушкѣ», какъ онъ шутя называлъ Тимоти.

— А я, дорогая Люси,—говорилъ Гэнсдонъ,—буду заботиться о твоемъ мужѣ, какъ «второй дѣдушка»!

И онъ сдержалъ свое слово. Благодаря его ходатайству, Робертъ былъ посвященъ королевой въ рыцари и возведенъ въ лорды.

Дикъ, не покидавшій своихъ друзей въ несчастьи, оставался и въ счастьи имъ преданъ. Не безъ гордости любовался онъ своими усиками, носить которые ему разрѣшили съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ исполнять мужскія роли. Предсказаніе Люси сбылось: Дикъ сдѣлался знаменитымъ артистомъ и пріобрѣлъ такое же громкое имя, какъ Бербэджъ. Къ самымъ блестящимъ ролямъ его принадлежалъ Отелло, и исполненіе этой роли Дикомъ ставилось современниками выше исполненія ея Бербэджемъ.

Несмотря на это, послѣдній оставался королемъ драматическихъ артистовъ, и во многихъ драмахъ Шекспира, какъ, напримѣръ, Ричардѣ III, Гамлетѣ, Лирѣ, Макбетѣ, на него смотрѣли, какъ на творца этихъ ролей; его пониманіе и исполненіе ихъ впослѣдствіи сдѣлалось традиціоннымъ.

Но Бербэджъ заслуживалъ уваженія среди своихъ согражданъ не только какъ артистъ, но и какъ человѣкъ. Такъ же, какъ и его другъ Шекспиръ, онъ жилъ экономно и скопилъ себѣ такое состояніе, что, когда кончилъ свою сценическую дѣятельность, располагалъ годовымъ доходомъ въ триста фунтовъ.

Королева Елизавета всего нѣсколько разъ видѣла Бербэджа и Шекспира въ Уайтголлѣ. Послѣ смерти графа Эссекса съ нею произошла видимая перемѣна, и особенно сильная тоска овладѣла ею, когда она вернулась отъ смертнаго одра леди Ноттингэмъ. Сильныя душевныя страданія больше не были для нея рѣдкостью.

Причина, вызвавшая эти душевныя страданія королевы, состояла въ открытіи, сдѣланномъ ей леди Ноттингэмъ за нѣсколько минутъ передъ смертью послѣдней. Умирающая призналась королевѣ, что Эссексъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству спасенія и послалъ черезъ нее королевѣ тотъ перстень, который онъ получилъ отъ нея въ подарокъ съ обѣщаніемъ, что при предъявленіи его онъ будетъ снова пользоваться ея благосклонностью. Леди Ноттингэмъ хотѣла передать ей этотъ роковой перстень, но ея мужъ, принадлежавшій къ озлобленнымъ противникамъ графа Эссекса, воспрепятствовалъ ей въ этомъ,—и несчастный графъ былъ казненъ. Съ этихъ поръ Елизаветой овладѣло отчаяніе, и воспоминаніе объ Эссексѣ тяготило ея душу. Свѣтъ казался ей пустымъ, и она часто заливалась слезами, упрекая себя въ смерти Эссекса. Ея министры не выражали ей прежней пре-

данности и безусловнаго повиновенія, а народъ, расположеніемъ котораго она прежде пользовалась, относился къ ней холодно послѣ смерти Эссекса.

Силы королевы быстро падали, и цѣлые дни и ночи она сидѣла на постели въ глубокомъ молчаніи. Ничто больше не привязывало ее къ жизни, она жаждала смерти и отказывалась отъ всѣхъ лѣкарствъ. Собравъ въ послѣдній разъ около себя членовъ государственнаго совѣта, она назначила своимъ законнымъ наслѣдникомъ короля Іакова Шотландскаго, а вслѣдъ затѣмъ скончалась, напутствуемая Кентербэрійскимъ архіепископомъ.

Никто не станетъ отрицать недостатковъ Елизаветы, заключавшихся главнымъ образомъ въ ея тщеславіи и безграничной гордости. Но ея замѣчательныя государственныя способности и необычайная сила воли искупали всѣ эти недостатки. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы государыня вела всемірно-историческую и столь трудную войну съ такимъ счастьемъ, какъ Елизавета.

Смерть королевы усилила мрачное настроеніе Шекспира. Елизавета покровительствовала драматическому искусству, и, если Шекспиръ не могъ простить ей ея жестокости по отношенію къ Эссексу, онъ все же не могъ забыть, съ какою благосклонностью королева относилась къ нему. Кромѣ того Шекспиръ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда не легко разстаются съ своими привычками и привязанностями. Лондонъ для него превратился въ большое кладбище, и кромѣ Бербэджа у него не оставалось тамъ ни одного друга. Графы Соутгэмптонъ и Пэмброкъ покинули столицу, и поэта неотразимо влекло въ Стратфордъ.

Король Іаковъ также покровительствовалъ драматическому искусству, слѣдуя въ этомъ по стопамъ своей предшественницы. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій былъ приказъ принять на службу при дворѣ труппу лорда-

камергера. Но, несмотря на это, въ началѣ 1605 года Вилліямъ Шекспиръ покинулъ сцену и переселился въ свой родной городъ, чтобы тамъ провести остатокъ жизни.

Къ тому же въ это время въ Лондонѣ начала свирѣпствовать эпидемія моровой язвы, и всѣ театры закрылись на долгое время. Многіе актеры ушли въ отдаленныя провинціи, а другіе переселились на континентъ. Шекспиръ уѣхалъ въ Стратфордъ и, поселившись въ своемъ уютномъ домѣ Нью-Плэсъ, рѣшилъ совсѣмъ отказаться отъ всякаго участія на сценѣ, потому что не находилъ въ своей дѣятельности артиста того удовлетворенія, какое давали ему какъ поэту его геніальныя произведенія. Это чувство выразилось во многихъ его сонетахъ. И, можетъ быть, только благодаря увѣщеванію преданныхъ ему товарищей и искренней дружбѣ къ нимъ, Шекспиръ раньше не покинулъ сцену. Къ этому побудило его еще одно обстоятельство. Хотя король Іаковъ покровительствовалъ драматическому искусству, но противъ театра возникли очень стѣснительныя ограниченія, далеко не способствовавшія его процвѣтанію, такъ какъ власть перешла къ строгимъ пуританамъ, осуждавшимъ всякое искусство и поэзію. Кромѣ того блестящій расцвѣтъ драматическаго искусства уже миновалъ: подъемъ его былъ настолько могучъ, что послѣ него долженъ былъ наступить нѣкоторый упадокъ. Даже слава Бэна Джонсона и его возраставшее вліяніе, служатъ подтвержденіемъ этого. И все-таки въ 1623 году Джонсонъ жалуется на упадокъ театра и выражаетъ желаніе, чтобы явился новый Шекспиръ и поднялъ искусство!

Въ то же время въ царствованіе короля Іакова, въ противоположность блестящимъ временамъ Елизаветы, наступилъ упадокъ политическаго могущества и благосостоянія Англіи, и міровое значеніе и величіе страны стало исчезать, и это также удручающе дѣйствовало на Шекспира.

Разлука Шекспира съ Лондономъ не уменьшила творческой дѣятельности поэта, напротивъ, онъ подарилъ сценѣ еще двѣнадцать драмъ. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отражается утомленіе жизнью тоскующаго поэта, въ особенности въ королѣ Лирѣ, Макбетѣ и Юліи Цезарѣ.

«Что жизнь?—восклицаетъ онъ въ Макбетѣ:

Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми; сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ!

Только черезъ десять лѣтъ покинуло поэта это тяжелое настроеніе, и къ нему вернулся его прежній юморъ. Онъ снова погрузился въ сказочный міръ, которому въ «Зимней сказкѣ» и въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Буря» придалъ политическій оттѣнокъ.

Темой для его волшебной комедіи «Буря» послужило внѣшнее событіе. Въ 1609 году отправилась въ Виргинію англійская экспедиція. Ужасная буря разсѣяла эскадру, и адмиральское судно прибило къ Бермудскимъ островамъ. Острова эти хотя и были уже открыты раньше, но не были изслѣдованы. Разсказъ о Бермудскихъ островахъ, названныхъ съ этихъ поръ «Чортовыми», появился въ 1610 году, и изъ него создалъ Шекспиръ свою волшебную сказку о королѣ Просперо. И какъ король въ концѣ пьесы, оставляя островъ, даетъ свободу духу воздуха Аріелю и свой волшебный жезлъ бросаетъ въ морскую пучину, такъ и поэтъ въ эпилогѣ «Бури» освобождаетъ свой творческій духъ отъ дальнѣйшаго служенія искусству:

Исчезли всѣ мои очарованья,
И мало силъ осталось у меня;
Хоть и мое тѣ силы достоянье,
Но знаю я—не много въ нихъ огня...

Наступилъ переворотъ, и побѣда осталась за пуританами, которые предали огню всѣ театры. Когда же королевская власть снова окрѣпла, а вмѣстѣ съ нею ожила и сцена, произведенія Шекспира были преданы забвенію и смѣнились французскими драмами.

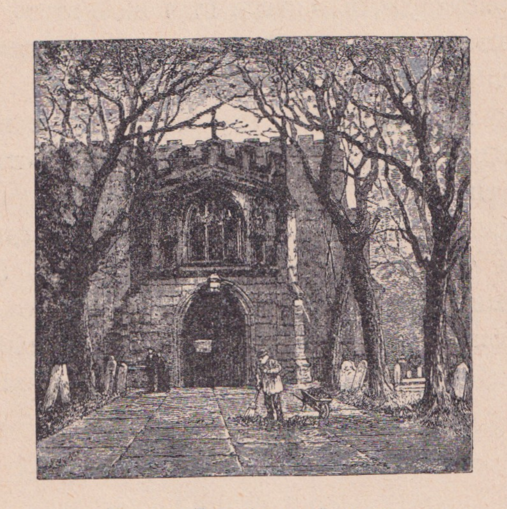
Шекспиръ скончался 23 апрѣля 1616 года на 52-мъ году жизни. Его похоронили въ церкви Св. Троицы, близъ рѣки Авона. На его могилѣ лежитъ каменная плита съ надписью: «Во имя Христа, другъ, оставь въ покоѣ этотъ прахъ. Благословенъ, кто пощадитъ сей камень, и проклятъ тотъ, кто потревожитъ могилу».

Преданіе приписываетъ эту эпитафію самому поэту. Вполнѣ правдоподобно, что онъ заранѣе позаботился о томъ, чтобы защитить свою могилу отъ пуританскаго фанатизма.

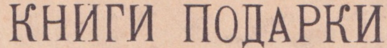
Поэтъ давно уже покоился въ могилѣ, когда заключенный въ его твореніяхъ геній воскресъ, какъ фениксъ, съ обновленными силами. И весь міръ теперь съ восторгомъ внимаетъ словамъ безсмертнаго поэта, лучшей надписью на памятникѣ котораго были бы его пророческія слова:

«Поэзія, дитя небесъ, всесильна!»

Портикъ Стратфордской церкви.

Цари морей.

Открытіе Америки норманнами въ 1000 году. Сост. по Нейкомму и исландскимъ сагамъ Э. Гранстремъ, съ 25 рис. Изд. 2-е. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 руб

Приключенія Ани въ мірѣ чудесъ.

Сост. по Л. Карролʼю М. Гранстремъ, для младш. возр., съ 8-ю аквар., 12 раскр. и 100 двухкрас. рис. Цѣна въ перепл. 2 р.

Жанна д'Аркъ.

Историческій разсказъ, составл. по М. Твену, Лескюру, Сепэ и др. Э. Гранстремъ. Съ 134 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 р. 25 к.

Столѣтіе открытій

въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ. Сост. Э. Гранстремъ. Съ 71 рис. и картою путешествій. Изд. 2-е. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 руб.

Приключенія плясунчика.

Соч. Коллоди. Съ итальянск. Е. Гранстремъ. Съ 4 раскр. картин. и 91 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 руб

Семь мудрыхъ школяровъ.

Разсказы для дѣтей средняго возр. А. Гоопъ. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 88 рис. Изд. 2. Цѣна въ перепл, съ золот. обр. 2 р.

Въ странѣ чудесъ.

Сцены изъ жизни и природы Индіи. Разсказъ для дѣтей средн. возр. Л. Русселэ. Съ франц. М. Гранстремъ. 3-е изд. съ 4 раскр. карт. и 60 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 2 р. 25 к.

Въ дебряхъ сѣвера.

Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. Составл. по финск. народн. сказк. Э. Гранстремъ. Для младш. возр. Изд. 4-е. Съ 21 рис. Цѣна въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 50 к.

С.-Петербургъ, В. О., Волховской пер., 6.